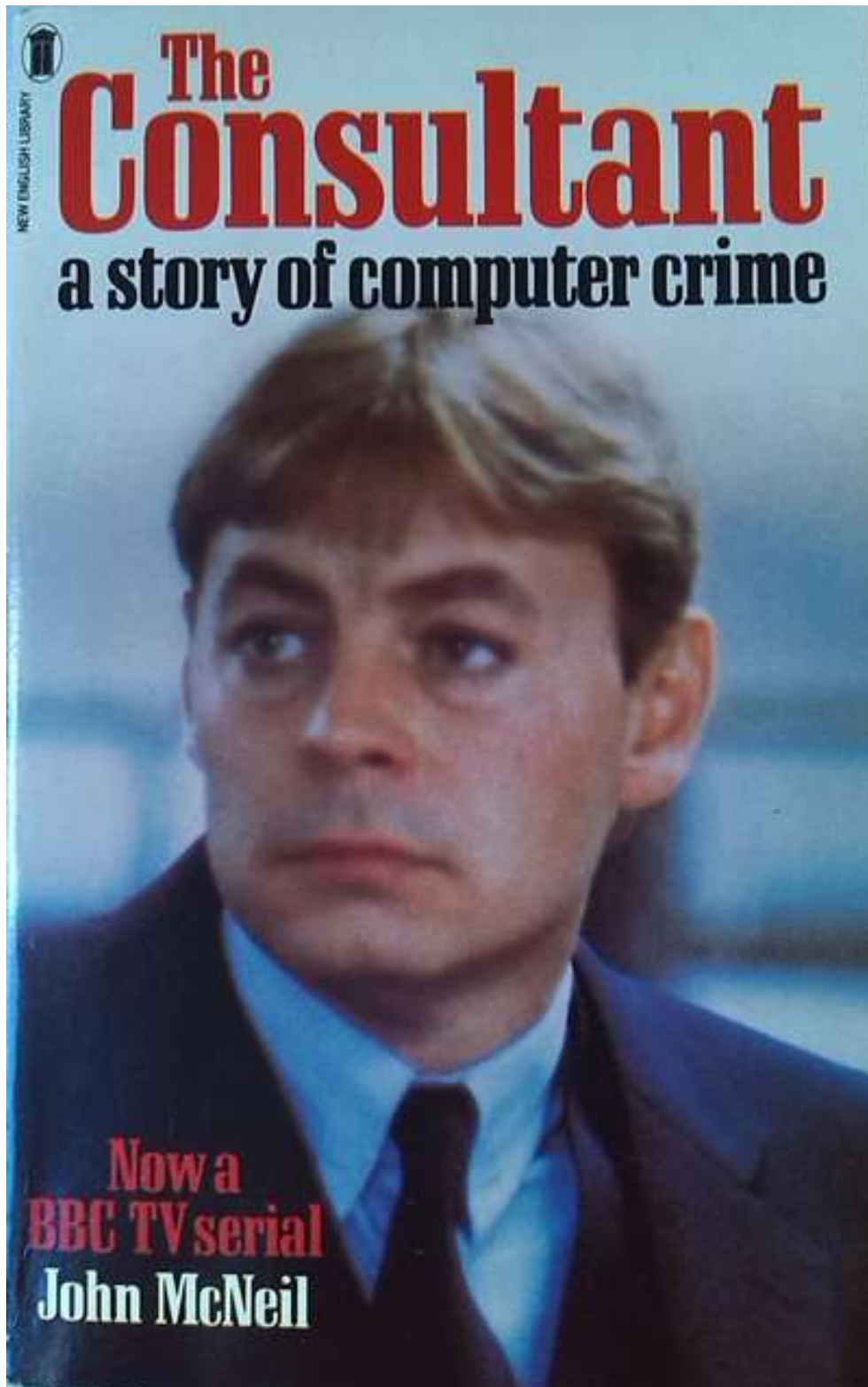

ДЖОН МАКНИЛ

КОНСУЛЬТАНТ

Предисловие переводчика

Электроника на службе грабежа

Роман Джона Макнейла знакомит советских читателей с малоизвестной у нас в стране проблемой — компьютерной преступностью, то есть финансовыми махинациями, осуществляемыми с помощью программ для ЭВМ. Автор романа — специалист по проблемам безопасности вычислительных систем и один из основателей крупной консультативной компании, занимающейся расследованием и профилактикой компьютерных преступлений. Появление таких компаний, а сейчас их на Западе уже немало, связано с громадными масштабами хищений, главным орудием которых является вычислительная техника. Хотя достоверной статистики компьютерных преступлений не существует, по оценкам экспертов в США уже в начале 80-х годов ежегодные потери составляли от 300 млн. до 5 млрд. долл., причём, даже минимальная из этих цифр более чем в 20 раз превышает аналогичные оценки 70-х годов. С помощью ЭВМ из банков сейчас похищают вчетверо больше, чем при вооружённых ограблениях. (Кутейников А.А. Компьютерные диверсии. — США: экономика, политика, идеология. 1985, №7, с. 73). Мафия использует «компьютерную отмывку» для расшифровки цифровых комбинаций кредитных карточек, широко применяемых в странах Запада (о них рассказывается, например, в романе А. Хейли «Менялы», опубликованном на страницах «ЭКО» в 1977 г.). Только на этих операциях доход гангстеров составляет до 750 млн. долл. в год. Ещё более полумиллиарда мафия получает от использования ЭВМ для незаконных операций по перекупке и перепродаже или подделке авиационных билетов (Ограбление... без взлома — «Социалистическая индустрия», 1986, 30 декабря, с. 3).

Все эти цифры носят сугубо экспертный характер, поскольку многие «электронные» хищения либо так и не обнаруживаются, либо не предаются гласности из опасения подорвать репутацию компании. Лишь в одном из десяти случаев дело доходит до суда, а за решёткой преступники оказываются ещё реже. Естественно, что такая почти полная безнаказанность делает махинации с ЭВМ чрезвычайно заманчивыми для обслуживающего персонала и клиентов вычислительных систем.

Человеку, увлечённому в компьютерной преступности, как правило, предлагают просто подать заявление об уходе и даже дают ему хорошую рекомендацию за обещание хранить молчание. Придя в новую организацию, мошенник применяет ту же методику хищений, а попавшись, переходит с наилучшими рекомендациями к новым работодателям...

Иногда эта методика напоминает изощрённые трюки, о которых рассказывает в своём романе Макнейл, а порою их простота свидетельствует о том, что Остап Бендер и Павел Иванович Чичиков не пропали бы и в наше время. Так, один офицер западногерманского бундесвера заложил в ЭВМ список несуществующих солдат, их жалованье перевёл на свой тайный счёт и заработал на «мёртвых душах» 570 тыс. марок (Компьютеры и преступники. — «Труд», 1986 г., 17 июля). Другой мошенник — сотрудник одной английской компании — открыл в её шведском филиале счёт на фиктивное имя Артура Базиля Зихи или сокращённо Зихи АБ, прекрасно зная, что в Швеции аббревиатура АБ является стандартным обозначением компаний с ограниченной ответственностью. После этого ему оставалось только выписывать чеки за несуществующие поставки товаров на имя Зихи АБ, будучи уверенным, что любой контролёр примет этого адресата за компанию-поставщика. Махинация была обнаружена совершенно случайно — мошенник, переводя деньги со счёта мифического Зихи на собственный счёт, по ошибке превысил остаток средств.

Типична здесь случайность обнаружения компьютерных злоупотреблений. Эта случайность ещё отчётливее прослеживается на примере одной крупной английской компании по розничной продаже электротоваров. Один из младших бухгалтеров обнаружил, что ЭВМ по ошибке оплатила счёт одного из поставщиков. Бухгалтер потребовал возврата незаконно полученных денег, а поставщик взамен... предложил ему совместно заняться извлечением доходов из подобных ошибок в программе ЭВМ. Компаньоны основали пять фиктивных фирм и похитили более 100 тыс. фунтов стерлингов под видом платежей за несуществующие товары. В один прекрасный день в дверь бухгалтера позвонил полицейский. С перепугу мошенник признался в своих преступлениях, чем немало удивил гостя, пришедшего выяснить... почему хозяин задержал оплату штрафа за нарушение правил уличного движения.

Характерно в этой истории и то, что первым шагом на пути к преступлению явилась нечестность клиента компании. По оценкам западных экспертов, большую часть компьютерных преступников составляют вовсе не программисты-профессионалы, а именно клиенты вычислительных систем. Они лучше математиков разбираются в реальном содержании операций и легче находят пути к тому, чтобы обжулить компьютер.

Массовый характер компьютерной преступности позволил даже установить закономерности в организации вычислительных систем, которые способствуют возникновению такого рода махинаций. Доктор Кеннет Уонг, сотрудник Британского национального вычислительного центра и автор книги «Безопасность ЭВМ: анализ факторов риска и его предотвращение» считает, что к важнейшим факторам можно отнести:

— низкую служебную дисциплину, пренебрежение мерами безопасности и установленными процедурами обращения с информацией;

- плохое ведение документации;
- неоправданную перегрузку персонала, сверхурочные работы, в ходе которых чаще появляются ошибки, способные подсказать пути использования любых сбоев в корыстных целях;
- отсутствие разделения обязанностей, когда программисты знакомятся с входной информацией, операторы принимают участие в программировании, а специалисты по подготовке информации привлекаются к анализу деловой документации;
- низкий уровень оперативного руководства; отсутствие документального контроля и официальных процедур, регламентирующих порядок внесения изменений в систему программ и массивы данных, а также отсутствие систематического контроля за работой всех звеньев системы;
- ошибки и сбои в работе ЭВМ, которые благоприятствуют сокрытию компьютерной преступности.

И всё жё, чему свидетельством и роман Макнейла, обнаружить и предотвратить даже самое искусно запланированное компьютерное преступление возможно, хотя дело это весьма дорогостоящее и расходы здесь только в США измеряются сотнями миллионов долларов. Создаются и технические средства от «компьютерных медвежатников», например, автоматические шифровальные устройства, встраиваемые непосредственно в ЭВМ. Однако наиболее рациональный путь — профилактика злоупотреблений, которая должна начинаться одновременно с созданием самой вычислительной системы.

Нам привычны службы безопасности труда, но, видимо, настало время для появления и служб безопасности вычислительных центров. Например, в одном из американских банков «Секьюрити пасифик нэинл бэнк», крупно пострадавшем от компьютерной преступности, обеспечением безопасности эксплуатации ЭВМ и защитой от такого рода грабежей занято сейчас около 60 человек, а расходы на эти цели составляют в год около 1,5 млн. долл.

По сути дела, роман Макнейла — почти документальный очерк об ещё одной, мало нам известной стороне жизни западного делового мира. Тайные мошеннические операции, совершаемые крупными корпорациями, коррупция и взяточничество правительственных чиновников, шантаж и мелкие хищения, на которых наживаются представители среднего сословия и специалисты, подобные героям романа Макнейла, сверху донизу пронизали государственно-монополистическую систему, управляющую экономической жизнью Великобритании.

И вовсе не случайно руководство банков, ограбленных с помощью собственных вычислительных систем, предпочитает не выносить сор из избы. «Авторитет фирмы превыше всего» — это девиз для посторонних, но чаще всего отказ от обращения к следственным органам связан не с тревогой за престиж фирмы, а с тем, что руководство компаний и само «нечисто на руку» и не желает допускать посторонних к своей документации. Что же касается убытков — они лягут, в конечном счёте, на мелких акционеров, которым никогда не разобратся в изоцирковой бухгалтерии монополий.

В своём романе Макнейл продолжил тему, начатую известными американскими писателями — Эптоном Синклером и Артуром Хейли. Так же, как и они, Макнейл обращается к материалу, досконально им изученному, тщательно проанализированному. И результат, к которому он приходит, недвусмысленен: до тех пор, пока будет существовать воровской мир финансовых воротил, такой мелкой рыбёшке, как Кристофер Вебб, нечего опасаться.

Советскому читателю небезынтересно будет узнать, как западные фирмы используют современную электронно-вычислительную технику. Внушительная картина ультрасовременного вычислительного центра, принадлежащего одному из крупнейших английских банков, не может не восхищать теми возможностями, которые технический прогресс открывает сегодня перед человеком. Тем чудовищнее и безнравственнее превращение ЭВМ в орудие грабежа. «Вор у вора шапку украл» — эта пословица как нельзя более точно отражает весь цинизм описываемых Макнейлом событий. Что касается достоверности развёрнутой в романе истории, то стоит отметить, что вскоре после выхода в свет этого произведения в США было раскрыто одно из крупнейших компьютерных преступлений. Бывший профессор колледжа С. Рифкин ухитрился ограбить уже упоминавшийся «Секьюрити пасифик нэинл банк» (в те времена ещё не уделявший такого внимания безопасности ЭВМ) на 10,2 млн. долл., использовав то обстоятельство, что банк пригласил его на работу в качестве... консультанта по ЭВМ.

Жанр детектива, избранный Макнейлом, позволяет ему создавать убедительную картину нравов, царящих в лондонском Сити — и в кабинетах высшего руководства, и в подпольях тщательно замаскированного вычислительного центра банка «Уотерман», куда приходит Кристофер Вебб в поисках возможных махинаций, ещё не подозревая, что это расследование станет переломным в его жизни.

Предлагая читателям «ЭКО» роман Джона Макнейла «Консультант», мы хотим заострить их внимание на тех новых проблемах, которые появляются по мере широкого внедрения ЭВМ. К сожалению, как и почти любое достижение человеческого гения, компьютер, решая одни экономические и социальные проблемы, одновременно порождает и другие, порою не менее сложные. Сегодня, когда масштабы выпуска и применения средств вычислительной техники в нашей стране должны резко увеличиться, к решению возможных в будущем проблем надо готовиться загодя, чтобы они не застали врасплох.

И. Липсиц, кандидат экономических наук, Москва

РЕЗУЛЬТАТЫ СПЕЦИАЛЬНЫХ ОБСЛЕДОВАНИЙ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ, ЧТО ПОЧТИ ПОЛОВИНА ВЛАДЕЛЬЦЕВ ЭВМ НЕ УДОВЛЕТВОРЕНА ИХ РАБОТОЙ. ПРИМЕРНО В 75% СЛУЧАЕВ ВИНИТЬ ЗА ЭТО ОНИ МОГУТ ЛИШЬ САМИХ СЕБЯ.

Из журнала «Экономист»

ПРОЛОГ

— Как только я разделаюсь с этим делом, лягну спать на целую неделю, — сказал Майкл Харви и остановился, чтобы закурить. — Ей-богу, — добавил он и устало потёр небритое лицо.

Кристофер Вебб лишь усмехнулся в ответ, и они двинулись дальше по пустому, ярко освещённому коридору, в котором их сопровождало лишь эхо собственных шагов. Они миновали тамбур, отделанный белым пластиком. Навстречу подул лёгкий ветерок. Воздух здесь был прохладный, сухой и лишённый запахов. Когда Вебб взялся за ручку следующей двери, он почувствовал лёгкий укол статического электричества. Дверь открылась, они вошли в машинный зал.

Последние пылинки с их обуви поглотил пушистый коврик. Перед ними тянулись строгие ряды стальных шкафов, окрашенных в красный и чёрный цвета. Энергично посвистывали на высоких оборотах дисководы, им вторил более глухой тон моторов накопителей на магнитных лентах и шум кондиционеров. Лампы дневного света ярко освещали помещение, изгоняя тень из закоулков.

— Им пришлось попотеть, пока они затащили все эти игрушки сюда под землю, — сказал Харви. — Один оператор мне рассказывал, что они вынуждены были раскопать весь тротуар, и Ломбард-Стрит из-за этого была закрыта для проезда целый уикэнд.

— Техники-то здесь хватает, — равнодушно ответил Вебб. Все компьютеры давно уже казались ему на одно лицо. Восхищаться их возможностями он предоставлял молодым — таким как Харви.

Они миновали неустанно стрекочущее устройство, и тут Харви остановился.

— Приветствую вас в операционном командном центре, — провозгласил он шутливо и, распахнув узенькую дверь в стене, жестом пригласил Вебба войти в какую-то комнатку, служившую, видимо, кладовкой. В её дальнем углу стоял дисплей, а перед ним кресло, со спинки которого небрежно свисала джинсовая куртка.

— Чья это была идея — загнать тебя под землю? — спросил Вебб.

— Вообще-то моя, — ответил Харви.

— Не сказал бы, что это идеальное место для встреч с клиентами, — заметил Вебб. В этой крохотной комнатке шум кондиционеров казался особенно неприятным, а тоненькая дверь пропускала почти все звуки, доносящиеся из машинного зала.

— У меня не было другого выхода, Крис. Это единственный стоящий дисплей во всём здании, который не на глазах у всех, а это для меня, сам понимаешь, главное.

— А если именно этот дисплей использует невидимка?

— Что ж, мы неплохо развлечёмся, если он сюда придёт, — Харви театрально напряжился, пытаясь изобразить грозу преступников.

— Кто знает, что ты тут сидишь?

— Чамберс.

— А кто ещё?

— Один или два оператора видели, но они на меня внимания не обращают.

Вебб ещё раз оглядел комнатку. Дверь в неё не была застеклена. Окна здесь тоже не было. «А ведь Харви хорошо выбрал место, — решил Вебб наконец. — Удобный уголок».

— Главное теперь, чтобы у тебя всё получилось, — сказал он.

Программист только пожал плечами.

— Я сижу над программой, не разгибаясь, уже двое суток, Крис, на её подготовку и отладку в нормальных условиях необходимо не меньше недели. Не бойся, — добавил он, ободряюще улыбнувшись Веббу, — будет работать.

Он подсел к дисплею и включил его.

Вебб нервно поправил галстук и ещё раз оглядел комнату.

— Чамберс будет с минуты на минуту, — выразительно произнёс он.

Харви пожал плечами.

— Ну и что?

— Он здесь занимает пост начальника группы контроля, Майк. И компьютеры — далеко не то, в чём он разбирается лучше всего, понятно?

Харви молча кивнул в ответ.

— Собственно, Чамберс гибрид: наполовину — полицейский, наполовину — агент по страхованию. Это именно то, что требуется в его работе. В компьютерах он ни черта не понимает и не пытается это скрыть. Надо сказать, что ему также совершенно безразличны программисты и их небрежные манеры.

— Ладно, а от меня-то ты чего хочешь?! — наконец возмутился Харви.

— Чтобы ты хоть немного привёл себя в порядок. Надень куртку и чуток причешись. Ты стоишь «Лондон Альянс» чистых девяносто фунтов в день. Постарайся хоть немного тянуть на эту сумму.

Недовольно Харви натянул куртку и снова повернулся к дисплею. Когда дисплей подтвердил готовность к работе, он облегчённо вздохнул и откинулся в кресле поудобнее.

//ХАРВИ 25/8

//НАЗВАНИЕ ПРОГРАММЫ=ШЕРЛОК

СТАРТ

Вебб ждал продолжения, но экран был пуст.

— И это всё? — спросил он у Харви.

— Программа работает, но результаты на дисплей не выдаются, — пояснил Харви. — Она отзовётся только тогда, когда в машине начнёт происходить что-то, имеющее отношение к нашей операции.

— Хотел бы я знать, — задумчиво сказал Вебб, — будет ли это квалифицировано, как мошенничество, или только как хищение?

— А есть существенная разница?

— Кое-какая. За мошенничество можно попасть в тюрьму, а вот за хищение — далеко не всегда...

Если вы решили вытащить Дугласа Чамберса на работу в полночь, вам для этого необходимо заpastись веской причиной. Эту мысль Чамберс недвусмысленно выразил своим появлением. Он распахнул дверь с такой силой, что едва не сорвал её с петель.

— Прошу прощения, что мы вынуждены были вызвать вас посреди ночи, — сказал Вебб, — но у нас не было другого выхода.

Толстяк только махнул рукой.

— У меня сегодня гости, пришлось извиняться. Хорошо, что это мои старые, очень старые друзья, они меня поняли.

— Вначале мы хотели работать без вас, — продолжил Вебб, — и доложить всё

утром. Но потом я решил, что вам будет интересно увидеть всё собственными глазами.

— А что именно я увижу, господин Вебб?

Чамберс приблизился к дисплею, наклонив голову, как будто брал след. Вебб взвешивал каждое слово, чтобы добиться максимального эффекта.

— Ваша вычислительная система нарушена или будет нарушена, как мы предполагаем, вскоре после половины первого ночи...

— Вы в этом уверены?

— Абсолютно.

Чамберс пожал могучими плечами и огляделся в поисках стула. Убедившись, что сесть некуда, он прислонился к стеллажу, который слегка наклонился под его тяжестью.

— Что ж, это любопытно, — наконец сказал он, и по комнате распространился явный запах пива.

— Вас это удивляет?

— Немного.

— Но ведь вы сами заказали нам проверку всей вашей автоматизированной системы. Видимо, вы хотели узнать, что в ней не в порядке...

— Мы хотели узнать, что с ней всё в порядке, — поправил его Чамберс. — Какие-то подозрения у меня, конечно, были, что да, то да. Но я был уверен, что просто перестраховываюсь, если говорить честно, то я надеялся получить от вас квитанцию, что всё у нас здесь о'кей...

— Вот этого вы от нас, к сожалению, получить не сможете. Дело в том, что на прошлой неделе в это же время Харви тут обнаружил кое-что интересное.

— Я натолкнулся на две душонки, — усмехнулся Харви. — Как вам это нравится?

— На что вы натолкнулись? Говорите понятнее, чёрт возьми!

— На мёртвые души, — пояснил Вебб. — Харви имеет в виду, что он обнаружил лиц, которые имели в вашей компании пенсионное страхование и должны быть мертвы, но они не мертвы...

— То есть, они не мертвы для машины, — добавил Харви.

— Ага, теперь понимаю, — буркнул Чамберс. Но, судя по выражению его лица, до полного понимания ему было ещё далеко.

— Среди ваших клиентов существуют тысячи пенсионеров или инвалидов, которые получают от «Лондон Альянс» пенсию. Некоторым она перечисляется на их счета в других банках, а части клиентов вы ежемесячно отправляете чеки. Эта рутинная процедура повторяется из месяца в месяц, пока застрахованный не умрёт. Как только наступит смерть, в соответствии с условиями страхования, наследник умершего или другая особа, имеющая на это право, должны известить вас о случившемся. После чего вы прекращаете выплату пенсии.

— Это всем известно, — нетерпеливо буркнул Чамберс.

— Имейте терпение. Ну, а что, если кто-то решит скрыть от вас смерть застрахованного? Или если он сообщит вам о временном выезде и укажет адрес, куда вы на это время должны высылать ему чеки? — добавил Харви.

— Тогда он каждый месяц будет получать от вас в подарок кругленькую сумму, причём, будет иметь эту радость на протяжении многих лет.

— Такое может случиться и случается порой, — ответил Чамберс, не теряя спокойствия. — И это случалось довольно часто до тех пор, пока не появились ЭВМ. Кроме того, периодически мы проводим персональный контроль застрахованных, так

что с этим трюком далеко не уедешь.

— Ой ли? — подковырнул его Вебб. — Представим теперь, что кто-то из застрахованных в вашей компании умер. Вы выполните все необходимые формальности, прокрутите всю эту бумажную карусель и, наконец, закроете его документацию. После этого умрёт и личное дело покойника. Со всеми почестями оно будет погребено в вашем архиве. Теперь уже вашим контролёрам нет повода им заниматься. Для «Лондон Альянс» он перестал быть статьёй расходов, не так ли? Все административные процедуры закончены и сюда, в вычислительный центр, поступает требование, чтобы запись об умершем была ликвидирована и в памяти машины. А что, если кто-то проигнорирует это требование? Что, если он вместо этого осуществит в памяти ЭВМ лишь изменение адреса? Никто об этом никогда не узнает, а вы будете платить и дальше, до скончания веков или ликвидации вашей компании...

Теперь до Чамберса дошло. Он нахмурился и медленно качнул головой в знак согласия.

— Кто этим занимается?

— Кто-то из персонала, обслуживающего ЭВМ, — сказал Вебб. — Это может быть только кто-то из них.

— Но кто именно?

— Чтобы узнать это, мы и сидим сейчас тут, — Вебб широко улыбнулся. — Но пока мы об этом не имеем ни малейшего понятия.

— Это не совсем так, — вступил в разговор Харви и показал клочок бумаги, на котором он от руки что-то написал. — Кто бы это ни был, для компьютера его имя звучит АА3795, или АА, как мы его назвали для краткости.

В эту минуту дисплей проснулся, и на экране появилась надпись:

//ШЕРЛОК – СИСТЕМНАЯ ИНФОРМАЦИЯ
ВКЛЮЧЕНА ПРОГРАММА КОРРЕКТИРОВКИ ИНФОРМАЦИИ О ПЕНСИЯХ

Харви взглянул на часы.

— Точно по расписанию...

— Вы мне ещё не сказали, какую роль в этом деле играет ваш дисплей, — сказал Чамберс. — Это мне пока неясно.

— Воришка пользуется точно таким же устройством, — ответил Вебб. — Это отмычка, с помощью которой он забирается в банк данных, а значит, взламывает и всю систему. На прошлой неделе вы получили сведения о смерти двадцати застрахованных. Ну, а я натолкнулся на тот факт, что некоторые из них умирать не пожелали. На вход ЭВМ поступило двадцать распоряжений об исключении скончавшихся из списка получателей пенсий, но внутри машины умерло лишь восемнадцать человек. Вот так у меня и получился баланс — восемнадцать умерших и две бессмертные души. Операция «Воскрешение», как я установил, была проведена с помощью аналогичного дисплея.

Дисплей Харви выдал на экран новую информацию:

+++ ЧИСЛО ОДНОВРЕМЕННО ПОДКЛЮЧЕННЫХ ТЕРМИНАЛОВ ==
ЛОКАЛЬНЫЕ 22
УДАЛЕННЫЕ 0

— Отлично! — потёр руки Харви. — Дело облегчается.

Он повернулся к Чамберсу и усмехнулся.

— Все такие дисплеи у вас ведь расположены в этом здании? Значит, нам сегодня предстоит погоня за злодеем!

Чамберс встал, прочёл надпись на экране дисплея и беспомощно пожал плечами.

— Ещё минуточку, — попросил он.

— Всю работу делают программы формирования банка данных о пенсионерах, — терпеливо продолжил разъяснения Вебб. — Одна из этих программ специально предназначена для учёта вновь поступающих сведений о смерти застрахованных. Так вот, наш приятель АА вмонтировал в программу какую-то вставку и как только этой ночью его программа включится, здесь начнутся интересные дела.

Чамберс вытянул их кармана смятую пачку сигарет, злобно оглядел комнатку, заставленную коробками с лентами и медленно засунул сигареты опять в карман.

— Что за мерзость, эта вставка? — за грубостью слов он пытался скрыть растерянность.

— Вставка — это изменение в программе, сделанное после того, как она была написана и отлажена, — ответил Вебб. — Даже если кто-то начнёт изучать запись программы, он не найдёт ни следа вставки.

— Но ведь это бы значило... — прервал его Чамберс, обеспокоенный той истиной, которая постепенно начала до него доходить.

— Невидимое преступление, — подхватил Вебб. — Не слишком приятная вещь, не правда ли?

Дисплей снова ожил и выбросил на экран новую информацию:

```
+++ ЧИСЛО ОДНОВРЕМЕННО ПОДКЛЮЧЕННЫХ ТЕРМИНАЛОВ ==  
ЛОКАЛЬНЫЕ 2  
УДАЛЕННЫЕ 1
```

— Ах, хитрец! — вскрикнул Харви. — Его время приближается и он осторожничает. Подключился откуда-то из другого места.

— Но я его всё равно достану, — сказал Чамберс с кривой усмешкой и рывком ослабил галстук. — Я пойду по его следу, раскопаю все адреса, которые он подсовывает машине и найду его хоть под землёй. Я прав?

Вебб кивком головы выразил что-то, смахивающее на одобрение.

— Мне надо было раньше заняться компьютерами, — сказал Чамберс. — У меня бы получилось.

```
+++ ЧИСЛО ОДНОВРЕМЕННО ПОДКЛЮЧЕННЫХ ТЕРМИНАЛОВ ==  
ЛОКАЛЬНЫЕ 3  
УДАЛЕННЫЕ 1
```

— Для столь позднего часа у вас тут слишком оживлённо, — хмыкнул Харви.

— Что вы с ним сделаете? — спросил Вебб у Чамберса.

— Это уже не моё дело.

— Ну, а что с ним сделает компания?

— Этого никто не заранее сказать не может. Но уж наверняка всё будет сделано без шума, как всегда, — ответил Чамберс, пожатием плеч дав понять, что его это несколько не волнует.

— Но вы его наверняка выгоните?

— И это необязательно. Если уж дело будет совсем плохо, ему дадут понять, что лучше подать заявление об уходе. Но скорее всего, его просто переведут туда, где он ничего не сможет скомбинировать.

— И это всё? — удивился Вебб.

И тут дисплей снова ожил:

```
//ШЕРЛОК – СИСТЕМНАЯ ИНФОРМАЦИЯ  
ВКЛЮЧЕНА ПРОГРАММА КОРРЕКТИРОВКИ ЧИСЛА УМЕРШИХ  
КОЛИЧЕСТВО МЕРТВЕЦОВ ДЛЯ СПИСАНИЯ ЗА ПРОШЛУЮ НЕДЕЛЮ -- 16
```

— Ну и выражения у вас в этой программе! — саркастически сказал Чамберс, обращаясь к Харви.

— Да, сегодня их списывается не слишком много, — не дал сбить себя с толку программист. — Это благодаря хорошей погоде.

— А всё-таки, если бы я поймал кого-то из наших сотрудников с рукой, запущенной в кассу... — гнул свою линию Вебб.

— Для начала вы бы попробовали пару месяцев поработать в нашем деле, — огрызнулся Чамберс. — Тогда вы увидите, как много на самом деле крадут в мире бизнеса. Тащит каждый: страховые агенты, персонал, буквально все. Крадут бумагу, крадут почтовые марки. У вас могут украсть всё, что не привинчено или не прибито. Просто такова жизнь.

Но тут дисплей вновь проснулся и выбросил на экран информацию, которой они так ждали:

```
//ШЕРЛОК //РЕШЕНИЕ  
АДРЕС ДИСПЛЕЯ == 14
```

— Это местный дисплей! — радостно охнул Харви. — Значит, он всё-таки здесь, в здании.

Он вытащил из кармана листок с какой-то записью и начал быстро водить пальцем по строчкам.

— Третий этаж, — наконец сказал он. — Отделение страховой статистики, комната номер 327!

Чамберс глядел на него с недоверием.

— Но ведь вы сказали, что это будет кто-то из персонала, обслуживающего машину?

— Так оно и есть, — уверенно ответил ему Вебб. — Просто свои делишки он удалился делать в тихий уголок наверху.

Вебб по-дружески ткнул толстяка пальцем в грудь.

— По-моему, если вы хотите поймать его с поличным, надо вам идти туда немедленно и поспешить!

***

Они ехали по затихшему Сити, тёмному и пустому в эти ночные часы. Только когда начали приближаться к Флит-стрит, Лондон стал оживать. Окна в редакциях ярко освещали тротуар, возле которого стояло много машин. Вебб свернул на боковую

улицу и начал крутиться по району, пока не нашёл бар, работавший в столь поздний час. Они спустились по узеньким ступенькам вниз, и Вебб заплатил кругленькую сумму за временное членство в клубе, которому принадлежал этот бар.

— За это платит «Лондон Альянс» — сказал он весело и заказал два больших стакана виски, самого дорогого и лучшей марки, какая только была в этом баре.

— Не понял...

— Да просто мы это поставим в счёт, вот и всё!

Харви неуверенно улыбнулся.

— Питание, транспортные расходы, — пояснил ему Вебб. — Ясно?

— Крадут бумагу, крадут почтовые марки. Крадут даже писсуары! — Харви удалось очень похоже изобразить ланкастерский диалект Чамберса.

— Ну, конечно, разве он сам об этом не сказал? Пользуется кто попало. А чем мы хуже?

С лица Вебба постепенно исчезла улыбка, теперь он говорил совершенно серьёзно.

— У этой компании нет никакой действенной формы самозащиты, Майк. Если их кто-то обведёт вокруг пальца, они даже не сумеют ему за это отплатить.

— Они для этого просто слишком глупы, — решительно сказал Харви и взобрался на высокий табурет у бара.

— Вот этого я не говорил, — строго сказал Вебб. — Клиент нам платит, никогда не забывай об этом. Он нанимает нас, чтобы мы ему сказали о том, чего он не знает или сделали то, чего он сам сделать не умеет. Поэтому он оплачивает право быть столь глупым, сколь ему хочется. Но ты не имеешь права никогда, даже на минуту, поверить в то, что он действительно глупец и невежда. Это самый главный рецепт, как избежать ненужных ошибок.

Вебб усмехнулся.

— Ты отличный специалист, Майк, но профессионалом ты ещё не стал.

— Ладно, может ты и прав. Завтра я к ним пойду с самого утра и устраню эту вставку. А то они сами её всё равно не найдут.

— Этот АА сделал своё дело совсем неплохо, — задумчиво проговорил Вебб. — Мне его даже жаль. Идея была отличная. Хитрая голова. Ещё чуть-чуть и он стал бы неуловимым. Всего-то и надо было — внести в программу поправку, не позволяющую определить адрес дисплея и воспользоваться дисплеем из другого места. Тогда мы бы его ни за что не ухватили...

— Да ладно о нём... — сказал Харви. — Завтра я с утра уничтожу все следы этого АА и дело с концом!

— Гром не гремит дважды, — ответил ему Вебб со странной какой-то улыбкой и крепко схватил своего подчинённого за плечо.

— Даже не могу себе представить, как бы они эту вставку сами смогли из программы удалить, — ничего не поняв, задумчиво сказал Харви.

— Оставь её там! — рявкнул на него Вебб.

— Что оставить?

— Эту идиотскую вставку! Просто оставь её там, где она есть!

Сузив зрачки и приблизив своё лицо вплотную к лицу ничего не понимающего Харви, он в упор смотрел на него.

— У меня есть идея...

ЛЮБЫЕ МАТЕРИАЛЫ И ДАННЫЕ, ПРЕДОСТАВЛЯЕМЫЕ СОТРУДНИКАМ, ПРЕДНАЗНАЧЕНЫ ТОЛЬКО ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ ИМИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ В СФЕРЕ СВОЕЙ КОМПЕТЕНЦИИ, ПРИЧЕМ В ИНТЕРЕСАХ И ВО БЛАГО БАНКА. ПОСЛЕ РАСТОРЖЕНИЯ ТРУДОВОГО СОГЛАШЕНИЯ СОТРУДНИК ОБЯЗАН ВОЗВРАТИТЬ БАНКУ ВСЕ МАТЕРИАЛЫ, КОТОРЫМИ ОН РАСПОЛАГАЕТ В СИЛУ ЗАНИМАЕМОЙ ДОЛЖНОСТИ, И В ДАЛЬНЕЙШЕМ ХРАНИТЬ МОЛЧАНИЕ О ЛЮБЫХ СВЕДЕНИЯХ, КОТОРЫЕ ЕМУ СТАЛИ ИЗВЕСТНЫ В ПЕРИОД ЕГО СЛУЖБЫ В БАНКЕ.

Из текста трудового соглашения для сотрудников «Секьюрити Централ Бэнк оф Охайо»

1

Александр Харрингтон глядел прямо перед собой, и ему казалось, что его посадили в застеклённую витрину, вознесённую в куда-то в облака. Под собой он ощущал самое мягкое кожаное кресло, которое только можно представить, а туфли его утонули в ворсе белого ковра. Гигантские затенённые окна отфильтровывали жар осеннего солнца и окрашивали облака мягким серым цветом. Кроме облаков его глаза видели только верхушки других небоскрёбов и их верхние этажи. Он находился в избранной компании коммерческих гигантов, где числом этажей меряют богатство и силу компаний. Вдали виднелось здание биржи, за ним «Нейшинэл Вестминстер Бэнк», расположенный в Дрэпэрс Гарден. Харрингтон не удержался от иронической усмешки, когда поймал себя на мысли, что он сидит чуть выше конкурентов. За его спиной секретарша, подобранная, наверное, по принципу соответствия интерьеру президентского этажа, что-то печатала на электрической машинке. Это был единственный звук, который нарушал тишину.

Харрингтон внезапно сообразил, что окна президентского этажа находятся прямо под названием банка, венчающим здание небоскрёба. Хотя Харрингтон не мог видеть название, он чётко представлял гигантские чёрные буквы «Уотерман». Чёрные на чёрном фоне. Вообще всё здание было тёмным — чёрный металл и серое матовое стекло, и это не нравилось Харрингтону. Такая неприязнь к небоскрёбу «Уотерман» могла бы показаться странной любому, если учесть, что её испытывал человек, распоряжающийся всей вычислительной техникой банка. Но Харрингтон и в компьютерах никогда не видел ничего приятного. Просто он на этом деле зарабатывал себе на жизнь и делал это настолько хорошо, насколько мог. И ничего более.

Он отошёл от окна, но теперь выбрал кресло спиной к окнам и лицом к дверям зала заседаний, куда уже давно ожидал приглашения войти.

От нечего делать он начал листать довольно потрёпанный номер «Мэнэджмент Тудэй» и вскоре понял, почему этот экземпляр не отправлен давно в корзину для бумаг. Журнал был заглажен так, что сам открывался на развороте, где были помещены большие фотографии Мейера Уотермана и президента банка сэра Невилла Джонсона. Заголовок статьи гласил: «Уотерман вырывается вперёд». Харрингтон так же, как и большинство руководящих работников банка, знал эту статью почти наизусть. Центральное место в ней занимало описание системы «БАНКНЕТ», обширной сети ЭВМ и устройств связи с ними, а также и той роли, которую сыграло создание системы в нынешнем рекордном расцвете банка. Автор статьи восторженно описывал, как новейшая вычислительная техника вдохнула свежую струю в один из старейших банков Сити. Банк «Уотерман», отмечалось в статье, расходует на

вычислительную технику, если пересчитать эти суммы на одного занятого или на один фунт активов, значительно больше, чем другой клиринговый банк. Но при этом одновременно банк вышел и на первое место по сумме доходов. Эти два факта тесно связаны друг с другом, именно поэтому журнал счёл нужным опубликовать фотографию Дэвида Клемента, одного из директоров банка, который является автором идеи компьютеризации банка и который руководил её реализацией.

Клемент! Всегда все сливки ухитряется слизать этот Клемент. Всегда ему удаётся сосредоточить на себе внимание публики! Харрингтон раздражённо отбросил журнал. На другом конце холла секретарша по-прежнему двумя пальчиками что-то выстукивала на машинке, и пощёлкивание шариковой головки по бумаге напомнило Харрингтону звук, однажды услышанный им на его загородной вилле. Такой звук издавала какая-то птица, пытаясь расколоть скорлупу орешка о столбик обледеневшей изгороди.

— Я думаю, — сказал сэр Невилл Джонсон, — что с большинством присутствующих здесь вы знакомы, не так ли?

На зеркальной плоскости стола заседаний были разбросаны листы белой бумаги. За президентским креслом, на деревянной обшивке стены по геральдическому голубому морю плыл алый адмиральский корабль. Единственная дата под гербом гордо напоминала, что банк «Уотерман» основан в 1773 году.

— Почему ты не садишься, Алекс? — спросил его Клемент.

Харрингтон пододвинул к себе пустое кресло и, усевшись в него, начал оглядывать собравшихся за столом. Действительно, с большинством присутствующих он был знаком. Кое с кем постоянно сталкивался по работе, депутата парламента Кеннета Милбурна он видел выступающим по телевидению, остальные заглядывали в вычислительный центр на экскурсию (хотя, помнится, их тогда больше заинтересовало поданное шерри, чем работа машин). Других он помнил по тем торжествам, которые руководство крупных компаний проводит в надежде воссоздать атмосферу «семейного предприятия».

— Дэвид Клемент посчитал, что сегодня вы понадобится как ассистент, — продолжал президент. — Может быть, вам покажется странным, что вас предварительно не ознакомили с вопросом, по которому мы вас сегодня пригласили. Однако лично я считал это необходимым.

Он надел массивные роговые очки, чтобы зачитать повестку дня, как будто и сам уже забыл, зачем, собственно, Харрингтона впервые вызвали на заседание правления банка.

— Итак, господа, сегодня мы бы хотели обсудить вопросы безопасности нашей вычислительной системы. Мы пригласили вас, Алекс, чтобы вы могли участвовать в решении, которое мы сегодня примем и которое повлияет на вашу работу и работу ваших подчинённых.

Последние слова президента ускользнули от внимания Харрингтона, глядевшего только на Клемента. «Ах ты, подлец! Ты же мог мне хотя бы намекнуть! А теперь придётся импровизировать перед этими идиотами, большинство из которых может принять за ЭВМ обычный магнитофон». Внезапно Харрингтон осознал, что наступила пауза, и все смотрят на него. Все, кроме Клемента. Это была его типичная тактика. Отвести внимание от себя. Послать вперёд другого, которому может достаться случайная пуля.

Президент намекающе покашлял.

— Безопасности отдельных систем нами было уделено очень много внимания и усилий, — начал докладывать Харрингтон. — Эти меры были связаны как с программированием «БАНКНЕТа», так и с системой контроля данных и операций, равно как и с физической безопасностью самого вычислительного центра. Те из присутствующих, кто бывал в нашем так называемом «Информационном Центре-Лондон», видели меры безопасности собственными глазами и убедились в той последовательности, с которой мы их соблюдаем. Если у вас имеются дополнительные вопросы, я готов на них ответить.

— Спасибо, Алекс, — сказал президент. — Айвор, я просил вас провентилировать этот вопрос. Вы можете нам что-нибудь сообщить?

Айвор Сасскинд возглавлял управление по вопросам долгосрочной политики банка. Он был единственным курильщиком в зале, и пепельница перед ним уже была полна окурков.

— Я специально не подготовил к сегодняшнему заседанию никакого письменного доклада, поскольку то, о чём я буду говорить, требует максимальной степени секретности. А если доверить их бумаге — секрет уже не сохранишь. В прошлом месяце я участвовал в конференции «Американской банковской ассоциации» в Сан-Диего. И уж коли я забрался в Штаты, я слетал в Охайо, где расположена компания «Секьюрити Централ». Некоторые из присутствующих, возможно, знают, что президент этого банка — мой шурин, Джеральд Шульц. Честно говоря, я намеревался просто провести пару приятных деньков в Кливленде, поиграть с племянниками. Однако, я застал Джеральда и членов его штаба в состоянии глубочайшего кризиса. Кто-то «взломал» их вычислительную систему, причём, чрезвычайно ловко. Как потом выяснилось, это сделал один из их лучших и довереннейших программистов. Он ушёл от них ещё год назад, и выглядело это вполне невинно. Однако, на самом деле с того времени компьютер банка начал активно работать на этого пройдоху, собирая сливки и переводя их на счёт в другом банке.

Сасскинд замолк, внимательно оглядел лица присутствующих и вперил в Харрингтона столь долгий и пронзительный взгляд, что начальнику отдела вычислительной техники на секунду даже показалось, что именно его сейчас призовут к ответственности за то, что произошло.

— Как выяснилось, речь шла о сумме, составляющей восемь миллионов долларов, — тихо добавил Сасскинд.

— Бог ты мой! — охнул Милбурн.

— Махинация была обнаружена случайно, — продолжал Сасскинд. — На неё натолкнулся младший программист, занявшийся экспериментами, на которые он вообще-то и права не имел. Им просто повезло, потому что ни одна из предыдущих ревизий не обнаружила ничего тревожного. Как вы понимаете, Джеральд пережил немало тяжких минут в эти дни.

— Но всё же, она была обнаружена? — сказал сэр Нэвилл. — А это для нас имеет большое значение.

— Махинация заключалась в том, что некоторые эксперты по ЭВМ в Штатах называют частной податью. Операционная система была тайно изменена таким образом, что взysкивала с каждой финансовой операции, которая проходила через ЭВМ, незаконную дань. Таких операций за день осуществляется, как вы сами понимаете, немало. Эта дань составляла от доли цента до нескольких центов. Однако

умножьте эти числа на количество операций в день, предположите, что это продолжается довольно долго, и вы получите... Впрочем, сумму я уже вам назвал. Надеюсь, вы её забудете, как только выйдете из этой комнаты. У Джеральда и так было немало неприятностей...

— Но они уже поймали этого ворюгу, разве не так? — прервал молчание руководитель управления кассовых операций Хью Линдсей-Джонс.

Сасскинд лишь криво улыбнулся.

— К несчастью, им лишь на минуту показалось, что они его поймали. Они выследили номер счёта, на который переводились ворованные деньги и сразу же устранили из программы эту вставку. Но этот парень ухитрился «заминировать» систему. Именно «заминировать», я не оговорился — специалисты считают, что это правильный термин. Дело в том, что ликвидация вставки привела к переводу ста одного доллара на никому не известный счёт, а это, оказывается, был сигнал тревоги для грабителя. С того момента его больше никто не видел. И восьми миллионов тоже.

Похоже было, что Линдсей-Джонс опять хочет что-то сказать, но Сасскинд жестом остановил его.

— В тот же момент, когда они, сами того не сознавая, подали вору сигнал тревоги, машина стёрла всю информацию с дисков, на которых были записаны важнейшие данные о клиентах банка. Джеральд сперва считал, что это сделано для уничтожения каких-то дополнительных следов. Но сейчас он пришёл к другому выводу. Он думает, что это просто была злая шутка.

— Господи! — вырвалось у Харрингтона. Бессмысленное уничтожение информационного массива показалось ему ещё более мерзким поступком, чем сама кража.

Сасскинд грустным кивком подтвердил, что он разделяет чувства Харрингтона и продолжил.

— «Секьюрити Централ» имеет по всему Охайо систему автоматических платёжных устройств в каждом крупном городе и посёлке. Поэтому грабитель имел возможность следить за «сигнальным» счётом из любого места и в любое время дня и ночи. Всё, что предпринимал банк, лишь облегчало грабителю его задачу. Но никакие контрмеры не смогли предотвратить кражу!

— Скажите, Айвор, а что они теперь собираются делать? Я имею в виду «Секьюрити Централ», — задал вопрос Линдсей-Джонс.

— Прежде всего, молчать об этом до гробовой доски, — ответил Сасскинд. — А во-вторых, списать эти восемь миллионов по статье «непредвиденные расходы на развитие вычислительной системы».

— Повесить это на шею компьютеру, а почему бы и нет? Уолл-стриту это будет всё равно, — сказал Уотерман с предельной циничностью, на которую он только был способен.

— Конечно, это можно сформулировать и так, хотя всё равно это ощутимо для банка. Наконец, в-третьих, Джеральд хочет получить полную уверенность в том, что такое не повторится, и намеревается для этого провести чрезвычайную и динамичную операцию по защите системы, пусть уже и после взлома...

— Запереть конюшню, когда коня уже украли, — съязвил кто-то.

— Итак, мы добрались до сути дела и, думаю, всем уже ясно, о чём идёт речь. Мы должны предпринять аналогичную операцию, но до того, как нашу систему взломают или попытаются это сделать, а не потом. Что касается меня, да и всех нас, я бы не

хотел, чтобы «Уотерман энд компани» когда-нибудь пережила такой позор.

Сасскинд с волнением встал и, ударяя кулаком по столу, отчеканил:

— Нам необходима безопасность, господа. И я хочу иметь уверенность, полную и основанную на фактах уверенность, что эта безопасность нам обеспечена!

— Мы ждём вашего слова, Дэвид, — кивнул президент Клементу.

— «Абсолютной уверенности» не существует, — сказал Клемент, — и Айвор это хорошо знает. Компьютеры и их системы слишком сложны. Практически не существует способа, благодаря которому можно было бы помешать квалифицированному и решительному человеку вмонтировать в систему нелегальную вставку. Что касается непосредственно «БАНКНЕТа», то он достиг такой степени безопасности, какая вообще в силах человеческих. Но и при этом мы не можем дать неограниченных гарантий. Это было бы безответственно с нашей стороны. Если в этом есть необходимость, — добавил он, как будто ему только что пришла в голову эта мысль, — мы вообще могли бы пойти по пути магазина самообслуживания и прямо предусмотреть в наших расходах некий средний размер потерь из-за хищений. Скажем, одну десятую процента. При этом мы бы всё равно далеко бы обгоняли все остальные клиринговые банки по размеру прибыли.

Уотерман злобно дёрнул головой.

— А что вы об этом думаете, Харрингтон? — спросил президент.

До этого момента Харрингтон ещё надеялся, что огонь будет по-прежнему сосредоточен на Клементе и ему удастся собраться с мыслями. Теперь он понял, что эти надежды были слишком оптимистичными.

— Если говорить откровенно, то информация, предоставленная нам сегодня господином Сасскиндом, для меня лично прозвучала, как сенсационное сообщение о первородном грехе. Я убеждён, что нам не было необходимости получать сигнал тревоги из Кливленда, чтобы узнать о том, сколь притягательны для жуликов манипуляции с деньгами и банковскими системами.

Сасскинд подался вперёд.

— Я несколько удивлён тем, что слышу, господин Харрингтон. Не хотите же вы сказать, что, несмотря на все инвестиции, мы не смогли повысить свои шансы в этой игре?

— Я хочу сказать, что не страдаю наивностью. Мы знаем о риске и предпринимаем все необходимые шаги, чтобы избежать махинаций с компьютерами.

— Что же, «БАНКНЕТ», по вашему мнению, полностью застрахован от подобных злоупотреблений?

— Да, абсолютно.

— Вы в этом убеждены?

— Это столь банальный трюк, что я просто удивлён, как американцы на него попались. В «БАНКНЕТе» автоматически и тайно проверяются денежные операции определённых типов и уровней. Мы бы немедленно обнаружили счёт, на который перечислялось бы множество незначительных сумм.

— Но ведь кто-то об этом должен знать, разве не так? По крайней мере тот, кто программировал проверку? Или это делали вы лично?

— Каждый секрет относителен, Айвор, — прервал его Клемент. — Например, тот, о котором ты нам рассказал только что.

Но Сасскинд не дал себя сбить и не собирался отставать от Харрингтона.

— Оставим в покое первородный грех, — он криво усмехнулся. — Вы хотите нам

сказать, что в системе «БАНКНЕТ» просто невозможна никакая успешная махинация с программами? Вы предусмотрели абсолютно всё?

Харрингтон на секунду почувствовал себя неуверенно, они обменялись взглядами с Клементом. Харрингтон решил говорить честно. Это было менее опасно, хотя и не слишком приятно.

— Нет. Абсолютную гарантию я вам дать не могу. Но я могу ручаться за то, что мы обладаем одной из наиболее полных систем проверки программного обеспечения, какую только можно найти в мире. Именно в программном обеспечении скрыт наибольший риск, как убедились ваши приятели за океаном. Поэтому я присматриваю прежде всего за персоналом. Это постоянный и жёсткий контроль. За каждым программистом ведётся тщательная слежка. Мы принимаем на работу только тех людей, чьё прошлое нами тщательно проверено и в честности которых мы убеждены.

— Ну, этого вам не может гарантировать никакая проверка, — протянул Сасскинд.

— Не буду спорить. Но напомним ваши же слова, что этот махинатор в «Секьюрити Централ» пользовался максимальным доверием до самого своего увольнения, не так ли? Разница здесь в том, что я не доверяю никому. Это единственно надёжный путь. Я использую программистов для того, чтобы они проверяли друг друга, проверяли постоянно и многократно. Думаю, что эти ребята даже не догадываются о размахе взаимопроверок. Мне кажется, что наша система защиты действует отлично.

— Ну, а если они захотят сделать нам назло? — спросил кто-то. — Сыграть с нами такую злую шутку, о которой тут рассказывал Айвор?

— Тут трудно что-либо гарантировать, — сказал Харрингтон задумчиво. — Если бы кто-нибудь из моих людей, скажем, сошёл с ума, это могло бы привести к обширным и серьёзным потерям. Как вам уже сообщили, громадный объём информации, хранимой в памяти ЭВМ, можно уничтожить за секунду.

— А если это действительно случится, что вы будете делать?

— Все важнейшие массивы данных и программы дублируются, а иногда мы делаем даже две копии, причём, оригиналы записей хранятся отдельно от рабочих копий. Саботаж, конечно, вызвал бы у нас определённые трудности, но никакой катастрофы не произойдёт.

— Я рад это слышать, — сказал Сасскинд.

— Честно говоря, я больше боюсь вмешательства извне. Если бы, например, наш вычислительный центр упал бы какой-нибудь самолёт. Или если бы нам уделил своё внимание любитель взрывчатки из Ольстера. Ведь мы являемся очень лакомой мишенью.

— Ну хорошо, а если исключить такого рода маловероятные события, тогда бы вы лично считали бы, что всё в порядке?

Сасскинд явно стремился вывести Харрингтона из равновесия своим скептическим тоном.

— Я надеюсь, по крайней мере, что да.

— Надеетесь?

— Ну... да.

— Не сердитесь, Харрингтон, но мне эта смесь самоуверенности и надежды кажется малоуспокоительной.

Харрингтон внимательно смотрел на свои костлявые пальцы; сплетать и расплетать их давно вошло у него в привычку.

— В соответствии с программой, принятой правлением банка, вычислительная

техника должна была внедряться в нашем банке чрезвычайными темпами, — он глубоко вздохнул, чувствуя, что теперь ему можно оседлать своего любимого конька. — Развитие нашей вычислительной системы шло столь ускоренными темпами, какие только были возможны технически. Если я и испытываю некоторую неуверенность, то она связана с этими и только с этими обстоятельствами. Чрезмерная спешка всегда порождает дополнительный риск, которого можно было бы избежать...

— Я прошу тебя, Алекс! — прервал его Клемент со страдальческим выражением лица. — Ведь тебе известны и плоды этой спешки. Посмотри хотя бы на курс наших акций!

— Я только констатирую факты, не более. Ваше право формулировать концепции, но обеспечить их реализацию должны мы. И я могу гарантировать, что мои люди делают выдающуюся работу.

Мейер Уотерман поднялся со своего кресла и начал медленно прохаживаться вдоль окон. В совете директоров он занимал второстепенное положение, номинально сохраняя функции руководства банком, при минимуме реальных прав. Однако его почтенная родословная имела немалое значение в глазах общественности. Все члены правления знали о его натянутых отношениях с Клементом, с которым он уже не раз резко сталкивался на заседаниях. В наступившей тишине все глаза были прикованы к фигуре, чётко вырисовывавшейся на фоне окна.

— Айвор рассказал мне об этом кливлендском инциденте ещё несколько дней назад, начал Уотерман раздумчиво. — Мне непонятно, почему Джеральд Шульц решил затушевать эту историю, хотя не исключаю, что на его месте мы бы поступили аналогичным образом. К сегодняшнему заседанию я узнал, что потери в результате преступной деятельности, осуществляемой с помощью компьютеров, оцениваются в Соединённых Штатах многими миллионами долларов в год. Добавьте к этому такие потери, которые понёс «Секьюрити Централ» и о которых не сообщается, хотя они и обнаружены. Приплюсуйте сюда ещё и те потери, которые имеют место, но которые не удалось обнаружить... Получается довольно круглая сумма, не правда ли? С определённой погрешностью можно предположить, что компьютерная преступность приносит потери порядка ста миллионов долларов в год, если не вдвое больше. И это, исключая особые случаи, типа хищения в «Экьюти Фандинг» в Лос-Анджелесе, когда только в одном случае потери достигли нескольких сот миллионов долларов.

Уотерман перевёл взгляд на Клементя.

— Что меня взволновало больше всего, Дэвид, это то, что большинство ныне известных афер было обнаружено по чистой случайности. Приведу вам типичный пример. Президент нью-йоркской страховой компании приехал в отель Майами и во время регистрации у портье нос к носу столкнулся с одним из своих младших программистов, который там проживал в лучших апартаментах. В чрезвычайно дорогих апартаментах. Естественно, что у бедняги-президента в голове зазвучал колокол тревоги, можете себе представить!

— Но мы не в Америке, Мейер, — усмехнулся Клемент.

— Какая разница, вы сами знаете, что техника-то у нас стоит точно та же! А банк наш существенно крупнее, чем «Секьюрити Централ».

Он обогнул стол и остановился прямо за спиной Клементя.

— Я думаю, что буду абсолютно прав, если скажу, что ни Дэвид Клемент, ни наш сегодняшний гость не способны дать полной гарантии безопасности.

Оба были вынуждены кивнуть в знак согласия.

— И никто, думаю, не усомнится в справедливости моих слов, если я скажу, что наш банк сегодня полностью зависит от вычислительной техники и к предшествующему состоянию дел возврата нет. Так, Клемент?

Уотерман погрозил пальцем повернувшемуся к нему Клементу.

— Я знаю, что вы мне сейчас скажете, Дэвид! Что сегодняшний «Уотерман» стал синонимом своих компьютеров, что сегодня нельзя по-иному.

— За такие слова и выпить не грех, — попытался разрядить атмосферу Клемент.

— Меня не слишком пугает угроза финансовых потерь, — продолжал Уотерман. — Главное — наш престиж. Я не допущу, чтобы с фамилией Уотерман ассоциировался какой-либо скандал. Это для меня главное.

Внезапно он ударил ладонью по столу. Удар был не силен, но он драматически подчеркнул серьёзность слов Уотермана.

— Ничего такого не должно произойти, — провозгласил он напыщенно. — Я требую уровня безопасности, равного ста процентам. Ни с каким иным уровнем не могут смириться ни наше правление, ни наши клиенты!

Под одобрительный шум Уотерман вернулся на своё место.

— Этого будет добиться довольно сложно, Мейер, — сказал Клемент спокойно. — Нельзя терять способности мыслить реалистически. Разве я не прав, Алекс?

— Стопроцентной безопасности нельзя добиться даже при перевозке денег, — растерянно подхватил Харрингтон.

— Да, вы правы, но это другое дело, — холодно парировал Уотерман. — Если кто-то просто похитит деньги на улице, то это будет проблема для «Секьюриор», транспортников, но не для нас. Если грабёж произойдёт в одном из наших филиалов при использовании насилия, то общественность будет симпатизировать нашему персоналу, а, следовательно, и всему банку в целом. Но если грабёж будет осуществлён прямо внутри нашей вычислительной системы, в результате махинаций кого-то из доверенных сотрудников?.. Повторяю, я не желаю выглядеть, как набитый болван, не замечающий, как у него под носом крадут деньги клиентов!

— Смею ли я спросить, куда вы, собственно, клоните, Мейер, — подчёркнуто спокойно спросил Клемент. — У меня есть подозрение, что у вас уже есть какая-то определённая цель.

— Действительно, пора уже нам выработать конкретное решение, — согласился президент. — Это заседание правления, а не дискуссионный клуб.

— У меня есть конкретное предложение, — сказал Уотерман. — Ревизия. Я требую глубочайшей ревизии всей системы!

— Это же будет уйма работы и всё впустую! — охнул Харрингтон. Удержаться было выше его сил. — Это будут романы вместо конкретного дела!

Он с ужасом представил, что сейчас на него возложат ответственность за эту операцию и ему придётся будоражить персонал сложными докладами, контрольными проверками, служебными записками, которые будут однажды прочитаны и навеки улягутся в архивы собирать пыль.

— Простите... Я не сдержался, — добавил он, чуть опомнившись.

— Видите ли, уж такой я старомодный банкир, — начал опять Уотерман с напускной скромностью. — Когда мне кажется, что я заболеваю, я вызываю врача, а не жду, когда наступит летальный исход. Сам себя я не смогу проверить — для этого и существуют специалисты, кто-то извне, незаинтересованный. Я бы хотел, чтобы эта ревизия также способствовала диагностированию возможных заболеваний

«БАНКНЕТа». И я хотел бы, чтобы её провёл самый лучший врач, которого мы только сможем найти, иными словами, высококвалифицированный консультант. Любая иная форма — и я надеюсь, что в этом вы, Дэвид, со мной согласитесь, — оставляла бы возможность подозрений.

Клемент, сдаваясь, развёл руками.

— Эта ваша аналогия, Мейер, просто великолепна. Я был бы весьма огорчён, если бы вы у меня что-то нашли.

— Значит ли это, что вы согласны с моим предложением? — спросил президент, пряча усмешку.

— Если ревизия успокоит Мейера и остальных членов правления, мы её, конечно, проведём. Алекс Харрингтон это организует. Я прав, Алекс?

Харрингтон обнаружил, что он сидит, склонив голову и опять пытается завязать свои пальцы морским узлом.

— Это может означать серьёзное нарушение нормального хода работ в вычислительном центре, — произнёс он тихо. — А консультант? Я знаю массу консультантов, за советы которых я бы не дал и пенни. В итоге они приносят вам доклад, слепленный из того, что вы сами им рассказали о ваших проблемах...

— Значит, мы должны найти такого консультанта, который будет существенно отличаться от ваших знакомых, Алекс, — сказал Клемент таким тоном, что Харрингтон понял — дальнейшее сопротивление нежелательно.

— Если правление настаивает на ревизии, мы её организуем.

— Голосуем, господа? — спросил сэр Невилл и оглядел присутствующих. Руки единодушно поднялись кверху. — Отлично. Остальное теперь за вами, Харрингтон. Предварительно, конечно, согласуйте с Дэвидом примерный бюджет ревизии. Окончательный доклад о её результатах вы нам предоставите, скажем... месяца через три?

— Скорее, через шесть, — отважился возразить Харрингтон. — Если вы хотите, чтобы он чего-то стоил.

— Хорошо, тогда через шесть месяцев. В протоколе это будет записано как периодическая ревизия у Дэвида Клемента.

«Хотел бы я знать, — думал Харрингтон, направляясь к дверям, — часто ли здесь разыгрываются такие представления...» Он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и чуть-чуть ослабил галстук. Здесь, наверху, ему было не место. Он всего лишь крот, его место под землёй, в «Информационном Центре-Лондон». Лифт тихо посвистывал, унося Харрингтона вниз, туда, где он был у себя дома.

2

Обычно на работу Вебб ездил кружным путём. Там ему не грозили пробки, и он мог выжать из своей машины всё, на что она была способна. Если ездить через центр Лондона, застревая среди дешёвых жестянок, то стоит ли покупать такую дорогую и быструю машину?! Но сегодня ему пришлось набраться терпения, хотя ползти черепашьям шагом по Вигмор-стрит, ощущая, как время ускользает впустую, было невыносимо. Вебб нажал кнопку на щитке управления, и панель у него над головой мягко скользнула назад, впуская в машину ясный солнечный свет. Сейчас, в конце октября, он был каким-то особенно мягким, даже ласковым.

На противоположной стороне улицы ему в глаза бросились крупные голубые литеры рекламы «ИБМ», украшавшие представительство этой фирмы в Лондоне.

Именно сюда его сегодня и потянуло. К этому зданию. Он нашёл четвёртый этаж, а потом — то окно, за которым когда-то был его кабинет. Уже пять лет, как он здесь не работает, а всё кажется, что это было только вчера.

Тогда он был обыкновенным представителем фирмы, продавал компьютеры, был молод, энергичен, напорист. «Господи, сколько же сверхурочных я тогда отработал, — подумал он, — лишь потому, что мне некуда было девать распиравшую меня жажду деятельности». У него быстро сложился вполне солидный круг партнёров — людей, которые на него поставили, которые его уважали, но которые как-то никогда ему особенно не доверяли. Как только Вебб понял это, ему стала невыносима каждая минута, которую он отдавал «ИБМ».

Их встреча с Эндриу Шалтоном вообще-то была неизбежна. Кабинет Эндриу был напротив, через коридор. Ему было столько же лет, сколько Веббу, он был столь же стремителен и столь же честолюбив. О них говорили, что они похожи, как родные братья.

Канцелярия Шалтона напоминала мышеловку с лакомой приманкой для посетителей. Вечно открытая дверь и очаровательная секретарша, сидящая именно на том месте, где её мог увидеть каждый посетитель, выходящий из лифта. Тогда ещё секретаршу звали Элисон Осборн. Элисон Вебб она стала позднее. Интересно, как её будут звать в будущем, Элисон Шалтон? Наверняка нет, хотя с обеих сторон было приложено немало усилий в этом направлении. Веббу это было уже всё равно. По крайней мере, он пытался себя в этом убедить.

Вебб повернул на Мортимер-стрит. По обе стороны тянулись витрины модных салонов одежды, ласкающие глаз. Куда менее заметна была реклама различных фирм по обслуживанию вычислительных центров — они заявляли о себе только скромными табличками у двери и окнами, которые не гасли до поздней ночи, позволяя догадываться о том, что там сидят программисты, вылавливая «мушек» из программ.

Люди создают новые маленькие фирмы по самым разным причинам. Единственным мотивом для Вебба были деньги, и он этого никогда не скрывал. Для Шалтона это был своего рода побег из пасти «ИБМ». Прыжок на свободу, на которой надо было решиться до того, как он станет пленником своего места, стремления заработать приличную пенсию и страха потерять уже завоёванное положение в обществе. «Системс Технолоджи Лимитед» родилась по инициативе Шалтона, по крайней мере, он так утверждал.

Свернув с Мортимер-стрит, по узким переулочкам Вебб добрался до подземного гаража, где он всегда оставлял машину. Поставив её на обычное место, он направился к выходу и, как всегда, на прощанье ещё раз оглянулся на свою любимую игрушку — серебристый «Порше», который стал уже частью его самого. По правде говоря, его дела в «СисТех» шли неплохо. Но дела Шалтона шли лучше, и этого ему Вебб простить не мог.

Ещё через минуту он уже входил в здание «СисТех» на Фитцрой-сквер.

Он сидел у высоченного окна, глядя на верхушки деревьев, обступивших дом, и ожидая, пока Сьюзен Фолкнер принесёт ему традиционную чашку кофе и утреннюю почту.

— Вот это для тебя будет особенно интересно, — улыбнулась Сьюзен, подавая ему лист бумаги.

Вебб прочёл письмо несколько раз, хмыкнул и почувствовал, что вот теперь он, пожалуй, проснулся окончательно.

— Будь добра, позови ко мне Харви, — попросил он Сьюзен.

— А его сегодня нет, по-моему, он уехал в Бристоль к клиенту.

Вебб чертыхнулся. Харви ему был сейчас особенно нужен.

— Ладно, тогда, по крайней мере, попроси Шалтона спуститься ко мне.

Прочтя письмо, Шалтон вернул его Веббу.

— Это всего лишь приглашение принять участие в конкурсе, — сказал он с деланным безразличием.

— Вот и отлично!

— Если бы мы смогли получить договор на эту работу, я бы ахнул. Ну неужели ты не понимаешь, что нам и соваться нечего со своим предложением? У нас нет никаких шансов, для этого мы слишком малы. Малы и малоизвестны.

— Но ведь эта работа как раз для эксперта-одиночки!

— Это верно, но такой одиночка должен иметь за своей спиной человек двести помощников. Такой крупный и известный банк, естественно, захочет работать со столь же крупным и авторитетным партнёром.

— Но послушай, если бы у «Уотермана» считали, что мы не имеем никаких шансов, зачем бы они вообще нам писали?

— Нам и скольким ещё, помимо нас? — Шалтон ткнул в письмо пальцем. — Крис, неужели ты не видишь, что письмо размножено? Это послание лежит на столах доброй половины консультативных фирм Лондона! И большинство в такой же ситуации, как и мы: приятно, но шансов никаких.

— А мне в это верить не хочется!

— Но послушай...

— погоди. Я согласен с тобой — они обратились максимум к шести фирмам. Более широкий круг адресатов был бы для них уже небезопасен.

— Ты имеешь в виду «Мариотта», «ДАСТ» и так далее?

— Вот именно.

— Но они нас без труда победят, сам понимаешь...

— Шесть к одному, — упорствовал Вебб. — Мне приходилось играть и при меньших шансах.

— Наверное, это было где-нибудь в казино. В это я готов поверить.

Шалтон был недалёк от истины, и это задело Вебба.

— Я буду пытаться получить этот заказ, Эндрью, что бы ты не говорил!

— Да ради бога!

— Я считаю, что это порядочно с моей стороны, что я предупреждаю тебя об этом заранее...

Шалтон задумчиво взял письмо и медленно перечитал его.

— Мы кого-нибудь у «Уотермана» лично знаем?

— Абсолютно никого. В жизни я не сталкивался ни с одним их сотрудником.

— Мы им никогда не посылали своих рекламных материалов? Или письмо с предложением своих услуг?

— Ни единой строчки, я точно знаю.

Шалтон поудобнее уселся в кресле.

— Тебе не кажется, что это письмо весьма лаконично, а? — спросил он с подчёркнутым нажимом в голосе.

— Не спорю.

— Тут дело нечисто, Крис. По-моему, у них всё уже разыграно. Они давно решили,

кого именно пригласят, и теперь просто хотят создать видимость честной игры, чтоб дирекция к ним не цеплялась.

— Такие штучки у «Уотермана»?! Вряд ли, слишком уж солидная фирма.

Шалтон снова аккуратно разложил письмо на столе перед Веббом.

Точно в центре, по верху страницы была помещена эмблема знаменитого банка, которая в лучах утреннего солнца отблёскивала чистым золотом.

— А скажи-ка ты мне, — начал он, — кого ты, собственно, хотел предложить этим джентльменам из Сити в качестве лучшего английского консультанта по вопросам безопасности вычислительных центров?

— Эту тайную информацию я сообщу только тебе, Эндрью! Конкретно я имел в виду Кристофера Вебба, поскольку никто иной в «СисТех» не сумеет даже понять, что от него требуется в таком деле.

— Хм, — Шалтон кривовато улыбнулся, — будем надеяться, что их мнение о твоём прежнем опыте работы будет столь же высоким, как твоё собственное...

— А вспомни о деле «Лондон Альянс»?

— А что в этом было такого уж особенного? Этот парень успел утащить всего лишь пять тысяч фунтов, вот и всё? Не слишком крупная рыба, не правда ли?

— А дело «Кестрелл Рекордз»? Мы поймали шайку из четырёх человек, которые нафаршировали машину своими воровскими штучками. Два сотрудника, два соучастника со стороны. Злоупотребление, мошенничество и организованное хищение, — к Веббу вернулась самоуверенность. — Это даже в нашем деле встречается не каждый день!

— Брось, это были обычные халтурщики. Такие неумёхи не имеют шансов даже на полпорции мороженого.

— Всё равно. Я постараюсь, чтобы этот эпизод стал известен у «Уотермана».

— Не очень-то большое это произведёт на них впечатление, Крис, — отмахнулся Шалтон.

— Я тоже ставлю не на одного коня, Эндрью, — не сдавался Вебб. — Я хочу посвятить подготовке нашего предложения всё своё время. Четыре недели моего рабочего времени плюс существенная часть времени ещё одного сотрудника. Сам понимаешь, необходимо будет всё хорошенько разнюхать вокруг «Уотермана»...

Шалтон удивлённо свистнул.

— По моей оценке, — начал оправдываться Вебб, — работа у «Уотермана» растянется месяцев на шесть, то есть сто восемьдесят человеко-дней. Это означает, что гонорар может составить, скажем, двенадцать тысяч фунтов.

— Ты сказал двенадцать... — Шалтон явно оживился.

— Сказал. Теперь это уже смотрится немножко по-другому, не так ли?

Шалтон взял письмо в руки уже в третий раз. И тем не менее, он не мог найти в нём никаких признаков суммы возможного гонорара.

— Значит, ты и ещё один человек, — сказал он наконец, явно сдаваясь. — И кого же ты хотел бы себе в помощники?

— Не помощника, а специалиста. Майкла Харви.

— Я знал, что ты его назовёшь.

— Это лучший работник, какой у нас есть.

— Если не считать тебя, конечно, — ядовито усмехнулся Шалтон. — Но это не выйдет. У него уже есть работа на это время.

— Иди к чёрту, Эндрью! Мне нужен именно он. Мы вместе работали в «Лондон

Альянс» и в «Кестрелл». Он уже разбирается, что к чему.

— Он в Бристоле, у клиента. И будет там ещё как минимум два месяца. Ты об этом не знал, не так ли?

— Дьявол! — не сдержался Вебб и повернулся к окну.

— Я могу тебе кое-кого предложить, — прервал молчание Шалтон. — Можешь взять Кеннеди. На неделю. Прямо сейчас. Идёт?

— Кеннеди! — разозлился Вебб. — Что он, к чёрту, знает о банках и о чрезвычайных системах безопасности? Мне нужен кто-то, кто уже этим занимался, а не этот программистский эмбрион!

— Кеннеди, — настаивал Шалтон на своём. — Всё остальное распродано, сам знаешь. Я убеждён, что он сумеет классно поработать... — он замолк, подыскивая слова, — если ты его хорошо направишь. У вас на это дело четыре недели и не дня больше!

Вебб услышал, как за Шалтоном закрылась дверь, но и тогда не повернулся от окна, в котором, как в мутном зеркале, отражалось его злобно искривившееся лицо.

Он был глубоко убеждён, что ему удастся получить заказ от «Уотермана». Или, скажем, почти убеждён. Но вот что он будет делать, когда вся гигантская и сложная вычислительная система «Уотермана» повиснет на его шее, этого он ещё пока представить не мог. И зачем только Харви позволил отправить себя в Бристоль?

***

Джек Кеннеди вернул письмо Веббу.

— Не слишком-то много они тут понаписали, — сказал он.

— Сьюзен, сделай нам кофе, пожалуйста, — вызвал Вебб свою секретаршу и, когда она скрылась за дверью, снова повернулся к Кеннеди. — Остальные участники конкурса наверняка сделают именно то, что просил «Уотерман».

— Это для нас очень высокая планка, Джек, а я её хочу ещё поднять. Я хочу «Уотерману» послать доклад об «Уотермане». Кто такой «Уотерман», что такое «Уотерман», что «Уотерман» делает и чего не делает, чего «Уотерман» сейчас больше всего боится.

— Звучит красиво...

— Это то, о чём они даже и не просили! Более того, в своём письме они прямо намекнули, что на эти вопросы мы не должны обращать внимания. Но если мы будем строго придерживаться установленных ими правил конкурса, мы выйдем из борьбы в тот же день, когда пошлём им свой материал. А вот если мы не захотим цепляться за эти правила...

Вебб усмехнулся и потёр руки.

— А как вы это изложите на бумаге, Крис?

— Изложим, Джек, изложим, мы оба это сделаем. Но как это будет сделано, я пока ещё не знаю. Это одна из проблем, над которыми нам надо ещё поломать голову.

— Вряд ли я вам буду в этом деле очень полезен, — промямлил Джек.

— Честно говоря, вы — не та кандидатура, которую я просил у Шалтона поначалу, — признался Вебб. — Но мы справимся. Вы поможете мне уже тем, что будете возле меня, и я смогу с вами всё обсудить. Кроме того, вы будете мне добывать материалы. Знаете ли, я пока что не ведаю об «Уотермане» абсолютно ничего. На каком месте они по величине, например, на шестом или на десятом? Вы хоть что-нибудь об этом знаете?

— Не имею ни малейшего представления.

— Это следовало бы выяснить в первую очередь.

— Вы имеете в виду, что я должен был бы подготовить досье, посвящённое прежде всего банковской деятельности «Уотермана»? — озабоченно спросил Кеннеди.

— Именно так.

— Но я же программист, чистейшей воды программист. У меня нет никакого опыта общения с коммерческими банками, и я не стремлюсь его приобрести.

— С клиринговыми банками, Джек, — язвительно парировал Вебб. — «Уотерман» — клиринговый банк. По крайней мере, это мы о них уже знаем точно.

— Но вы же понимаете, что я имею в виду?

— Вы — единственная рабочая сила, которая сейчас есть в нашем распоряжении, — ответил Вебб. — Надеюсь, вы не хотите бросить меня одного?

Кеннеди снова взял письмо в руки. Не то, чтобы он надеялся вычитать там что-то новое, но это письмо вдруг показалось ему чем-то вроде спасательного круга. Тонуть прямо на глазах начальника было бы не слишком приятно.

— О компьютерах они тут пишут не слишком-то много, — сказал он наконец. Мне, наверное, следовало бы кое-что разузнать об их компьютерах. Это мне немножко ближе.

— Они о своих компьютерах не беспокоятся, Джек. Это квалифицированные пользователи, образованные и изысканные. Риск в этом направлении они знают и тщательно его взвесили.

Кеннеди его явно не понял.

— Их тревожит собственный персонал, — пояснил Вебб. — Компьютеры деньги не крадут. Это умеют делать только люди, и я не знаю, почему бы такие умельцы не могли оказаться и среди персонала «Уотермана». Руководство банка определённо будет особенно заботиться о том, чтобы абсолютно никто из сотрудников ничего не узнал. Я имею в виду проверку системы. Хотите пари?

— Тогда зачем они в это дело втягивают посторонних?

— У них просто нет выбора, — ответил Вебб. — А мы будем язык крепко держать за зубами, не так ли, Джек? Вы об этом не смеете упоминать кому-либо, ни в нашем здании, ни где-нибудь в присутствии посторонних. И я могу вам ручаться, что наши конкуренты будут вести себя точно так же.

В кабинет вошла Сьюзен, неся на подносе две чашки кофе для Вебба и Кеннеди.

— Их годового отчёта у нас здесь нет, — сказала она. — Я всё просмотрела, но «Уотермана» у нас нет.

— Достань, пожалуйста, для Джека одну копию их годового отчёта, — сказал Вебб.

— Достану.

— Скажи там, что он сам за нею заедет, чтобы не терять времени.

Сьюзен участливо улыбнулась Кеннеди и вышла из кабинета.

— Это не проблема, а настоящая шарада, — сказал Вебб. — Как убедить фирму, которая не верит собственным сотрудникам, оценивает своё недоверие примерно в двенадцать тысяч фунтов, чтобы она поверила именно мне? Вам не пришло в голову взглянуть на наше дело с этой стороны?

— Вы мне главное скажите, чего вы от меня-то ожидаете?

— От вас мне нужен любой материал, который вы сумеете раскопать об «Уотермане». Общая структура служб, перечень видов услуг, финансовые операции.

— А где я это всё достану?

Вебб тяжело вздохнул.

— Внизу в библиотеке вы найдёте целую полку журналов с белой глянцевою обложкой. Называется это издание «Банкир». Я его не читаю и Шалтон тоже, но всё равно год за годом мы его выписываем. Пожалуй, пришло время стряхнуть с него пыль. Кроме того, там есть всякие банковские ежегодники, обзоры. Если будет нужно, можете воспользоваться услугами финансового информационного агентства. А главное — пользуйтесь собственной головой и приступайте же, наконец, к делу. Ясно?

— Пожалуй, да, — ответил Кеннеди не слишком уверенным голосом. — В конце концов вы, наверное, захотите иметь что-то вроде краткого доклада, так?

— Вот именно, причём очень краткого. Соберите как можно больше данных и сведите их в минимально возможный текст. Это должен быть многократно дистиллированный доклад, Джек. Мне не нужны глубокомысленные рассуждения — только голые факты. Если вам расскажут полезные для нас сплетни, не забудьте о них тоже.

— Слушайте, а я ведь знаю одного парня из коммерческого банка, — вдруг ожил Кеннеди. — Это именно тот тип, который наверняка будет знать обо всех закулисных историях. Он работает у «Л. Н. Левен».

— Отлично.

— Мы вместе учились в Кембридже.

Вебб вытаращил на него глаза, а потом замотал головой.

— Тогда об этом забудьте, Джек. Избавьте меня, бога ради, от двадцатидвухлетних банковских экспертов. У вас на все дела ровно неделя — я хочу видеть ваш доклад на своём столе в следующий вторник, утром. Было бы неплохо, если бы я успел с ним познакомиться ещё до встречи с этим Харрингтоном, но...

— Я постараюсь...

Кеннеди слабо улыбнулся, допил остаток кофе и отправился на своё рабочее место, ощущая в себе сходство с тем героем сказки, которого послали неведомо куда, чтобы принести неведомо что, хотя и известно зачем.

День медленно клонился к вечеру. Вебб сидел у стола, никого не принимая и не отвечая на телефонные звонки. Он читал и перечитывал письмо. И чем больше он в него вчитывался, тем большее смятение его охватывало. Это было самое краткое, самое неприветливое приглашение к переговорам, с которым он когда-либо в жизни сталкивался.

— Что правда, то правда — написали они тут мало чего, — пожаловался Вебб Сьюзен, когда она принесла ему очередную чашку кофе. — И «мало» — это ещё слабо сказано!

Сьюзен сочувственно улыбнулась. Давно уже она не видела, чтобы он так возился с каким-нибудь делом.

— Постой, постой, — вдруг сам себе сказал Вебб, — кажется, я кое-что придумал!

— Сью, проверь-ка, не сидит ли Адриан Росс ещё в своей берлоге? Не поняла? «Адриан Росс энд компании», посредническая канцелярия, вспомнила? Соедини меня с ними, пожалуйста.

Росс обрушил на него бурные приветствия. Как «СисТех», блеск, да? Как поживает сам Вебб, блеск, да? А мадам? А парень? У тебя ведь парень, да? Всё блеск, конечно? Когда Росс чувствовал в воздухе деньги, из него всегда через край изливался бурный оптимизм.

— Мне нужен классный специалист, — сказал Вебб.

— Я так и подумал, — прозвучало в ответ.

— Я ищу парня, который отлично разбирается в банковском деле. При этом он должен обладать опытом работы с триста семидесятой ИБМ. Чем выше он сейчас занимает должность, тем лучше. Мне нужен мыслитель, Адриан, а не какой-нибудь там референтик. Парень, который бы отлично знал этот бизнес.

— А сколько вы ему будете платить?

— С этим проблемы не будет. Примерно восемь тысяч фунтов, но для настоящего спеца мы готовы пойти на десять. Главное не это, а что он будет собой представлять.

— Я просмотрю свою картотеку и позвоню. Завтра утром, устроит?

— Вообще-то, у меня есть довольно чёткое представление о том, каким должен быть этот специалист, — сказал Вебб нарочито медленно. — Знаешь, это должен быть кто-то из такого банка, как, например, «Уотерман», если ты меня хорошо понимаешь...

— Как близко к «Уотерману» это должно быть, Крис?

— Ты хорошо меня понимаешь...

— За это мне платят, причём стоит это недёшево...

— Я догадываюсь.

— Тридцать процентов из его заработной платы за первый год.

— Ну нет, — охнул Вебб. — Беру свою просьбу назад. Такое бы мне и не приснилось.

— Это ведь очень сложная работа, Крис. Надо прощупать массу народа, чтобы найти подходы к нужному человеку, да и его обработать тоже стоит недёшево...

— А оплатить твои услуги мы должны были бы сразу после его перехода к нам?

— Естественно. А если дело не выгорит, вы не платите ничего.

— Ладно, тогда о'кей, — сказал Вебб. — Но их шеф нам не нужен. Я имею в виду Харрингтона.

— Я всё понимаю, — успокоил его Росс. — Он останется в полном неведении, за это я вам могу ручаться. Но это будет вовсе не просто, Крис. «Уотерман» — чрезвычайно солидная фирма: репутация, престиж, отличная плата, корты для тенниса. Всё на тарелочке. Минуточку, не клади трубку... Я вот сейчас проверил. По нашим данным, у них чрезвычайно низкая текучесть кадров. Так что это будут совсем не лёгкие переговоры!

— Что же, вам придётся кое-кого посильнее подмазать...

— Ах ты, циник эдакий, — с деланным огорчением отозвался Росс. — Ладно, я позвоню.

— Только поскорее, Адриан, это дело срочное.

— Уже вчера было поздно, так, Крис? Ладно, я сделаю это позавчера...

3

— Столько церквей! — сказал Харрингтон. — Человек почти начинает верить, что люди собираются на этой квадратной миле не ради денег, а чтобы помолиться.

— Может быть, когда-то так и было, — философски отметил Вебб.

Из окон здания «Уотермана» открывался непривычный вид на собор Св. Павла — отсюда он казался не очень большим, а его купол удивительно напоминал шлем лондонского полицейского.

— Сам я не особенно привык к подобным панорамам, — продолжал

Харрингтон. — Я ведь здешний крот. И вас постигнет такая же участь, если вам удастся получить наш заказ.

Крот? А ведь действительно, вдруг сообразил Вебб, это к нему подходит: серое лицо, медленные движения, хотя для крота он слишком худ и недостаточно бархатист и представительен.

Харрингтон сел и предложил кресло Веббу. При этом он поспешил подчеркнуть, что это не его кабинет. Вебба удивило, почему это столь существенно для Харрингтона. Действительно, в обстановке кабинета не было ничего индивидуального — никакой там семейной фотографии в серебряной рамке, никакой личной мелочи на столе. И несмотря на это, а может быть, именно поэтому казалось, что Харрингтон отлично вписывается в этот интерьер, как будто он сам его до последней детали продумал и спроектировал — их обоих отличало отсутствие всего несущественного и наличие всего необходимого.

— Значит, вы будете один, — продолжил разговор Харрингтон. — Большинство консультативных групп, с которыми я уже говорил, состояло из трёх-четырёх человек. Я из этого не делаю никаких выводов ни за вас, ни против.

— «Системс технолоджи» небольшая фирма, — спокойно ответил Вебб. — Если мы получим заказ, то я один и буду составлять всю группу консультантов, с которыми вы будете иметь дело. Так зачем же нам что-то из себя изображать?

— И во сколько же нам эта ваша экономная группа консультантов обойдётся? — поинтересовался Харрингтон с отблеском улыбки в глазах.

— Мой гонорар будет составлять сто пятьдесят фунтов в день. Это наверняка минимальная цифра, с которой вы столкнётесь в ходе ваших переговоров.

— Нельзя сказать, что она очень уж скромная!

— Причина как раз в том, — продолжал Вебб, как будто не заметив реплики собеседника, — что наша фирма невелика, а потому низки и её издержки. Поэтому я не буду от вас требовать, чтобы вы помогли мне содержать какой-то аппарат и залы для совещаний.

— Эта сумма действительно не слишком высока, — согласился наконец Харрингтон. — Должен вам признаться, что, пока мы не начали переговоры, я вообще не представлял, сколько люди вашей профессии, господин Вебб, берут за свою работу. Похоже, что «Уотерман» проглядел весьма выгодную сферу деятельности.

— Вы всё равно не в накладе.

Харрингтон опустил глаза и привычно начал мять пальцы рук, как будто проверяя их на гибкость.

— Я сообщу вам то же, что и всем остальным. Что-то вроде вступительного слова после нашей предварительной дуэли. Прежде всего, банкеты вам не обеспечат льгот, а потому можете не утруждать себя приглашениями на моё имя. Если в том будет необходимость, мы вас пригласим в гости. Во-вторых, если ваша заявка опоздает хоть на одну минуту, она вообще не будет принята во внимание. Далее, запишите, будьте так любезны, что ваш доклад-заявка состоится шестнадцатого декабря ровно в десять часов. Форма доклада и число лиц, которые примут в нём участие, определяются вами. По моему личному мнению, однако, один-единственный представитель, даже если это и будет весь состав консультационной группы, может произвести невыгодное впечатление на слушателей.

— Нас будет двое.

Харрингтон был явно удивлён.

— Скажем, три, ладно? — предложил он. — Некоторых из моих коллег ещё надо убедить, что нечто такое, как ваша фирма, вообще существует на свете. Маленький парад войск, по моему мнению, будет уместен.

Он явно старался идти Веббу навстречу.

— Далее — об этом вы, наверное, и сами хотели спросить — мы не намерены сообщать, какие ещё фирмы приглашены для участия в конкурсе. Могу только отметить, что вы попали в довольно изысканное, хотя и весьма немногочисленное общество. И последнее. По существу я не сообщу вам ничего нового по сравнению с тем, что уже есть в нашем письме. Если это покажется вам каким-то предварительным тестом, что же, наверное, вы в чём-то окажетесь правы...

— Какие у вас основания для проведения ревизии? — спросил Вебб.

— Я сказал бы, что это достаточно очевидно.

— Для меня не совсем.

— Многолетняя практика убедила нас, что система «БАНКНЕТ» иммунна против каких-либо внешних покушений. Похоже, настало время, чтобы и... внешние эксперты разделили наше мнение.

— То есть, в настоящее время вы не питаете никаких подозрений относительно возможности злоупотреблений?

— Этот вопрос я не принимаю, господин Вебб. Если бы я испытывал подозрение, что системой кто-то злоупотребляет, было бы неразумно с моей стороны делиться этим подозрением с вами. В конце концов, вы можете и не получить нашего заказа.

— А если я его получу — я услышу от вас ответ?

Харрингтону этот вопрос, видимо, показался забавным.

— Знаете, — сказал он, — это мне напоминает задачу про два племени, одно из которых всегда врёт, а другое всегда говорит правду, вот только неизвестно, из какого племени вам встретился туземец... Поймите же, что я не могу вам ответить! В конце концов, квалифицированная ревизия должна сама выявить любые отклонения от нормы, разве не так?

«Это письмо написал ты сам, — решил вдруг Вебб. — Не может быть, чтобы у „Уотермана“ нашёлся ещё один такой же, как ты».

— Из вашего письма следует, что у вас есть несколько вычислительных центров, — сказал он, меняя тему.

— Два.

— Один, как я полагаю, в Лондоне.

— Естественно.

— А второй...

— Этого я вам не скажу.

— Вы явно не хотите облегчить мне задачу.

— Ваш вопрос содержит угрозу для безопасности вычислительного центра. Это риск первой категории. Как профессионал, вы это сами можете понять.

— Могу я узнать, кто будет читать наш доклад? — Вебб изо всех сил старался сохранять терпение.

— Ну, лучше бы, чтобы ваш материал был не докладом, а просто письмом. Не пытайтесь завалить меня материалами, господин Вебб. Я не выношу ваты.

— Вы требовали в своём письме четыре копии, не так ли? — не отставал Вебб.

— По одной для каждого из руководящих работников банка, входящих в состав комитета по разработке долгосрочной концепции развития банка. И одну для меня,

естественно.

— Кто с вашей стороны будет участвовать в заседании, на котором я буду выступать?

— Та же четвёрка.

— А как бы вы оценили их уровень знаний о компьютерах? Как низкий?

Харрингтон слегка усмехнулся.

— В сообразительности вам не откажешь. Вы можете предположить, что сам я в этом немного разбираюсь. Эту оценку вы можете скорректировать на мою несомненную скромность. Что касается остальных, то думаю, что по крайней мере один из них узнал бы компьютер, если бы вы ему его показали.

Теперь была очередь усмехнуться Веббу.

— Видимо, я должен это понимать так, что моё выступление должно было бы быть... — Он поискал подходящее слово и наконец решил, что «простым» подойдёт лучше всего.

— Мы ищем консультанта, который бы проник в глубину проблемы, но не оставил бы нас тонуть, — подтвердил его вывод Харрингтон. — Если вы соскользнёте на профессиональный жаргон, то сразу станете нежелательным элементом.

— Шестнадцатого декабря, — сказал Вебб. — И которыми же мы будем?

— Не понял смысл вашего вопроса?

— Я задаю этот вопрос потому, что я позвонил вам спустя лишь два часа после того, как ваше письмо оказалось на моём столе, и, тем не менее, мы явно оказались в самом конце этой очереди. По крайней мере, в первом круге...

Вебба внезапно осенило, каким должно быть его выступление. Может быть, эта идея была сумасшедшей, кто знает. Шалтон уж, во всяком случае, счёл бы её сумасшедшей.

Харрингтон наблюдал за ним с интересом, но молчал.

— Мне это просто любопытно. Вы же не выдадите этим никакого секрета, не так ли?

— Вы будете последними по порядку, — признался Харрингтон слегка неуверенно. — В конце очереди, как вы говорите. Это может быть достоинством и недостатком, зависит от того, как вы сами на это посмотрите.

— Мы с этой работой полностью справимся, — заявил Вебб. — И сделаем это лучше, чем кто-либо!

Харрингтон поудобнее устроился в кресле, всем своим видом давая понять, что он не спешит.

— Я человек осторожный, господин Вебб. Когда мы решились на такой шаг, я сперва сам прощупал почву. Не так уж много случаев мошенничества с помощью ЭВМ, которые дошли бы до судебного разбирательства или попали в газеты в качестве сенсации для первой полосы...

— Ах так...

— Я побеседовал с Аланом Спенсером...

— С начальником отдела вычислительной техники в «Кестрелл Рекордз»?

— Совершенно верно. Вы не могли бы мне немного рассказать об этом деле? Как, собственно, вы решили эту задачу?

— А Спенсер вам об этом разве ничего не рассказывал?

— Я хотел бы услышать вашу версию.

— Они создали систему заказов через ЭВМ, — пояснил Вебб. — Небольшая

машина, ничего сложного. Трюк был предельно прост. Вы вводите через терминал заказ на партию пластинок, потом в порядке корректировки заказа снова обращаетесь к банку данных и заказ аннулируете, но используя при этом специальный код. В результате пластинки рассылаются по магазинам в соответствии с первоначальными заказами, но счета-фактуры на них ЭВМ не оформляет. Речь тут шла не о крупных суммах. Так, скорее, необлагаемые налогами карманные. Мелкие воришки.

Харрингтон смотрел на Вебба в упор.

— Вы мне описали технику мошенничества, а я вас спросил о том, как вы его обнаружили.

— Чтобы объяснить, как мы это сделали, тем более, если вы хотите знать все подробности, мне потребовалось бы немало времени.

— Меня не интересуют технические детали. Скорее, ваше отношение, ваш подход к этой проблеме.

— То есть, что-то вроде моей философии расследования?

— Можно и так сказать...

— Ну, для начала я обследовал их систему и нашёл в ней слабые места. Потом я сосредоточил внимание на персонале и стал размышлять, кто бы из них мог находиться в оптимальной для жульничества ситуации. А когда я совместил эти два аспекта анализа, то...

Жестом руки Вебб дал понять, что всё остальное было уже делом техники.

— Именно это мне и сказал Спенсер.

Харрингтон внезапно встал с кресла, а Вебб, слегка ошарашенный, остался сидеть.

— Как я слышал, у вас там дело кончилось довольно шумно. Спенсер из этой переделки вышел с синяком на глазу...

— Юристы называют это «оказание сопротивления при задержании», — усмехнулся Вебб, поднимаясь.

— У нас нравы несколько более цивилизованные. Во всяком случае, мне хотелось бы в это верить.

Уже у двери Харрингтон в нерешительности остановился.

— Спенсер ещё сказал, не знаю, что вы об этом думаете... но, по его мнению...

Харрингтон замолк, не сводя глаз с Вебба.

— Если вы хотите, чтобы я на вас работал, господин Харрингтон, то...

— Короче говоря, он утверждает, что ваш успех был связан с тем, что вы были хитрее, чем эти мошенники.

— Иначе и нельзя!

— Я имею в виду, что, по его мнению, вы рассуждали так же, как они, только лучше. Он говорит, что вы способны мыслить в незаконных категориях, и в этом корень вашего успеха. Это буквальное его выражение.

— Он не вправе говорить такие вещи!

Харрингтон явно не собирался разозлить Вебба и несколько стушевался.

— Не сердитесь, господин Вебб, — миролюбиво сказал он, открывая дверь. — В этом нет ничего постыдного, особенно при вашей профессии. Вы, собственно, и живёте раскрытием преступности.

Вебб молча пожал ему руку. Она была костлявая, дряблая, очень холодная.

— В определённом смысле это надо даже считать своего рода талантом, — продолжил свою мысль Харрингтон. — Когда вы его используете на благое дело...

Не проронив больше ни слова, Вебб двинулся по коридору к лифту. Этот поганец

не смел говорить про меня такие вещи, снова и снова повторял он про себя. Ожидая лифта, он вдруг вспомнил свои слова, сказанные позавчера Кеннеди: «Как же мне убедить этого Харрингтона, чтобы он мне поверил?» А на деле оказалось, что всё обстоит прямо противоположным образом! Веббу и во сне бы не приснилось, что фирма, которая хочет провести ревизию, может искать не такого консультанта, которому бы она безгранично доверяла, но, напротив, человека, который прямо возбуждает недоверие. Это было даже слегка гротескно.

Двери лифта открылись и мягко сомкнулись за ним. «Мыслить в незаконных категориях...» Неужели Спенсер действительно так сказал? И думает так на самом деле? Вебба эта мысль очень тревожила, она даже оттеснила на задний план проблему договора с «Уотерманом».

Через полчаса он снова был на Фитцрой-сквер. Не заходя в кабинет, он сразу же спустился в подвал, закрыл дверь, включил дисплей и набрал число. Откуда-то издалека со знакомым писком отозвался вызванный им компьютер. Вебб нажал на клавиатуре кнопку с надписью «ДАННЫЕ».

— КЕСТРЕЛЛ РЕКОРДС, — появилось на экране дисплея. — СООБЩИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, СВОЙ КОД

Вебб отстучал серию знаков.

— КОД ДЕЙСТВУЕТ, — подтвердил дисплей.

— ВАШЕ РАСПОРЯЖЕНИЕ

— ВЫГОДА, — отстучал Вебб. Это название было идеей Харви. Порою Веббу казалось, что у Харви весьма специфическое чувство юмора. Но сейчас он об этом не думал.

— ОПЕРАЦИЯ, — не отставал компьютер.

Вебб заколебался, но потом заставил себя написать одно слово:

— СТЕРЕТЬ

Это был приказ о самоубийстве. Программа «ВЫГОДА» послушно стёрла сама себя из памяти машины.

— КОМАНДА? — опять ожил дисплей, и Вебб понял, что от их тайно вмонтированной программы не осталось и следа. Он спокойно выдохнул.

— КОНЕЦ, — сообщил он компьютеру.

— ДО СВИДАНИЯ, — попрощался компьютер и замолк.

Вечная память, подумал Вебб. Отличная это была программа. Им досталось не слишком много, а по сравнению с операцией в «Лондон Альянс» это было не так уж сложно. Но кое-что им перепало. Что делать, придётся позвонить Харви и сказать ему...

4

Джек Кеннеди миновал здание «Бэнк оф Ингленд» и заглянул в путеводитель «Лондон: от А до Я». Цель своего путешествия он обнаружил недалеко от Лотбьюри. Офис фирмы «Л. Н. Левен» — современное административное здание, облицованное мрамором и сверкающее большими окнами, — занимало конец небольшого тупичка. Здесь оно выглядело чужеродно, зажатое среди старых домов, когда-то, наверное, принадлежавших состоятельным купцам.

Снаружи офис не казался большим, но, когда Кеннеди вошёл, это ощущение сразу развеялось. Холл — сплошной мрамор и кожа, всё вокруг как бы сияло блеском денег, блеском ослепляющим, но холодным.

Кеннеди попросил вызвать Пола Изакса. Швейцар в ливрее лишь молча кивнул на большое кожаное кресло и снял трубку внутреннего телефона, бросив неодобрительный взгляд на потёртые джинсы и расстёгнутый ворот рубашки Кеннеди.

Скоро появился Изакс и, обрадованно пожав руку Кеннеди, повёл его наверх.

— Ты всё такой же, Джек, — посетовал он. — Твой визит будет стоить мне как минимум двух лет карьеры. Неужели нельзя было одеться поприличней?! Я вот посчитал, что каждый фунт, вложенный мною в гардероб, приносит мне десять фунтов заработка.

Похоже, что он не шутил. Кеннеди ещё никогда не видел Пола столь тщательно одетым. Изакс полностью соответствовал бы образу преуспевающего банкира, если бы не его крайне несолидная физиономия и чрезмерная живость движений.

Они вошли в большой зал, который напоминал скорее дворец аристократа, чем служебное помещение банка. Изакс по-хозяйски развалился в глубоком кожаном кресле и жестом руки пригласил Кеннеди расположиться в таком же.

— Фантастика, — озираясь, восхищённо протянул Кеннеди.

— Надеюсь, ты догадываешься, что это пока ещё не моя личная канцелярия, — в голосе Изакса чувствовалась слабая нотка горечи. — Луи Левен называет это салоном. Здесь проходят встречи с нашими лучшими клиентами.

— Вообще-то, — протянул Кеннеди, — если оценивать человека по тому, в какие комнаты ему можно забегать...

— Да брось ты, Джек, — отмахнулся Изакс. — Наверху мне предлагается четверть мини-кабинета, и там меня немилосердно муштруют, чтобы я, как здесь говорят, научился понимать ситуацию. Не думай, что здесь можно прохладиться.

— Правда, — продолжал Изакс, достав сигарету из серебряного портсигара и угостив Кеннеди, — платят мне здесь в два раза больше, чем у «Шелла».

— Повезло тебе.

— Для этого счастья недостаточно. Я просто очень тщательно выбрал тестя. Он хороший приятель Луи Левена...

Сбив пепел с сигареты в серебряную пепельницу, Изакс наконец протянул Кеннеди обещанное досье, надев на себя серьёзную мину.

— Вот то, что ты хотел, Джек. Было бы отлично ещё поболтать с тобой чуток, но мне нельзя задерживаться. Дела...

— Кеннеди начал листать досье, пробегая ошеломлённым взглядом заглавия разделов, таблицы, графики.

— Этот доклад потребовал немало труда, — пояснил Изакс, явно польщённый реакцией Кеннеди. — Ты найдёшь здесь всё, что тебе понадобится знать об «Уотермане». Конечно, здесь нет никаких тайн, но зато есть масса сведений, которые бы ты никогда в другом месте не добыл. Нам помогает испытанный метод УКЗ...

— Какой-какой метод? — не понял Кеннеди.

— Ухо к земле, — хохотнул Изакс.

— И это всё сделал ты, Пол? — недоверчиво спросил Кеннеди.

— Как тебе сказать, не всё, конечно, — уклончиво ответил Изакс. Он украдкой взглянул на часы, а потом на дверь зала, как будто ожидая кого-то.

— Я даже не знаю, что тут сказать, — Кеннеди поглубже уселся в кресло и почесал в затылке. — Я думал, что мы просто обсудим моё дело и ничего больше. Такого... я не ожидал.

Изакс пренебрежительно махнул рукой.

— Скажи мне только, Джек, почему тебя так интересует «Уотерман», и мы будем квиты.

— Именно этого я и не могу сделать, Пол, — виновато улыбнулся Кеннеди.

— Услуга за услугу, Джек. Сам понимаешь, задаром и курица не несётся, — нахмурился Изакс и протянул руку за досье.

— Тебе это совсем неинтересно, — поспешно сказал Кеннеди. — Так, чисто программистская работа...

— Расскажи кому другому!

— Здесь нет никаких высоких финансовых материй, Пол, ей-богу, — предпринял последнюю попытку обороны Кеннеди.

Изаак триумфально засмеялся.

— И именно поэтому ты начал просить меня собрать новейшие финансовые данные об «Уотермане» и сплетни, которые по его поводу ходят в Сити, не так ли?

Ответить Кеннеди было нечего, и он обречённо замолк. Изакс тоже сидел молча, многозначительно постукивая пальцами по обложке досье и ежеминутно поглядывая на двери.

— Ну, хорошо, — сдался, наконец, Кеннеди и рассказал, какая ревизия намечается у «Уотермана» и какое задание ему дал в этой связи Вебб. — Сам понимаешь, это не мой конёк. Поэтому я тебе и позвонил.

Изаак попытался сориентироваться.

— Послушай, Джек, я знаю, что такое обычная финансовая ревизия, но, чёрт возьми, как может выглядеть ревизия вычислительной системы?

— По-моему, это обычный контроль её работы.

— Но зачем, Джек? Что там случилось? — глаза у Изакса заблестели. — Что-то случилось с «БАНКНЕТОМ»?

— Это нам неизвестно. Может быть, и ничего, а может, они там почуяли какие-то махинации. Весь смысл этой ревизии и заключается в том, чтобы проверить, всё ли у них в порядке.

— Махинации с «БАНКНЕТОМ»! Вот это была бы сенсация! — эта мысль совершенно выбила Изака из равновесия. — Представь себе — компьютерное жульничество, и где — у «Уотермана»!

— Оставь это при себе, — перепугался Кеннеди. — Я тебя очень прошу.

— Ну конечно, Джек. Можешь мне верить.

— Это тоже услуга за услугу, Пол. Если бы...

— Я тебе даю слово, так что можешь не бояться.

Изаак вернул досье Кеннеди, но он не успел ещё взять его в руки, как дверь зала распахнулась. Вошедшему было, наверное, лет тридцать, и одет он был ещё элегантнее, чем Изакс, хотя это и трудно представить. Впечатление ещё усиливалось ростом — на глаз в нём было около двух метров. На минуту он задержался в дверях и оглядел Кеннеди.

Изаак вскочил с кресла и представил их друг другу.

— Джек Кеннеди, Клайв Гринграсс.

— Клайв, — пояснил он, — наш постоянный эксперт по делам «Уотермана». Это досье — в основном, его работа.

Кеннеди начал уже жалеть, что он вообще вспомнил о Поле Изаксе. Под взглядом Гринграсса он внезапно почувствовал себя, как подследственный. Это было довольно неприятное ощущение.

Гринграсс подал Кеннеди руку, его рукопожатие было очень крепким.

— Это ваше письмо от «Уотермана», господин Кеннеди, оно у вас с собой?

— Это только краткая записка...

Рука Гринграсса повисла в воздухе.

— Да, она у меня с собой, — обречённо признался Кеннеди.

— Я хотел бы на него взглянуть.

Это прозвучало, как приказ.

Кеннеди достал фотокопию письма, и Гринграсс быстро его прочёл.

— Как всегда, осторожны, словно ящерицы, — хмыкнул он. — Вы не будете возражать, если я сниму копию? Это будет сделано моментально.

— У меня есть ещё одна копия, так что эту можете оставить себе.

— Вы понимаете, надеюсь, что значит эта ревизия? Какое огромное значение она могла бы иметь?

— Не совсем, — честно признался Кеннеди.

— Честно говоря, и я не вполне, — подхватил Изаак.

Гринграсс поплотнее уселся в кресло, видимо, решив прочитать своим юным собеседникам краткую лекцию.

— Я могу вашему приятелю, Пол, посвятить десять минут, не больше. У меня назначена встреча с клиентом.

Он повернулся к Кеннеди.

— Что вы знаете вообще о банках и банковском деле?

— Не очень много, — честно признался Джек.

— Но вы хотя бы знаете, что «Уотерман» сейчас один из лидеров в банковском мире страны? Об этом же трубят все газеты...

— В финансовых рубриках, наверное?

— Естественно.

— Я в них не заглядываю.

Гринграсс снял очки в массивной роговой оправе и начал их тщательно протирать, явно прикидывая, как же ему начать просвещение столь малограмотного субъекта. Наконец, он заговорил.

— Прежде всего я хотел бы, чтобы вы уяснили два основных момента. Во-первых, к вам обратился своего рода «Роллс-Ройс» среди британских клиринговых банков. «Уотерман», правда, не самый крупный банк, но, тем не менее, принадлежит к самой верхушке пирамиды. Во-вторых, вся банковская деятельность сейчас вступила в такую стадию развития, что многие банки, в том числе и «Уотерман», оказались на перепутье: они могут либо существенно разрастись в прежнем направлении, либо полностью поменять характер своих операций, например, начать оказывать какой-нибудь совершенно новый тип банковских услуг. Короче говоря, «Уотерман» скоро будет решать, чем они хотят стать в будущем. Это будет непростой выбор. Поэтому мы тут все следим за ними с беспокойством.

— Можно, я вас прерву на минутку? — спросил Кеннеди. — Мне приказали выяснить, насколько этот банк велик по сравнению с остальными, а этого я ещё не узнал.

— Насколько он велик? — Гринграсс небрежно махнул рукой. — Обычно меня совсем не волнуют относительные величины. Они вам на самом деле не скажут о фирме того, что вы хотите знать. Но если уж вам нужен какой-то простой измеритель, то больше всего филиалов у «Мидлэнд Бэнк», а ему лишь немного уступает «Нэшинэл

Уэстминстер». В сумме эти два банка имеют по всей Англии три с половиной тысячи филиалов. «Уотерман», у которого только тысяча двести шестьдесят филиалов, в этом отношении сильно им уступает. На мой взгляд, однако, более интересен критерий прибыли. Эти цифры я собрал в таблицу в самом начале досье, и вам стоит с ними ознакомиться в первую очередь. Вы позволите?

Он протянул руку, и Кеннеди передал ему досье. Гринграсс с явным удовольствием стал вновь просматривать плод своих трудов.

— Здесь остались прибыли будущего года, — прервал молчание Изакс.

— Будущего года? — не понял Кеннеди.

— Мне надо было тебя заранее предупредить, Джек, — продолжал Изакс, краснея всё больше. — С этим досье тебе надо обращаться очень осторожно. Эти экстраполированные прибыли — наша секретная информация. И ценятся они на вес золота.

Но Гринграсс уже сложил страницу и аккуратно оторвал крайний столбик чисел.

— Как вам этого не жаль? — спросил Кеннеди, когда смятый кусочек бумаги исчез в кармане Гринграсса. — А я так всегда мечтал выведать какие-нибудь настоящие тайны Сити.

Гринграсс вырвал из досье ещё несколько страниц.

— Это некоторые мои личные соображения, которые я бы предпочёл оставить при себе.

Он усмехнулся, видя реакцию Кеннеди.

— Послушайте, я вам скажу самое главное, что вам надо знать для ваших целей. В последнем финансовом году прибыли «Уотермана» впервые превысили сто мегов. По отношению к масштабам их финансовых операций это совершенно потрясающий результат.

— Мегов?

— Мегом мы называем миллион фунтов стерлингов, — пояснил Изакс.

— Кроме того, из этого досье вы узнаете, что по прибыли они обогнали даже «Ллойда», а у «Ллойда» в два раза больше филиалов.

Последние слова Гринграсс произнёс с искренним восхищением, благоговейно понизив голос до шёпота.

— Это звучит неплохо, — признал Кеннеди.

— И это действительно прекрасный результат, если учесть к тому же, каким неблагоприятным был прошлый год для всего банковского мира. Когда конъюнктура ни к чёрту, теряют все, не так ли? Я сам, например, определяю понятие абсолютно благоприятной конъюнктуры, как период без единого банкротства. Но такого не бывает. А реально способность управлять предприятием и вообще жизнеспособность самого предприятия проверяются во времена экономического хаоса, например, как в 1974 году. И в это время «Уотерман» показал, из какого теста вылеплены его руководители. Большинству остальных банков в тот период повезло куда меньше.

— Кажется, это было связано с какими-то валютными проблемами? — спросил Изакс. — Тогда мы с Джеком ещё были в Кембридже.

— Вот именно. Наступил нефтяной кризис и сразу же все валютные курсы поменялись. Как вы, возможно, знаете, господин Кеннеди, банки постоянно спекулируют валютой, опираясь на собственные прогнозы курсов. И если вдруг курсы начинают плясать так, как вы и предположить не могли, расплачиваться вам за это придётся весьма кругленькой суммой. В 1974 году так пострадали многие банки.

Западногерманский «Херстатт Банк» это вообще привело к банкротству. А в Лугано «Ллойдс Интернационал» потерял из-за своего директора по валютным операциям ни много ни мало тридцать три мегала!

— Я думал, что это было мошенничество, — удивился Изаак.

— Нет, это была просто чрезмерная непредусмотрительность.

— Мне трудно представить себе непредусмотрительность ценою в столько миллионов фунтов, — сказал Кеннеди.

Грингросс одарил его ослепительной улыбкой.

— Мне тоже. Тем большим контрастом выглядело то, в каком железном кулаке держал в это время свои валютные операции «Уотерман». Они, пожалуй, первыми в Европе начали вести все валютные операции с помощью компьютера. Это обеспечивает им, как они сами утверждают, такие условия работы, в которых рядовые сотрудники могут спокойно заниматься своим непосредственным делом, а не лезть в процесс принятия ответственных решений. И тут я им верю.

— А мне их даже немного жаль, этих рядовых сотрудников, — вздохнул Кеннеди с притворной грустью.

— И мне, — вполне искренне согласился с ним Изаак. — Не могу понять, почему риск и потери — это игрушки только для директоров!

Грингросс снова взглянул на свои золотые часы.

— Ещё пару слов о компьютерах, и я побегу.

— Это излишне, — сказал Кеннеди. — Мне приказано не заниматься этой темой и собирать информацию только по чисто финансовым проблемам.

— В таком случае вы получили неверные инструкции. Хотите, я вам это докажу?

— Попробуйте...

— Дело в том, что у «Уотермана» просто невозможно отделить то, что вы называете «чисто финансовые проблемы» от компьютеров...

Грингросс вернул досье Кеннеди и продолжал.

— Вице-директором, ответственным за компьютеры, у них является Дэвид Клемент. В приложении к досье дана стенограмма его выступления прошлой весной. Это было весьма импозантное мероприятие, господин Кеннеди, тот банкет. Сливки международного банковского мира, в «Гюльхолле» столы сервированы лучшим серебром, роскошные туалеты дам... Приятно вспомнить.

— Да, я уже нашёл, — поддакнул Кеннеди, перелистав досье.

— Не возражаете, если я перескажу его речь своими словами? Так вот, Клемент утверждал, что *его* компьютеры — кстати, он всегда говорит о них, как о *своих* компьютерах, — выполняют больше, чем свою обычную функцию. На них опирается вся долгосрочная стратегия развития банка. В одном месте он даже называет «Уотерман» электронным банком. «Уотерман» был основан ещё в восемнадцатом веке, когда, как пошутил Клемент, для электронной революции было немножко рановато. Он чрезвычайно сожалеет по этому поводу, поскольку его банку пришлось столько лет тихо прозябать, ожидая, когда же, наконец, кто-нибудь придумает перфокарту. Можете представить, как там все заливались...

— Он что, у «Уотермана» главный шутник по совместительству? — сказал Изаак.

— После сытного ужина, Пол, такой стиль выступления всегда имеет наибольший успех. Во всяком случае, Луи Левен меня учил, что в подобной обстановке такие анекдоты — это тайные истины, которым удаётся проникнуть в сознание публики только под маской.

— С самого начала компьютерной эры «Уотерман» начал покупать самую современную вычислительную технику. И, судя по всему, они выжали из этой техники всё возможное. Они переложили на ЭВМ ведение счетов всех клиентов, валютные операции, создали кредитную службу «КЕЙНОТ» с опознавательными карточками... Всё, что вам только придёт в голову, всё у них компьютеризировано. Но если бы вы просто включили в этот перечень и «БАНКНЕТ», то вы бы принизили его истинное значение. «БАНКНЕТ» — это совсем особое дело, это именно та ракета-носитель, которая возносит их акции всё выше и выше. Во всяком случае, такова моя теория. Как ни странно, пока она полностью оправдывается.

Он встал и тщательно застегнул свой твидовый пиджак.

— Многие люди в Сити значительную часть успехов «Уотермана» связывают именно с «БАНКНЕТОМ». Сами по себе компьютеры в Великобритании считаются не бог весть каким бизнесом. Но как электронное оружие финансовой экспансии они просто фантастика. Поэтому я и утверждаю, что «Уотерман» создал «БАНКНЕТ» не для того, чтобы просто подсчитывать сальдо.

И, церемонно поклонившись, Грингросс двинулся к дверям.

— Ну, а разные сплетни? — окликнул его Изаак. — Ты мог бы о них хотя бы упомянуть?

— Сплетни? — оживился Кеннеди. Он даже встал, чтобы подчеркнуть свой интерес.

— Всегда есть какие-нибудь сплетни, — сказал Грингросс философски. — Сейчас, например, начались разговоры о том, что «Уотерман» пошёл на слияние и его должен поглотить один из трёх крупнейших клиринговых банков. Однако я не удивлюсь, если всё произойдёт наоборот и «Уотерман» сам скушает более крупного соперника. По капиталам у них на это хватит силы. И это была бы лихая гусарская операция! Мне действительно пора. А за это, — он помахал копией письма, — ещё раз спасибо.

— Ещё один вопрос, — не отставал от него Кеннеди. — Вы мне ещё не объяснили, почему эта ревизия имеет такое большое значение?

— Могла бы иметь большое значение, — с нажимом в голосе сказал Грингросс и наградил Кеннеди ещё более сильным рукопожатием, чем при знакомстве. Если бы вы у них что-нибудь раскопали и если бы это просочилось наружу, у «Уотермана», мягко говоря, началась бы сильная мигрень. Достаточно хотя бы чуть-чуть подорвать репутацию их автоматизированной системы, и я могу спорить с вами сто к одному, что это надолго понизит курс их акций. Репутация — вещь довольно хрупкая и в лучшие времена. А уж сейчас...

И он сделал рукой движение, как будто раздавливая хрупкую скорлупу воображаемого яйца.

— Неужели это столь важно? — недоверчиво переспросил Кеннеди.

— Это могло бы стать причиной различия между понятиями «поглотить» и «быть поглощённым». Ясно, юноша?

И, ещё раз кивнув, Грингросс вышел.

— Ещё раз спасибо тебе за помощь, Пол.

— Не о чем говорить. Дело обоюдно выгодное. Клайв наверняка сумеет что-нибудь вычитать между строк, он догадается, что должна значить такая ревизия. И мне лично это тоже зачтётся...

— Я не хотел об этом говорить в присутствии Грингросса, но, вообще-то, ты мне обещал, что это дело останется только между нами...

Упрёк был высказан миролюбивым тоном.

— Да выбрось ты это из головы, Джек! Мы уже давно следим за «Уотерманом». Ситуация там всё время меняется. Клайв готовит аналитические материалы уже много месяцев. Он ожидает, что там вот-вот что-то произойдёт, и хочет быть готовым. Некоторые крупные инвестиционные фирмы будут нам весьма благодарны за квалифицированную консультацию в такой момент...

— Минуточку! — Кеннеди даже замер, не донся руки до перил лестницы. — Ты же мне сказал, что это досье было подготовлено специально для меня!

— В жизни я не говорил ничего подобного! Напротив, мне пришлось долго уговаривать Клайва, чтобы тебе дали одну копию...

Кеннеди вдруг охватил гнев, скорее на себя, чем на своего приятеля. Как же он это сразу не понял! Эти вырванные страницы!

— Копию ты получил, чего же теперь огорчаться, — холодно сказал ему Изакс.

У Кеннеди даже язык отнялся.

— Если из ствола достопочтенного «Уотермана» высунет головку какой-нибудь древоточец, дашь мне знать? Услуга за услугу...

— Ты, жулик паршивый!

— Кто выдержит, тот выживет, Джек, — парировал Изакс. — Так-то, парень, здесь все играют в одну игру — на выживание...

5

Сьюзен Фолкнер положила Веббу на стол маленький кожаный футляр и застыла на месте, ожидая, что он скажет.

— Он дорогой? — поинтересовался Вебб, взвешивая футляр в руке. — Похоже на то...

— В магазине, где я его купила, мне сказали, что эта цена совсем невысока, если учесть, что мы за эти деньги получаем. Но лично мне сто десять фунтов стерлингов кажутся весьма круглой суммой...

— Чёрт возьми! — Вебб, который уже начал расстёгивать молнию на футляре, даже замер. — Эта игрушка съела почти все мои средства на текущие расходы за месяц!

Ещё раз качнув головой, Вебб расстегнул, наконец, футляр и достал из него миниатюрный цейссовский бинокль, размером с театральный.

— Восьми-двадцатикратное увеличение, — вслух прочёл он надпись на бинокле. — Это очень хорошо. И притом он совсем маленький, Сью, совсем незаметный.

Он нацелил бинокль на противоположную сторону площади, с удовольствием ощутив, как бинокль удобно лежит в руке, как он хорошо уравновешен, как туго поворачивается ручка наводки на резкость, отрегулированная ещё на заводе. Изображение было ясным и отчётливым, оно казалось даже более объёмным, чем виделось простым глазом.

— Отличная вещь, — наконец решил он и осторожно спрятал бинокль в футляр.

— Скажи теперь, пожалуйста, Джеку, чтобы он зашёл ко мне. Парню наверняка не терпится похвастаться своими успехами, — сказал он, пряча бинокль в ящик стола.

— Ты сам сейчас похож на мальчишку с новой игрушкой, — усмехнулась Сьюзен, не проявляя ни малейшего желания покинуть кабинет.

— Довольно оригинальная игрушка, — согласился с ней Вебб. — И как это я до

сих пор ухитрялся заниматься своими делами без столь важного инструмента?

Ему явно доставляло удовольствие поддразнивать Сью, играя на её любопытстве.

— Ты же мне даже не сказал, зачем тебе это нужно, — сказала Сьюзен, состроив кислую мину. — Ты что, собираешься за кем-то следить?

Вебб изобразил оскорблённую невинность.

— Бога ради, разве на меня это похоже?! — тут он вдруг усмехнулся и добавил: — Пожалуй, это можно было бы квалифицировать, как исследование рынка...

Сьюзен уже достаточно давно работала с Веббом, чтобы уяснить — о смысле его шуточек лучше не спрашивать.

Вебб захлопнул досье на «Уотермана» и долго смотрел на Кеннеди, ничем не выдавая, что он думает по его поводу.

— Мой преподаватель был один из самых ленивых людей в Оксфорде, — начал Вебб издали. — Но притом он был и одним из самых удачливых. Так вот, если хотите, я могу вам рассказать его теорию о смысле университетского образования. Рассказать?

Кеннеди был несколько сбит с толку таким вступлением, но, безо всякого, впрочем, вдохновения, сказал, что выслушает с удовольствием.

— Он всегда говорил нам, что научить человека мыслить и искать решение — дело нехитрое. Университет же, по его теории, должен научить студентов так умело искать готовые решения, чтобы человеку вообще не надо было думать.

— Это относится и к Кембриджу, — подтвердил Кеннеди.

Вебб нежно погладил ладонью досье.

— Судя по этому, вы там времени зря не теряли...

— Я кончил одним из первых, если вас это интересует, — подтвердил Кеннеди, поняв, наконец, откуда дует ветер. Его лицо осветилось блаженной улыбкой.

— Между нами говоря, — продолжал Вебб, тоже уже не сдерживая улыбки, — это настоящая сенсация. Это значительно больше того, на что я мог надеяться!

— Как видите, и двадцатилетние банковские эксперты кое на что могут пригодиться, — не сдержался Кеннеди.

— Беру свои слова назад, — сказал Вебб, не скрывая восхищения. — И я хотел бы, Джек, чтобы вы присутствовали при моём докладе у «Уотермана». Это ясно.

— Я был бы рад.

— Я буду чувствовать себя куда увереннее, если там со мной будет специалист по финансам, — дружелюбно усмехнулся Вебб.

— Вы думаете, что наши дела пойдут теперь лучше, Крис?

— Вовсе нет! — настроение Вебба сразу испортилось. — Вы-то уже своё дело сделали. Я же взялся разузнать кое-что о мерах по обеспечению безопасности «БАНКНЕТа». И выяснить мне удалось только то, что эти меры достаточно надёжны, чтобы закрыть мне все пути к системе! Харрингтон воздвиг такие бастионы, чтобы ни штурм, ни подкоп не принесли мне удачи...

Зазвонил телефон, но Вебб его проигнорировал.

— Собственно, защита нашего предложения меня не волнует. Я уже знаю, как мы туда пойдём. Но у меня ещё нет ни строчки самой нашей заявки, а время уходит...

Телефон зазвонил вновь.

— Моя работа над данной проблемой сегодня кончается, — напомнил Веббу Кеннеди.

— Да, к сожалению, — согласился Вебб.

В дверях появилась Сьюзен.

— Звонит Адриан Росс, — сказала она, — а я не знаю, хотите ли вы с ним говорить?

— Через вашу секретаршу и не пробиться, — пожаловался Росс Веббу.

— А я уже и надеяться перестал на вашу помощь, Адриан, — вместо приветствия ответил Вебб.

— Серьёзно? — охотника за талантами этот ответ явно не удовлетворил. — А я ради вас надрываюсь, Кристофер. Я нашёл для вас такой лакомый кусочек, что вы просто облизнётесь...

— Кого-то от «Уотермана»?

— Вот именно. Вы же именно этого хотели, не так ли?

На Вебба это явно произвело впечатление.

— Послушайте, Адриан, а ходить по водам аки посуху вы не пробовали? Мне кажется, что у вас выйдёт...

— Мне тоже так кажется, если только мне за это предложат достаточно круглый гонорар...

— Это какой-нибудь ведущий специалист?

— Вот именно — их главный системный аналитик из Манчестера. Зовут его Стивен Эллиот.

— Откуда он, вы сказали?

— Манчестер. Вычислительный центр в Манчестере — ВЦМ.

Вебб прикрыл ладонью микрофон телефонной трубки и триумфально показал Кеннеди оттопыренный большой палец.

— Мы прорвали первый пояс обороны, Джек!

— Он хочет оттуда уйти, — продолжал Росс. — Но чтобы это желание перешло в действие, вам придётся хорошо смазать трассу его перемещения. «Уотерман» ему платит семь с половиной тысяч фунтов стерлингов в год. Чтобы переманить его в Лондон, вам придётся обещать ему не меньше девяти тысяч.

— Где бы я мог с ним побеседовать?

— Здесь, в Лондоне, в пятницу, если это вас устраивает.

— Пятница. Это была его идея, не так ли?

— Да, а что...

— Ага, — сказал Вебб со столь громким вздохом, чтобы его услышал и Росс. — Он наверняка женат, так?

— Женат, трое детей.

— И рад был бы на уик-энд выбраться с семьёй в Лондон, так? За наш счёт...

— Это его дело, — холодно парировал Росс. — Запишите его номер. Он ждёт, что вы позвоните и подтвердите готовность встретиться. Но пожалуйста, Кристофер, осторожнее — этот номер служебный.

— Я сейчас же ему позвоню, — пообещал Вебб. — Как его называть? Стивен, Стив?

— Опасаюсь, что вам придётся смириться со Стивеном.

— Мне это не очень нравится. Он слегка с гонором, не так ли?

— Вот именно. Я и сам хотел вас об этом предупредить. Но в остальном проблем у вас не будет...

— Вы хотите ещё что-нибудь добавить, Адриан?

— Пожалуй, нет. Мне думается, вы найдёте общий язык.

— Ну что ж, ну что ж, — с удовлетворением сказал Вебб, опустив телефонную трубку. — Похоже, что судьба начинает нам улыбаться, Джек. Наш доклад-предложение, который мы пошлём Харрингтону и его друзьям, их весьма удивит — мы продемонстрируем знание всех их секретов!

— Мой опыт разгадывания телефонных разговоров, услышанных наполовину, не очень велик, — кисло отозвался Кеннеди. — Я понял только то, что вы хотите принять на работу кого-то от «Уотермана»?

— Принять — да, на работу — не совсем... Мы этого Стивена-хитреца и не возьмём на работу, а только побеседуем с ним так, словно мечтаем переманить к себе.

— Ага, понятно, — сказал Кеннеди, хотя явно ничего не понял.

— Видите ли, Джек, — пояснил Вебб, — при таком собеседовании люди распускают язык и в стремлении произвести хорошее впечатление начинают болтать охотнее, чем на кушетке психоаналитика.

— Но у нас же нет для него места, — возразил Кеннеди. — Получается, что мы ведём не слишком честную игру...

— Глупости, Джек. Выгода будет отнюдь не односторонней. Он наверняка приедет со своей любовницей, а нам придётся оплатить их счёт за отель.

— Всё равно это довольно грязный трюк!

— Именно это и завопит Росс, когда узнает, что я отверг его протезе, — ухмыльнулся Вебб.

6

Был сумрачный, сырой понедельник. Сити насилу пробуждался после тихого уик-энда и деловой жизни.

В маленький дневной бар на Линденхолл-стрит Вебб пришёл очень рано и теперь попивал кофе у окошка, которое он выбрал в качестве наблюдательного пункта. За окнами медленно текла река машин. Её поток набух между девятью и половиной десятого, а потом снова спал.

Тишину в баре нарушало лишь позвякивание кофейных чашечек. Несколько клиентов, одетых в похожие на униформу серые плащи «от Барберри» или «от Данна», торопливо завтракали стоя.

— Быть старым и нелюбимым, каково это? — спросил Вебб вполголоса сам себя, но так, чтобы его слышал бармен, который как раз возвращался на своё место у стойки после того, как он выглянул на улицу глотнуть свежего воздуха.

— Ну, и как там? — спросил его Вебб, когда бармен оказался возле его столика.

— Сыровато, — однозначно оценил тот. — Такой сырный сэндвич будет целый день.

— Вот и хорошо, — сказал Вебб, — тем с большим удовольствием я у вас тут посижу часок-другой.

Бармен испытующе посмотрел на Вебба, потом на пустую кофейную чашечку перед ним и снова на Вебба.

— Моя жена работает в том банке, напротив. И какой-то паршивец там за нею приударяет. Я это железно знаю!

Бармен сочувственно кивнул головой.

— Мне нужно их подловить... Я думаю, что мне это удастся, — и Вебб, многозначительно глядя в глаза бармену, вынул из кармана и положил на столик свой портативный бинокль. — Я надеюсь, что я не буду вам мешать?

На лице бармена медленно проступила понимающая улыбка.

— Ну, если это её шеф! — произнёс Вебб с тщательно имитируемым скрытым бешенством и протянул бармену сложенную пополам пятифунтовую бумажку. Тот стал улыбаться ещё шире.

— Вы много этого выпьете? — поинтересовался бармен, указывая на пустую чашку из-под кофе.

— Галлоны!

— Тогда нет проблем, — пятифунтовый банкнот исчез в кармане у бармена.

— А что вы сделаете, если действительно их засечёте? — поинтересовался он спустя несколько минут, не отрываясь от приготовления сэндвичей.

Вебб в это время уже сидел, нацелив бинокль на площадку перед банком и укрывая его при этом ладонями от взглядов прохожих. Он думал об Элисон. Это как-то облегчало ему сидение у окна, и вообще его игра становилась более достоверной.

— Буду бить её до тех пор, пока на ней все синяки не сольются, — не оборачиваясь, ответил он.

— Вот это верный способ, только так и надо с этими бабами обращаться! — полностью поддержал его бармен и ожесточённо разрезал крупный помидор, которым он намеревался украсить миску с салатом.

***

У себя в кабинете Вебб появился только на четвёртый день.

— Ну как, дело стоило того? — сразу же подступилась к нему Сьюзен, которая после покупки бинокля ощущала себя соучастницей в битве за «Уотерман».

— Думается мне, что да, — кратко ответил Вебб, не проявляя никакого желания пускаться в пространные объяснения. Но от Сьюзен было не так-то просто избавиться. Поэтому увидев, с каким решительным выражением лица она уселась в кресло у его стола, Вебб только обречённо вздохнул и принялся рассказывать.

— Парни из «ДАСТа» уверены, что этот контракт у них в кармане. По крайней мере, один из директоров «Уотермана» придерживается того же мнения.

— Ты это точно знаешь?

— Точно знать я не могу ничего, но я видел из своего укрытия, как этот директор сердечно прощался с представителями «ДАСТа», тогда как представителей других фирм он даже не вышел провожать... Вывод напрашивается сам собой.

— Ну и что?

— Это именно то, что можно назвать жёсткой конкуренцией. Если бы я попытался пойти против «ДАСТа» в лобовую атаку, у меня бы не было ни малейших шансов. Мне надо обязательно придумать какой-нибудь обходной манёвр!

— А это досье, которое я копировала, Крис? Оно разве не может выиграть для тебя этот контракт?

Вебб устало пожал плечами.

— Его одного недостаточно, Сью. «ДАСТ» — лучшие в Англии спецы по обеспечению технической безопасности ЭВМ. Они собаку на этом съели. Они занимаются не только безопасностью собственно компьютера, но и организацией охранной службы, размещением камер промышленного телевидения, контрольными часами и тому подобным — словом, всем комплексом вопросов, связанных с обеспечением физической безопасности вычислительных центров в целом. Я в этом вообще ни черта не понимаю. До сих пор я просто надеялся, что «ДАСТ» на

чём-нибудь сорвётся. Теперь же мне придётся попытаться убедить боссов «Уотермана» в том, что для намеченной ими ревизии вопросы физической безопасности вычислительной системы и её охраны от посторонних имеют второстепенное значение. Это будет нелегко. Пожалуй, мне придётся даже слегка их напугать... Только слегка, причём сделать это очень осторожно.

— Сделать «козу» такому большому банку? — иронически усмехнулась Сьюзен. — А каково это вообще, Крис? — поинтересовалась она, закинув ножку на ножку и постукивая карандашиком по ослепительным зубкам. — Каково это — шпионить за руководством такого крупного банка, да ещё где — прямо в Сити и среди белого дня?

— Караулить, — поправил её с улыбкой Вебб. — Парни из «ДАСТА» это наверняка квалифицировали бы именно так...

— Я бы не смогла этого сделать, как бы ты это ни называл!

— Видишь ли, я рос в бедном квартале, — сказал Вебб.

— Это ты мне уже рассказывал, — отрезала Сьюзен, и Вебб почувствовал, что её голос заметно охладел.

— Конечно, не среди какой-нибудь рабочей бедноты. Тебе был бы любопытен этот сорт людей, которых когда-то можно было встретить в таких изолированных кварталах-островках вокруг центра Лондона. Обязательные, порядочные, богобоязненные. Теперь таких уже нигде не встретишь.

— Святоши! — засмеялась Сьюзен.

Вебб хмуро замотал головой.

— Они были по-иному порядочны и по-иному богобоязненны, чем ты думаешь, Сьюзен. В основном, это были остатки прежних средних слоёв, и сейчас от них уже не осталось и следа. Либо они выбрались наверх, как я, либо скатились на самое дно...

— Ну и что?

— Сейчас все мы стремимся поглубже спрятаться в собственную раковину и не желаем знать, что за люди нас окружают. Нас не особо волнует и то, что другие могут узнать про нашу собственную жизнь. Но тогда...

Вебб даже взмахнул рукой при этом воспоминании.

— Люди моего детства просто жили слежкой друг за другом. Это было их единственным развлечением. И как же ловко они умели это делать! Они обладали столь изощрённой техникой слежки, какую теперь можно найти лишь где-нибудь в глухой деревушке. И это всё вошло в мою плоть и кровь, как бы я ни ушёл от их образа жизни...

— По-моему, тебе это занятие чрезвычайно понравилось, — решила, наконец, Сьюзен полуосуждающе, полужавистливо. — Это как будто совсем новая игра, правда, так вот следить за людьми, откуда они идут, куда, с кем, да?

— Могу тебе только сказать, что такого ощущения я не испытывал... Да, в последний раз я этим занимался, когда мне было тринадцать лет. — Вспоминая, Вебб даже прикрыл глаза. — Мы тогда следили за одной чокнутой семейкой, которая жила напротив нас, а они следили за нами. Думаю, что мы тогда им проиграли. Мы были ещё более занимательным объектом для наблюдения, чем они...

Поняв, что больше из Вебба ничего не вытянешь, Сьюзен наклонилась к нему и очень тихо сказала:

— Я за тебя очень болею, Крис.

Потом, тщательно отмерив паузу, добавила:

— Было бы отлично, если бы ты смог меня вечером отвезти домой... — Сьюзен

показалось, что его молчание длилось века.

— О'кей!

Её ноги показались ему сегодня вдруг особенно красивыми, и это помогло Веббу решиться.

— Я принесу тебе чашечку кофе, — улыбнулась Сьюзен, вставая.

— Бога ради, — ужаснулся Вебб, — только не кофе. В засаде я напился его на много лет вперёд.

7

Понедельник, шестое ноября.

— Линденхолл-стрит, — сказал Вебб таксисту.

Они выехали с Фитцрой-сквер. Кеннеди, неуверенно балансирующий спиной к водителю на откидном стульчике, на углу чуть не упал и вынужден был ухватиться руками за колени Вебба.

— Какие диапозитивы вы им везёте? — поинтересовался он, указывая на пластмассовую коробку, которую Вебб держал на коленях.

— Это целый кинофильм.

— Знаю, но что в нём показывается?

— Ты когда-нибудь слышал об антивеществе? Так вот — это антиприманка. Что Харрингтон хотел, то он и получит. И порядочную порцию!

— Я их посмотрел перед отъездом, — включился в разговор Шалтон. — Я бы скорее назвал это противозачаточным средством для фирм, опасющихся получить заказ!

— Ты остроумен, как всегда, — буркнул Вебб. Всё его внимание было поглощено тезисами сегодняшнего выступления. Он перелистывал их снова и снова, пытаясь устранить последние шероховатости и вновь проигрывая в уме линию своего поведения и возможные ответы на реплики слушателей. Особенно на непредвиденные реплики. Он закрыл глаза и попытался представить, как будет сейчас выступать перед этими банковскими шишками, что те скажут в ответ, что может у него не получиться. Но сосредоточиться было невозможно: машину немилосердно трясло, и к дребезжанью периодически добавлялся противный скрип тормозов, характерный для всех лондонских такси.

— Валютные курсы опять пляшут, — сказал Кеннеди, стараясь возобновить разговор. И Вебб, и Шалтон ошеломлённо уставились на него. — Я сегодня это проверил. В порядке самоподготовки.

Вебб явно перепугался.

— Бога ради, Джек, не пророните там ни слова, если я вас об этом прямо не попрошу! Ясно? Мы везём вас, как необходимый балласт в трюме. Зрительный балласт.

И тут до Вебба впервые дошло, почему Кеннеди ему сегодня показался каким-то странным. Джек переделся! Джинсы и кожаную куртку он сменил на строгий, а главное — тщательно выглаженный костюм. Самое поразительное, что он нацепил даже галстук.

— Я рад, Джек, что вы так серьёзно подошли к делу, — произнёс Вебб и пощупал рукой лацкан пиджака Кеннеди.

— Блеск, — кивнул головой Шалтон и потеревил другой лацкан.

— Я вообще-то думал когда-нибудь его купить, — промямлил Кеннеди, несколько

skonфуженный таким вниманием к своему наряду, — только сделал это лет на пять раньше, чем предполагал.

Вебб отвернулся к окошку и с деланным интересом стал разглядывать прохожих. Ни за что этим двоим он не позволит догадаться, как он волнуется.

***

Зал заседаний был огромен, он занимал большую часть 23-го этажа в здании «Уотермана». Они были приглашены внутрь ровно в 10:00. Харрингтон им представил Уотермана, Сасскинда и Клемента, которые сидели в конце стола, занимавшего центр зала. Перед каждым из них лежал экземпляр доклада «СисТех». Вебб представил свою команду, польстив Кеннеди, который по случаю был назван «ведущим техническим работником».

— А вы, значит, и есть тот самый консультант, — сказал Клемент, глядя на Вебба.

Вебб вспомнил, что именно Клемент провожал тогда людей из «ДАСТа». Но сегодня он был далеко не так дружелюбен.

— Вот именно, — подтвердил Вебб, продолжая готовить слайды к показу.

— Похоже, что вы о нас знаете даже чересчур много...

Хотя Клемент тщательно подбирал слова, своё чувство неприязни он скрывать явно не собирался. Ещё раз пролистав доклад, он многозначительно взглянул на Харрингтона.

— Это предварительное досье, — равнодушно ответил Вебб. — Его цель состоит лишь в том, чтобы продемонстрировать присущую нашей фирме тщательность в работе, которую вы в полной мере испытаете, если мы получим ваш заказ на ревизию.

— Я считаю нелишним указать, что ни одну из цифр в этом досье господин Вебб не получил от меня, — вступил в разговор слегка раздосадованный Харрингтон.

— Совершенно верно, — подтвердил Вебб, слегка сбитый с толку той напряжённостью, которую он почувствовал между этими двумя людьми.

— Лично я считаю, что ваш доклад свидетельствует об инициативности, — сказал Харрингтон. — Хотя, честно говоря, не все здесь присутствующие разделяют эту точку зрения.

Прежде, чем Вебб успел что-нибудь ответить, Харрингтон нажал кнопку на панели, встроенной в стол. Одновременно начали сдвигаться плотные шторы на окнах и разгораться люстры под потолком. Синхронность этих операций было столь полной, что освещение в зале почти не менялось.

— Мы были бы рады, если ваше выступление носило сугубо неформальный характер, — пояснил Харрингтон, положив палец на следующую кнопку. — Но наша встреча окончится ровно в двенадцать часов, независимо от того, успеете ли вы к этому времени завершить своё выступление или нет. Аналогичного порядка мы придерживались и при заслушивании ваших конкурентов, — сказал Харрингтон и нажал следующую кнопку. В комнате медленно потемнело, с потолка спустился экран и оживший проектор бросил на него ясный квадрат света.

— Да, у них есть свой стиль, — завистливо прошептал Шалтон Кеннеди. Он сидел сбоку и полотно было ему плохо видно. Впрочем, Шалтона не интересовали слайды. Куда интереснее ему было наблюдать за руководителями банка.

— Иногда отношения консультанта и заказчика напоминают мне брак, — начал Вебб. — Консультант должен своего клиента полностью познать, проникнуть в его самые интимные уголки. И если между ними не возникает необходимая гармония,

сожительство будет бесплодным. Причём, если консультант не проявит достаточную потенцию, клиент не получит полного удовлетворения.

— Вы, похоже, пришли свататься, господин Вебб? — спросил Сасскинд столь же двусмысленным тоном.

— Лично мне это скорее напоминает свадьбу по принуждению, — парировал Вебб. — Мне хотелось бы верить, что у вас нет выбора и вы вынуждены отдать свою руку.

Банкиры засмеялись. Вебб нажал на клавишу на пульте дистанционного управления, и проектор тихо лязгнул. На полотне появился знакомый адмиральский корабль — символ «Уотермана». Казалось, что он выплывает откуда-то из тумана — Вебб наводил объектив на резкость.

— «Уотерман» существует на свете уже двести лет, — сказал Вебб, показывая рукой на картинку на экране. — Мощный, богатый, идущий, как я слышал, верным курсом. Короче, весьма привлекательный партнёр. «СисТех» же насчитывает только пять лет. Несмотря на эту устрашающую разницу в возрасте, я верю, что нам неплохо работалось бы вместе. И сегодня я пришёл сюда с намерением убедить вас в этом.

Сасскинд выпятил подбородок и усмехнулся.

— Но если придерживаться ваших аналогий, господин Вебб, то скорее можно предположить, что «Уотерман» уже не может, а вы ещё не можете!

На этот раз его коллеги захохотали в голос.

— Рядом с компьютерами созревают очень быстро, — нашёлся Вебб. — Лично я могу и умею, когда меня хотят. И умею очень хорошо, во всяком случае, по отзывам моих последних клиентов.

Вебб сегодня был одет в тёмно-синий костюм и в полутьме был почти не виден. Казалось, его лицо, освещённое сбоку отражённым от экрана светом, висит в воздухе само по себе. Это было серьёзное, энергичное лицо, с резко очерченной линией подбородка. Банкирам оно могло бы показаться даже самоуверенным и нагловатым, и надо было очень хорошо знать Вебба, чтобы понять обманчивость его внешности.

Тем временем, корабль уплыл с экрана и его сменили двое мужчин, идущих по лесу. Одного тянул за собой пёс на поводке, а другой нёс на плече какой-то длинный узкий прут.

— Кто-нибудь из вас знает, что здесь изображено? — спросил Вебб.

— Мы что, будем играть в загадки? — отозвался Харрингтон.

— Это — охота за электронными злодеями, — пошутил Клемент. — Годится?

Уотерману повезло больше.

— По-моему, это сбор трюфелей, — чувствовалось, что слова он подбирает осторожно, но не потому, что ему не хватает уверенности в себе. — Я рискнул бы даже предположить, что этот снимок был сделан где-нибудь в Бургундии.

— Вы почти угадали. Это Нормандия, — ответил ему Вебб, приятно удивлённый точностью ответа.

— Я так и думал, Мейер, что вы угадаете, — сказал Сасскинд.

— А я где-то читал, что для поиска трюфелей используют поросят, специально для этого дрессируют, — произнёс Клемент, явно раздосадованный, что не он нашёл верное решение.

— Так полагает большинство людей, — ответил за Вебба Уотерман. — Но собака справляется с этим делом не хуже.

— То же самое можно сказать и обо мне, — подхватил Вебб и дотронулся до

кончика своего носа. — Я нюхом чую любое мошенничество. Как бы злодей ни пытался замаскироваться, я его почую, а потом найду и то место в вычислительной системе, куда он запрятал свою воровскую программу. За моей спиной уже немало таких успешных охот, как хорошо известно господину Харрингтону. Я обнаружу и любые проблемы вокруг «БАНКНЕТа», если вы, конечно, поручите мне эту работу.

Он замолк и минуту сосредоточенно рассматривал своих слушателей.

— В словаре я нашёл толкование слова «ревизия». Этим термином обозначается официальная проверка бухгалтерской документации и результатов коммерческой деятельности. Такое определение совершенно не подходит к «Уотерману» и его сегодняшним потребностям. Оно чересчур пассивно, носит слишком оборонительный характер. Давайте назовём вещи своими именами. То, о чём нам сегодня надо поговорить, это предотвращение уголовного преступления, заблаговременное его раскрытие.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — отозвался Клемент. — Однако я думаю, что такая ситуация у нас ещё не возникла.

— Я просто пытаюсь на несколько ходов опередить потенциального преступника, — ответил Вебб. — Стараюсь, как говорится, влезть в его шкуру, представить, что он мог бы сделать. И сегодня я хочу вам предложить вместе попытаться спланировать преступление против вашего банка.

Охотники за трюфелями исчезли с экрана, и на красном фоне появились большие чёрные буквы: «Как ограбить банк». Банкиров это название явно позабавило. А на экране уже следующий слайд из старого вестерна изображает толпу полицейских, выбегающих из одноэтажного банка где-то на Диком Западе. На лицах Сасскинда и Уотермана застыли чуть насмешливые и слегка ностальгические улыбки.

— Прошу прервать меня, если покажется, что в нашем плане допущена какая-нибудь ошибка, — сказал Вебб. — Я был бы рад, если бы вы все приняли активное участие в его подготовке, все без исключения, чтобы мы, как говорят в уголовном мире, были повязаны. Называть мы себя можем, например, «Лиденхольская банда», если вы не возражаете.

Не дожидаясь ответа, Вебб сменил слайд — теперь на экране появилась белая надпись на чёрном фоне, окружённая игривой виньеткой в стиле немого кино: «Или идеальное преступление».

— Это должно быть действительно идеальное преступление, — продолжал Вебб, — поскольку для «Уотермана» годится только самое лучшее, что бы это ни было. Ну что ж, начнём игру?

Верхушка «Уотермана» согласно кивнула головами, несколько ошарашенная таким подходом к делу. Всю неделю они просидели в этом зале, слушая смертельно серьёзные и совершенно неотличимые доклады других фирм. Это Вебб прекрасно сознавал и на этом решил сыграть.

«Вебб нашёл нужный тон», — решил Шалтон.

— Начнём с основного, — продолжал Вебб. — Что мы, собственно, хотим украсть? Не знаю, как вы, а я бы хотел, чтобы это было чрезвычайно выгодная акция!

Проектор снова лязгнул, и на экране появилась куча золотых монет.

— Первая мысль о куче денег, наверное, вызвала бы в наших головах именно этот образ. К сожалению, эта валюта довольно тяжела и объёмна и, к тому же, плохо транспортируется. Нелегко её и реализовать. Если бы мы это попробовали сделать, нам пришлось бы продавать монеты существенно дешевле номинала, да притом бы

ещё весь уголовный мир вскоре знал, что именно наша банда совершила этот описанный во всех газетах грабёж. Следовательно, полиция через своих доносчиков моментально напала бы на наш след. Конечно, монеты можно переплавить в слитки. Но объём металла от этого не уменьшится, и нам придётся решать те же проблемы сбыта. Так что, благодарю покорно, но лично я категорически против золота как предмета грабежа.

— Тогда, может быть, предпочесть банкноты? Увы, со времён «великой железнодорожной кражи» уже ни один банк не перевозит крупные суммы в использованных банкнотах. Теперь перевозят только совсем новые банкноты, подобранные и зарегистрированные по сериям и номерам. Что с ними делать? Разменивать их маленькими порциями, постоянно рискуя попасться? Я бы этого не советовал делать. Переложить операцию размена на подпольного менялу? Но, опять-таки, мы получим от него взамен лишь незначительную часть номинальной стоимости нашей добычи. Это меня тоже не прельщает.

— А нельзя ли как-нибудь ввести в дело фальшивые деньги? — вполне в тон Веббу предложил Уотерман.

— Отлично, именно об этом я и сам подумывал, — согласился Вебб, — хотя и в несколько иной форме, чем вы представляете...

Он снова нажал клавишу на пульте дистанционного управления, и проектор послушно сменил изображение кучи золотых монет на снимок обычной перфокарты.

— Мы ведь с вами, господа, грабители современные, рассуждаем без ненужного консерватизма и деятельность свою планируем в условиях технически развитого общества. Поэтому мы решим украсть информацию. Её не прячут в подземных кладовых, за стальными стенами сейфов. Напротив, в нынешнем компьютеризированном мире вы найдёте её на каждом шагу: внутри ЭВМ, в линиях связи между вычислительными центрами и их филиалами, в подсобных помещениях машинных залов. А ведь значительная часть потока данных связана с деньгами — огромными суммами денег. Каков, например, дневной оборот хотя бы у «Уотермана»?

— Это служебные данные, — сказал Клемент.

— Кроме того, эта сумма меняется день ото дня, — добавил Харрингтон.

— Мне достаточно знать только порядок цифр, — не отставал Вебб.

— Собственно, особой тайны я вам не выдам, — вздохнув, сказал, наконец, Клемент, — если сообщу, что общий объём денежных операций редко оказывается меньше 50 миллионов фунтов стерлингов, а порою превышает и несколько сот миллионов фунтов.

Вебб широко развёл руками.

— Вот видите, где же я ещё найду в ежедневном обороте такие гигантские суммы денег?! Так что, решено — будем воровать информацию, да? А уж её нам сам банк, как миленький, обменяет на совершенно легальные деньги — чистенькие, только что не дезинфицированные, где номера банкнот не будут играть никакой роли. Лично мне больше всего нравится то, что банк, который станет жертвой нашего грабежа, одновременно будет выступать и хранителем нашей добычи, да ещё и проценты по ней будет нам регулярно начислять!

— Но вы же минуту назад сказали, что мы будем заниматься подделкой денег, — напомнил Уотерман.

Вебб церемонно поклонился старому банкиру, попав в луч проектора, и изображение перфокарты на миг заструилось по его плечу и рукаву.

— Будьте так любезны отметить, господин Уотерман, что нам и не надо грабить настоящую наличность. Или, точнее говоря, нам незачем красть данные, отражающие реально существующие наличные деньги. Мы искусственно создадим свои собственные данные. Например, в этой системе число одна тысяча означает, что на счёте имеется тысяча фунтов стерлингов. Допишите сюда ещё два нуля, и вы сразу получите сто тысяч фунтов. Иными словами, вы получили 99 тысяч фальшивых фунтов стерлингов и для этого вам не понадобилась ни специальная бригада, ни клише, ни краска, ничего — только числа и ЭВМ!

— Тут бы нас сразу и поймали, — взорвался Уотерман, — попробуй мы так наивно мошенничать с цифрами!

Шалтон заметил в глазах Уотермана блеск, как будто он вдруг осознал реальную опасность для банка всех этих ЭВМ. Но это мог быть и просто отблеск света от экрана.

— Я в этом не сомневаюсь, — ответил Вебб. — Поэтому нам нельзя мошенничать наивно, а надо мошенничать изошрённо. Весь юмор заключается в том, что нам нельзя красть деньги с реально существующего счёта, где потерю денег легко было бы обнаружить. А ведь у нас речь идёт об идеальном преступлении, то есть о преступлении, которое почти или вообще невозможно раскрыть. Вы об этом ещё не забыли? Поэтому одна из наших главных целей будет состоять в том, чтобы никто и никогда не узнал, что грабёж состоялся... Я верю, что такой грабёж возможен... если, конечно, мы правильно подберём жертву.

На следующем слайде была изображена старушка в кресле-качалке, закутанная в большой плед. От неё, казалось, остались уже только кости, обтянутые пожелтевшей кожей.

— Что можно представить лучше? Кто-то, кто достаточно стар, богат и нервозен. Кто-то, кто не будет слишком сильно ругаться. Старушка, которая прячет деньги под матрас и которая будет так опасаться, пусть даже сочувственных, улыбок соседей, которые наверняка свяжут факт кражи с её старческой глупостью, что и не подумает заявить о краже в полицию...

Вебб взглянул на своих слушателей и выбрал себе конкретную жертву.

— Я надеюсь, что это описание было достаточно узнаваемым, господин Уотерман? Я ведь говорю о вашем банке!

Его голос звучал почти вызывающе.

Атмосфера в зале сразу изменилась. Шалтон заметил, как окаменели лица у руководителей банка. «Это вам не понравилось», — злорадно подумал он.

— Вы считаете, что мы бы вообще бы ничего не предприняли... — сказал Уотерман.

Вебб только насмешливо взглянул ему в глаза и вместо ответа спокойно сел на край стола заседаний, свесив одну ногу на пол.

— Теперь пора выбрать подходящее орудие грабежа, — сказал он, и глазам удивлённых руководителей банка предстал ничего им не говорящий снимок толстого учебника по программированию.

— Лично я против огнестрельного оружия и рекомендовал бы вам попытаться обойтись без него в нашем идеальном преступлении. Также отпадают взрывчатые вещества, химикаты и любой механический или электрифицированный инструмент. Всё, что нам необходимо, впрочем, мы без труда найдём здесь!

И Вебб театральным жестом снова показал на экран, на книгу, названную её авторами «Пособие по программированию для системы „ИБМ“».

— Ни один современный преступник, обладающий хотя бы каплей профессиональной гордости, не может обойтись без этой книжечки, — подмигнул Вебб банкирам. — Если бы в тюрьме Её Величества узников в рамках трудового перевоспитания начали бы обучать программированию, лично я настоятельно рекомендовал бы вам бросить свои дела и поскорее скрыться в безопасных убежищах. Эта книжечка — невероятно опасное оружие.

Он уселся на столе поудобнее.

— Теперь, пожалуй, у нас есть всё. И всё же, нам не хватает одного... На это дело мы не можем пойти сами. Я ни в коей мере не хотел бы вас обидеть, господа, но нам необходим ещё партнёр, исполнитель, обладающий особыми криминальными способностями, которых нам, остальным, увы, не хватает.

На экране появился новый слайд. На нём на фоне эвкалиптов, чётко вырисовывающихся на необычайно голубом небе, был изображён мужчина, одетый в грубую старинную одежду. Его голова была скрыта каким-то примитивным металлическим шлемом с узенькой прорезью для глаз.

— Я потихоньку пустил в уголовном мире слух о том, что нам нужен решительный парень, — продолжал Вебб с предельной серьёзностью в голосе. — К сожалению, это — единственный кандидат, который отозвался.

— Это же — знаменитый Нед Келли, не так ли? — удивлённо протянул Сасскинд.

— Я бы назвал его традиционным бандитом. Даже если вместо этой кастрюли он натянет на голову чулок, ничего не изменится. Ваш банк двести лет выработывал совершенную систему защиты от его стиля грабежа. Мне трудно даже представить, сколь мизерны были бы его шансы на успех, если бы он попытался к вам сунуться. Поэтому вас, возможно, мало удивит то, что я отверг его в качестве партнёра. Идеальный исполнитель нашего плана, по моему мнению, должен был бы выглядеть вот так...

Элегантным жестом Вебб указал на экран. На нём был изображён компьютер «ИБМ 370/165». Это был обычный снимок из рекламного проспекта, но представители банка вполне могли его принять за портрет их лондонского компьютера.

— «БАНКНЕТ» собственной персоной, — сообщил Вебб. — Отлично знает своё ремесло. Просто идеально послушен, если вы разговариваете с ним надлежащим образом. Пользуется исключительным доверием хозяев, через его руки проходит каждый пенс, который появляется в банке. И что самое главное — свято блюдёт принцип круговой поруки. Не хуже сицилийских мафиози!

Вебба явно удовлетворила реакция слушателей.

— Этим я хочу сказать, что он нас никогда, ни словечком не выдаст. Это именно то, самое важное свойство, которым должен обладать напарник по грабежу, — он должен сохранять лояльность и после совершения преступления. А ведь как только мы сделаем своё чёрное дело, наши грабительские программы сотрутся сами по себе и в памяти ЭВМ не останется и малейшего следа соучастия в ограблении.

Вебб замолк и прошёлся перед экраном, как бы слившись под лучом проектора с компьютером-грабителем.

— Итак, господа, вот оно, всё наше будущее преступление. Оно чрезвычайно элегантно, это самая безопасная форма грабежа из всех возможных. Такое преступление нельзя предотвратить, невозможно раскрыть, и я убеждён, что у нас всё получится в полнейшем соответствии с планом.

Сасскинд в глубоком раздумье раскурил трубку, а потом обратился к Веббу:

— Согласитесь, господин Вебб, что до сих пор вы изложили нам лишь общую концепцию преступления. Собственно говоря, вы нам ещё не сказали, как его можно было бы реализовать?

— Я хотел только познакомить вас с основными фактами, — ответил Вебб. — Честно говоря, разве я смогу представить детали реализации до тех пор, пока вы не позволите мне ознакомиться с вашей системой вблизи? Разве это мыслимо?

— Тут вы, пожалуй, правы, — медленно покивал головой Сасскинд.

— Стоит, пожалуй, уточнить мою роль как вашего консультанта, — продолжил Вебб. — Я безо всякого стыда готов признаться вам в том, что в патентованных замках, пуленепробиваемом стёкле и тому подобных вещах я не понимаю практически ничего. Поэтому, если вас интересует консультация этого плана, вам лучше обратиться к «Чаббу», или к «Бэнхаму», или к такой компьютерной фирме, как «ДАСТ», для которых вопросы физической безопасности ЭВМ — это хлеб насущный. Считал бы нужным, однако, заметить, что вряд ли вы от них услышите что-то принципиально новое для себя...

— Вы хотите сказать, что физическая безопасность вообще не имеет особого значения? — Сасскинд явно был на этот раз не согласен с Веббом.

— Скажите, у «Уотермана» уже был случай нападения на ЭВМ? — ответил Вебб вопросом на вопрос.

— Нет. Насколько мне известно, таких случаев у нас не зарегистрировано...

— Именно к этому я и веду! Мы с вами тут всё время говорим о преступлении такого типа, для совершения которого ваши меры охраны ЭВМ не помеха, и потому на их действенность никто и не покушался. Теперь пришло время сосредоточиться на предотвращении той опасности, которая нам неизвестна, а не перестраховываться от известного риска!

— Однако вы нам до сих пор ни словом не обмолвились о том, чем в этом деле могли бы помочь нам именно вы, — прервал его Клемент. — Мне начинает казаться даже, что вы специально обходите этот вопрос.

— Я могу рассказать вам всё, что вы захотите узнать о воровских программах для ЭВМ, — самоуверенно ответил Вебб. — Я называю эти программы внутренней угрозой, и у меня значительно больше опыта в обнаружении таких программ, чем у любого другого эксперта в стране!

— Однако, — упорствовал Клемент, у нас уже есть собственные эксперты по программированию. Порою мне начинает казаться, что их даже слишком много...

Вебб холодно взглянул на него.

— Вот именно — «у вас», вы это точно отметили, господин Клемент. Все эти эксперты находятся как раз внутри банка. А я хотел бы обратить ваше внимание на то, что до сих пор я описывал подготовку ограбления извне.

Он отступил в сторону от экрана и снова нажал на клавишу на пульте управления проектором. Тотчас на полотне экрана появилась голова мужчины, но черт его лица было не разобрать — их скрывал большой вопросительный знак, стоящий как раз на месте носа.

— Господин Икс Игрек, — представил его Вебб. — В данный момент он находится в вашем лондонском вычислительном центре, манипулирует у вас под носом с программами вашего знаменитого «БАНКНЕТа» и готовится осуществить в ближайшем будущем крупную кражу.

Уотерман беспокойно завертелся в кресле.

— Это сплошной вымысел, — буркнул он.

Вебб отреагировал немедленно.

— Нет, он действительно там сидит. Я точно знаю, что он там сидит, — и он упрямо посмотрел им в глаза, всем своим видом давая понять, что он действительно знает.

Уотерман первый не сумел сдержать гнева.

— Это уже действительно переходит все границы, Алекс, — набросился он на Харрингтона. Аналогичный протест, похоже, готовился заявить и Клемент.

— Минуточку, минуточку... — подняв вверх обе руки, Вебб взывал к тишине, но добиться её удалось не сразу.

— Прошу прощения, господа, это был лишь эксперимент. Я хотел проверить, насколько вы сами убеждены в полной безопасности своей вычислительной системы. И результаты подтвердили то, что я лишь мог предполагать. Вы ведь могли мне спокойно сказать, что я не прав. Могли невозмутимо поинтересоваться, как, собственно, я пришёл к такому выводу. Но ничего подобного никто из вас не сделал! Вы просто все сейчас безумно испугались! Все вы сами прекрасно знаете, что на самом деле «БАНКНЕТ» легкораним. А потому для этой ревизии вы нуждаетесь именно во мне. Я ещё в самом начале сказал, что речь идёт о такой свадьбе, когда эти двое просто обязаны пожениться. А у вас и нет другой альтернативы!

Произнеся это, Вебб отошёл от экрана и совершенно неожиданно сел, давая понять, что он сказал всё.

Харрингтон задумчиво нажал кнопку на панели перед собой. Проектор стих, лампа бросила на экран последний янтарный лучик, и тут же начали раздвигаться шторы на окнах. Шалтон, сощурившись от дневного света, увидел, как руководители банка тесно сдвинулись и шёпотом начали совещаться.

— Это совещание или столкновение? — огорчённо прошептал он Веббу уголком рта.

— Точно рассчитанное хождение по канату, — прошептал ему на ухо Вебб. — От тебя теперь требуется пара строф в завершение первого акта, и я прошу тебя произнести их с подлинным чувством. Комедия только начинается.

Шалтон резко встал.

— Господа, «СисТех» исходит из убеждения, что Кристофер Вебб является лучшим консультантом, которого можно пожелать для решения вашей проблемы. В докладе, экземпляры которого лежат перед вами, описан его профессиональный путь до сегодняшнего дня. Я верю и надеюсь, что вы со мною согласитесь, этот путь оправдывает нашу веру в его силы. У вас есть ещё какие-нибудь вопросы?

— Благодарю вас, — ответил Харрингтон и откашлялся. — Это было крайне... оригинально.

Он замолк и переглянулся с остальными представителями банка.

— Насколько я вижу, у нас нет вопросов. Вообще никаких вопросов.

Шалтон услышал, как Вебб облегчённо вздохнул. Определённо, этот вздох был слышан и банкирам.

На маленьком столе у стены стояли дорогие часы, бесстыдно обнажившие свои внутренности, залитые в стекло в знак того, что их никто никогда не должен заводить. Они показывали без двадцати минут одиннадцать.

Неделя тянулась четырнадцать дней. Сьюзен было ясно, что для Вебба чем дальше, тем труднее сосредоточиться мыслью на чём-то, кроме «Уотермана».

— Почему же ты им не позвонишь? — спросила она однажды, не в силах больше переносить его потерянный вид.

Он задумчиво побарабанил пальцами по столу.

— Залог успеха в коммерции — терпение, Сью...

Его голос приобрёл монотонность, как будто он готовился прочесть лекцию.

— Здесь важнее — не предпринимать ничего, чем бросаться сломя голову неизвестно куда...

— И всё равно я думаю, что тебе надо им позвонить!

Вебб вышел из себя.

— Послушай, если я выиграл этот заказ, им придётся так или иначе дать мне об этом знать самим. А если я проиграл, то всё равно я не хочу облегчать этому кроту Харрингтону жизнь — пусть звонит мне сам!

— Шалтон каждый день спрашивает, не выяснил ли ты уже что-нибудь.

— Гиена этакая!

— По-моему, он убеждён, что ты не получишь этот заказ.

— Он в меньшинстве. Джек согласен со мной, что я выиграл.

Сьюзен заколебалась, но всё же сказала:

— А когда я с ним говорила, Крис, он был в этом совсем не так уверен...

— Перебежчик, — сказал Вебб с пренебрежением.

— Может быть, просто у него не хватает опыта, — попыталась Сьюзен быть снисходительной.

***

Звонок раздался только в начале третьей недели.

— Звонит господин Харрингтон из «Уотермана».

— Что ты говоришь! Сам господин Харрингтон? А я уж думал, что он давно на том свете! — в волнении юмор обычно не очень удавался Веббу.

— Давай, Крис, я уже начинаю тебя ругать изо всех сил, — прошептала Сьюзен и переключила телефон.

— Я прошу прощения, господин Вебб, что дело затянулось дольше, чем мы предполагали, — извинился Харрингтон. По телефону он говорил иначе, более глубоким голосом и как-то авторитетнее. — Но такие дела всегда решаются не быстро, не правда ли?

Вебб заявил, что это пустяки, совершеннейшие пустяки.

— Я был бы рад вас сразу проинформировать о том, что мы решили, но я знаю лучшую форму подачи информации. Кроме того, я вообще не считаю телефон достаточно безопасным средством связи. Вы нашли бы сегодня время пообедать со мной?

— Да, к счастью, у меня сегодня нет других встреч.

— Тогда в двенадцать тридцать, хорошо? Я пошлю за вами машину.

— Я буду ждать.

Разговор кончился быстрее, чем Вебб успел прийти в себя.

В кабинет сразу же вошла Сьюзен, которая явно слушала разговор со своего аппарата.

— Так что, Крис, это сулит «да» или «нет»?

— Честно говоря, не знаю. Но скорее «да». Столь занятые люди обычно зовут тебя

на обед не для того, чтобы сказать, что они в тебе не нуждаются.

— По телефону он говорил весьма приветливо...

— Чёрт бы его побрал с его приветливостью, — раздражённо сказал Вебб. — Он мог мне вполне сказать главное и по телефону!

***

Чёрный «Ровер» свернул на Оксфорд-стрит. Крупные дорожные знаки настойчиво напоминали, что въезд сюда разрешён только автобусам и такси. Но шофёр, вёзший Вебба, сделал вид, будто эти знаки не существуют. Впрочем, тут было немало и других машин, водители которых вели себя точно так же.

Машина свернула налево. Они въезжали в широкий тупик, который упирался в помпезное здание в стиле классицизма, облицованное светлым камнем и украшенное богатыми решётками на окнах первого этажа. С флагштока над крышей свисал какой-то флаг, но из-за полного безветрия невозможно было разобрать, что на нём изображено.

Вебб не раз проезжал мимо этого здания и часто пытался угадать, что там находится. Может быть, это чьё-то поместье прямо в центре Лондона? В конце он решил, что так оно когда-то и было, а теперь тут, наверное, какой-то музей. Этого мнения он придерживался и по сей день, поскольку времени на проверку своей гипотезы у него никогда не было.

Машина остановилась прямо напротив двери, и Вебб сразу же вылез, удивив шофёра, который уже приготовился к церемониалу открывания дверцы. Вебб ещё раз взглянул на флаг и теперь разобрал, что на нём изображён зелёный слон. Что этот слон может иметь общего с «Уотерманом»? При ближайшем рассмотрении наличие каких-либо связей между самим зданием и банком тоже казалось исключённым. Двустворчатые двери были украшены огромными дверными молотками в форме львиной морды. Под одной из них была прикреплена бронзовая табличка с надписью «Стучите!»

Вебб повернулся, чтобы спросить у шофёра, что это за здание, но машина уже выезжала с улицы, и в морозном воздухе осталось висеть лишь маленькое облачко от выхлопной трубы. Веббу пришлось послушаться надписи на двери, постучать и войти. Это был один из тех интерьеров, которые пахнут свежей краской, но при этом выглядят благородно старыми. За резным деревянным барьером сидел внушительный швейцар. Тёмные стены, облицованные деревом, украшали опять-таки слоны, но уже бронзовые. Вебб вошёл и как будто перенёсся на пятьдесят лет назад.

— Что у вас тут за заведение? — спросил он у швейцара.

Швейцар внушительно откашлялся.

— Что вы имеете в виду, сэр?

— У меня тут назначена встреча с господином Харрингтоном, — пояснил Вебб.

— А, — сказал швейцар и замолк. Больше он явно ничего не собирался сообщать.

Но в этот момент распахнулась дверь, за которой оказалось просторное фойе, и в холл вошёл Харрингтон.

— Быстро вы доехали, — сказал он вместо приветствия, не утруждая себя рукопожатием. — Думаю, что вы тут ещё не бывали?

— Никогда в жизни.

— Я тоже, вообще-то, не завсегдатай клубов. Но этот удобен своей близостью.

— А что это за клуб?

— «Восточный». Вы о нём когда-нибудь слышали?

Вебб отрицательно покачал головой.

— Я использую его исключительно в качестве ресторана, потому что в этом районе не найти ничего более пристойного. Либо это будут непомерно дорогие заведения, либо вам придётся удовлетворяться бутербродами с мясом и яйцами...

Они вошли в главный вестибюль. Прямо перед ними поднималась широкая лестница, покрытая ковровой дорожкой. Зеркала в резных рамах по обе стороны лестницы умножали их фигуры до бесконечности. Небольшой застеклённый купол впускал в вестибюль неяркий свет ноябрьского дня.

— Восточный? — повторил Вебб, оглядываясь по сторонам. — Мне тут всё кажется сугубо английским. Примерно восемнадцатый век, не так ли?

— Английским, или французским, или даже итальянским. — Харрингтон пренебрежительно махнул рукой. — Тут не разберёшь — сплошные колонны и мрамор. У них исключительно готовят карри, и это главное. Этого мне вполне хватает для ощущения восточной экзотики!

Вдалеке звякнула посуда. С доски объявлений свисали длинные спирали телетайпных лент ведущих информационных агентств, причём сообщения из-за рубежа были заботливо отчёркнуты красным карандашом.

— Для индийского ресторана здесь весьма роскошно, — отметил Вебб.

— Боже упаси, индийского! — театрально возмутился Харрингтон. — Я когда-то провёл пару лет в Гонконге, работал там для одного банка. Нас таких в Лондоне несколько человек, и мы используем этот клуб, чтобы как-то сохранить контакт, — что-то вроде ностальгии, понимаете?

Они вошли в обеденный зал, выдержанный в серо-зелёных пастельных тонах, с высоким сводчатым потолком, украшенным фресками. Здесь царил приглушённый специфический шум дорогого ресторана.

— В бар мы, пожалуй, не пойдём, господин Вебб, а? Думаю, что вам это не помешает, а сам я не пью.

Харрингтон явно был тут уважаемым клиентом. Их немедленно усадили за круглый стол, уже накрытый на два лица. Китайцы-официанты принесли им меню и карту вин. Вебб, оглядевшись по сторонам, отметил, что преобладали здесь твидовые костюмы, а не более парадные формы одежды и что количество лысин на один квадратный метр явно было выше средних показателей по Британским островам. Похоже, что он был здесь самым молодым посетителем.

— В соответствии с пунктом десятым правил распорядка для нашего вычислительного центра я, собственно, не имею права тут сидеть, — усмехнулся Харрингтон. — Это слишком близко от места его расположения. Но поскольку эти правила формулировал я сам...

Нетерпеливым жестом руки он отослал обоих официантов прочь вместе с меню.

— Обед я уже заказал, господин Вебб. На нас обоих. Чтобы не терять времени. Думаю, что вы на меня не рассердитесь? Я предположил, что мне удастся искусить вас этим карри. Они готовят его из бомбейской утки и со всеми приправами, которые положено добавлять в самой Индии. Я бы не сказал, конечно, что это настоящая индийская кухня, но это одно из немногих восточных блюд, которые обычно англичанам нравятся.

— Я голосую за карри, — согласился Вебб.

— Лучше всего самые простые блюда. Когда человек переваливает на пятый

десяток, французская кухня внезапно начинает казаться ему несколько вульгарной. Со временем вы это поймёте сами, — он кивком головы подозвал официанта, который разносил напитки. — Что это у вас — «Вода Перрье»? Дайте мне большую бутылку.

— Да, это будет неплохо, — подхватил Вебб. «Расходы здесь явно роли не играют», — подумал он про себя.

— Минеральная, хорошо охлаждённое молоко и кока-кола — для меня это три лучших напитка на свете. — Харрингтон засунул конец салфетки за ворот рубашки, а потом аккуратно расправил салфетку поверх пиджака. — К сожалению, кола хороша только в Америке. Это просто невероятно, насколько она там вкуснее.

— Да, я тоже это заметил...

Вебб поёрзал на стуле, уже не в силах сдерживаться. «Когда же наконец этот тип скажет, зачем он меня сюда зазвал?»

Официант принёс бутылку «Воды Перрье», и Харрингтон, налив себе стакан, начал её смаковать с видом знатока, способного по вкусу определить год укупорки. Через пронизанный пузырьками стакан он посмотрел на Вебба и наконец заметил у того явные признаки нетерпения.

— Скоро ваши мучения кончатся, не бойтесь. Но, как вы сами увидите, нам к этому надо подойти постепенно...

— Ваше выступление у нас, господин Вебб, весьма отличалось от всех остальных, и я убеждён, что вам это хорошо известно. Что вам, однако, неизвестно, это его воздействие — ошеломляющее воздействие на наше руководство. Вы нагнали на Уотермана и Сасскинда такой страх! Вы обнажили сомнения, которые засели в их подсознании, и помогли им... вырваться на поверхность. Этим вы, однако, и это я тоже считаю нужным вам сообщить, одновременно безмерно насолили Клементу. Вы испортили плод многолетней напряжённой работы, которую он провёл, чтобы воспитать всеобщее доверие к системе. Это был уникальный пример использования слова как грозного орудия разрушения. Я и сам пытался добиться того же на протяжении многих лет, но, увы, безуспешно.

Веббу принесли карри, а перед Харрингтоном официант поставил лишь слегка поджаренный бифштекс. Харрингтон ткнул в него ножом и с удовлетворением кивнул, когда из того брызнула кровь. Один официант предложил им на выбор несколько сортов горчицы, а другой принёс Веббу шесть баночек с индийской приправой «чатни», аккуратно уложенных в плетёную корзинку.

— Вам определённо понравится, — посулил Харрингтон и постучал ножом по тарелке Вебба. — Мой желудок отчётливо говорит «нет», когда речь заходит о карри. Впрочем, он говорит это и о горчице, но я делаю вид, что его издали не слышно. Правда, уже сегодня вечером я буду об этом сожалеть...

Вебб обнаружил в приправе гвоздику; гвоздику в карри он просто ненавидел.

— Мейера Уотермана вы перепугали до смерти, — продолжал Харрингтон. — Вы его убедили не только в возможности мошенничества, осуществляемого с помощью компьютера, не только в правдоподобности такого несчастья, но прямо-таки в том, что оно совершенно неизбежно... Не знаю, было ли это вашей целью, но такого результата вы достигли. Мне бы хотелось знать, сами-то вы в это верите? — Он испытующе глянул на Вебба и долил себе воды.

— Да, верю. Этот вывод относится не только к вашему банку, это просто следует из статистики. Всё очень просто. Такое мошенничество должно произойти и у вас.

— То есть это не связано с вашей прославленной способностью добывать

информацию изнутри?

Вебб не сдержал улыбки.

— Нет.

— Кстати, вы в конце концов взяли этого Эллиота или нет? — неожиданно спросил Харрингтон.

— Нет.

Вебб постарался ответить как можно безучастнее. Это было нелегко.

— Мудрое решение. Он далеко не так хорош, каким пытается себя представить.

— Уж очень надутый, — согласился Вебб.

— Чрезмерное самомнение!

Внезапно что-то показалось Веббу странным.

— Я не совсем хорошо понял. Вы спросили, приняли ли мы его...

— Он у нас уже не работает. Я думал, что вы и это знаете, — глаза Харрингтона встретились с глазами Вебба. — Правило безопасности номер один: «Предотвращайте и не допускайте утечку информации наружу». Правило безопасности номер два: «Если это уже произошло, несмотря на ваши усилия, выясните, куда и как, и постарайтесь немедленно избавиться от такого рода тараканов».

— Это мои собственные слова из нашего доклада, — удивился Вебб.

— Вот именно. — Харрингтон снова сосредоточился на еде. — Похоже, я отвлёкся. Если я не контролирую себя, со мной это случается...

Но Вебб ему не поверил.

— Ваше выступление убедило наше руководство ещё в одном. Вы провели чёткую границу между традиционно понимаемой безопасностью и проблемами, связанными с охраной наших программ. Я всё ещё не понимаю, как вам это удалось, господин Вебб. Это весьма спорная аргументация. Но предположим просто, что здесь сыграли роль ваши артистические способности, — Харрингтон склонил голову набок. — Я лично во время вашего представления от души развлекался... как только преодолел первоначальный шок.

— Во всяком случае, господин Вебб, вы достаточно чётко объяснили руководству банка один принципиально важный момент. А именно — что до сих пор мы сосредоточивали свои усилия главным образом на защите от внешних покушений, тогда как наша защита против определённого типа покушений изнутри банка весьма ограничена. Мы обо всём этом, конечно, знали и раньше. Но вы придали этой проблеме первостепенную важность в глазах правления банка. Мы ведь, если пользоваться вашей экспрессивной терминологией, в этом смысле совершенно обнажены. С этим сегодня — хочет он или нет — должен согласиться и Клемент. Следствием является существенное изменение нами первоначальной цели намечаемой ревизии. Это вы можете полностью отнести к своим заслугам.

Бифштекс сокращался с устрашающей скоростью. Харрингтон явно был одним из немногих людей, которые умеют отдаваться еде и беседе одновременно, как двум совершенно различным делам без ущерба для обоих.

— Ныне мы предпримем ревизию системы обеспечения безопасности в традиционном понимании. Тщательную проверку вычислительного центра и некоторых его филиалов. Эта ревизия сосредоточится на вопросах доступа к информационной базе и процедурах её использования — это, я думаю, вам и самому ясно. Но ревизия не коснётся программ. Она буквально будет их избегать.

Харрингтон посмотрел Веббу прямо в глаза.

— Эту работу мы поручим другой фирме. Вы были очень любезны, обратив наше внимание на то, что сейчас такого рода обеспечение безопасности налажено у нас не лучшим образом...

Вебб без всякого воодушевления кивнул.

— И, я смею спросить, какой фирме?

— Об этом даже не спрашивайте! Далее мы рассмотрели возможность организовать на основе отдельного договора исследование проблемы внутреннего риска, то есть непосредственно для наших программ. Честно говоря, раньше такой вариант нам вообще в голову не приходил, пока вы, что называется, не угостили нас своей горькой пилюлей...

Харрингтон возбуждённо засмеялся. Обычно его губы были крепко сжаты, и казалось удивительным, что у него такая широкая улыбка.

— Вы бы наверняка взяли за такую ревизию с жаром и усердием, я в это верю. Вас, возможно, обрадует, если я скажу, что все мы сошлись на убеждении, что для такой ревизии вы имели бы наилучшие предпосылки!

— Даже Клемент?

Харрингтон расплылся в ещё более широкой улыбке.

— И Клемент тоже.

Улыбка на его лице погасла, сменившись огорчённым взглядом. Вебб отложил вилку и ложку и нервно начал крутить в руке стакан.

— Мы решили заключить договор на проведение лишь одной ревизии. Той, о которой я вам уже сказал.

Вебб прилагал все силы, чтобы удержать свой голос в узде.

— И это, как вы говорите, результат именно моих усилий?

— Да.

Вебб проиграл неравный бой с собственными связками.

— И всё же вы использовали мой труд. Я надеюсь, вы отдаёте себе в этом отчёт?!

За соседним столиком повернулась сидящая голова — голос Вебба превысил лимиты, определённые привычками членов клуба.

— Да, я это допускаю. Это произошло ненамеренно, в этом я вас могу заверить.

— Спасибо за такие заверения.

— Именно поэтому я был бы чрезвычайно рад предложить вам кое-что иное. В настоящее время у нас возникли кое-какие узкие места в составлении некоторых наших программ. Нам пригодилась бы определённая помощь, и я был бы рад, если бы вы согласились на нас поработать некоторое время. Это не совсем то, за что вы поначалу боролись, но это всё же, скажем так, утешительный приз, не так ли?

— Не будете ли вы так любезны пояснить, господин Харрингтон, о какой, собственно, работе идёт речь?

— Совершенно точно я вам этого сказать не могу. Обычная программистская работа. В основном отладка некоторых элементов нашей системы с тем, чтобы они были полностью работоспособны.

— Для этого я слишком хорош!

— Господин Вебб, прошу вас... — Харрингтон успокаивающе положил на руку Вебба свою костлявую ладонь. — Поймите и вы те проблемы, с которыми я сталкиваюсь. Лично я был бы очень рад провести такую тщательную ревизию нашего программного обеспечения. И правление это приветствовало бы. Но подумайте — среди наших сотрудников такая акция вызвала бы беспокойство, они почувствовали

бы, что мы их подозреваем, хотя не имеем для этого пока никаких оснований. Это было бы им крайне неприятно!

Вебб с интересом посмотрел на своего собеседника.

— Таким образом, вас волнует прежде всего, чтобы ревизия никого не всполошила, так я вас понял?

— Это вызвало бы крайне неприятную ситуацию, которую я не хочу допустить.

Вебб заставил себя по-прежнему смотреть на Харрингтона прищурившись и не размахивая руками, хотя ему внезапно стало очень смешно.

— Могу ли я из этого сделать вывод, что частью моей задачи было бы докладывать о некоторых вопросах непосредственно вам?

— Думаю, что мы бы именно так это устроили.

— А я бы при этом работал внутри вашей программистской команды?

— Как один из них.

— С доступом в вычислительный центр?

— Почему бы и нет?

Теперь Вебб позволил себе широко улыбнуться.

— В таком случае я, пожалуй, возьмусь за эту работу для Золушки. Это может оказаться даже забавным! Вдруг да мне подвернется чужой хрустальный башмачок...

Харрингтон остался совершенно серьёзен.

— Я хочу, чтобы между нами была полная ясность. Я не желаю видеть в своём вычислительном центре, господин Вебб, никаких детективных погонь того типа, к которому вы привыкли в своих прежних делах. Если вам что-то покажется подозрительным и вы начнёте в этом разбираться, это ваше дело. Вы не смеее быть пойманы на этом.

— А если я натолкнусь на что-то, что трудно назвать порядком?

— Я бы посмотрел на это, скажем, как на счастливую случайность.

Харрингтон опрокинул в себя остаток минеральной воды жестом, которым бы другой опорожнил рюмку виски. Ложечкой для десерта он собрал с тарелки остатки соуса.

Вебб поднялся стакан и чокнулся со своим сотрапезником. Со своим клиентом.

— Отлично!

Харрингтон ответил ему усмешкой.

— Вы будете своего рода шпионом. Это роль, которая, по моему мнению, вам очень подходит. И мне кажется, вы сможете в неё глубоко вжиться...

Часть вторая. РЕВИЗИЯ

ДАННЫЕ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА. К ИНФОРМАЦИИ КАТЕГОРИИ «ОГРАНИЧЕННЫЙ ДОСТУП» МОГУТ ОБРАЩАТЬСЯ ТОЛЬКО ПРОГРАММЫ СООТВЕТСТВУЮЩЕЙ СТЕПЕНИ ЗАСЕКРЕЧЕННОСТИ. ЛЮБАЯ ПОПЫТКА НЕПРАВОМЕРНОГО ОБРАЩЕНИЯ К ЭТИМ ДАННЫМ — ДОПОЛНЕНИЯ, ИЗМЕНЕНИЯ ИЛИ СТИРАНИЯ — БЛОКИРУЕТСЯ НЕПОСРЕДСТВЕННО ОПЕРАЦИОННОЙ СИСТЕМОЙ. ПРИ ЭТОМ АКУСТИЧЕСКАЯ СИГНАЛИЗАЦИЯ НА ПАНЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ ПРИВОДИТСЯ В ДЕЙСТВИЕ АВТОМАТИЧЕСКИ. ЗАПИСЬ О ПОПЫТКЕ НЕПРАВОМЕРНОГО ОБРАЩЕНИЯ К ДАННЫМ ОГРАНИЧЕННОГО ДОСТУПА ПЕЧАТАЮЩЕЕ УСТРОЙСТВО ЗАНОСИТ В СИСТЕМНЫЙ РАБОЧИЙ ДНЕВНИК СООТВЕТСТВУЮЩЕГО ОПЕРАТОРА.

«БАНКНЕТ» — справочник оператора

Понедельник, третье января. Ровно в 10.00 на площади раздался автомобильный гудок. Веббу не надо было даже выглядывать в окно, чтобы понять — за ним приехал Харрингтон. Глядя вверх из окошка новенького «Ягуара», Харрингтон приветливо махнул ему рукой. Площадь была почти пуста и выглядела как нерезкая фотография, выдержанная в серых тонах. Косые струи холодного дождя смывали с деревьев последние листья.

Вебб накинул тёмный плащ и поспешил к дверям. На нём сегодня был тёмно-синий костюм и неброская голубая рубашка. И галстук у него тоже был тёмно-синий, в мелкую красную крапинку.

— Ты сегодня сама чопорность, — улыбнулась Сьюзен. — Желаю приятных похорон.

Мотор «Ягуара» тихо рокотал на холостом ходу, готовый бросить машину вперёд по первому желанию владельца. Вентилятор дохнул на Вебба тёплым воздухом, овеяв лицо и ноги. После той слякотной сырости, что царила на улице, это тёплое дуновение показалось Веббу даже ласковым.

— Это у вас двенадцатая модель, кажется? — спросил он у Харрингтона.

— Пять целых три десятых литра, — с явной гордостью подтвердил Харрингтон. — Чтобы сегодня ездить по городу, человеку нужно иметь под капотом порядочный резерв мощности...

Харрингтон включил блок автоматики и рванул машину вперёд. Бросив взгляд на часы, он покачал головой.

— Начало одиннадцатого! Вы стоите нам сто пятьдесят фунтов в день, а мы уже потеряли целый час. Ничего, вам всё это придётся отработать...

Когда они рискованно ворвались в поток автомобилей, едущих от тоннеля под Эстон Роад, Вебб инстинктивно надавил правой ногой на пол. Но его рефлекторное движение не дало никакого результата, напротив, машина помчалась ещё быстрее, послушная воле Харрингтона.

— Я выделил на всю операцию восемь тысяч, — сказал Харрингтон. — Это значит, что у вас есть в распоряжении примерно три месяца. Вам этого хватит, не так ли?

— Должно хватить.

— Сейчас мы едем в «Вычислительный центр-Лондон» или кратко — ВЦЛ. Вам что-нибудь говорит термин «неидентифицированный объект»?

— Думаю, что да.

— И что же это такое?

— Здание, на котором отсутствует фирменное обозначение.

— А причина?

— Безопасность, естественно. Стремление к анонимности.

— Я это называю первой линией обороны, господин Вебб. Защитная стена против случайного вторжения. Тот, кому действительно необходимо обнаружить наш вычислительный центр, естественно, его найдёт всё равно. Но анонимность здания защищает нас от визитов всяких там психопатов, шуточек с бомбами и так далее.

Харрингтон попытался проскочить на красный свет, но в последний момент раздумал и нажал на тормоз. Торможение было таким резким, что ремень безопасности впился Веббу в грудь.

— Вычислительный центр совсем рядом за Вигмор-стрит, — сказал Харрингтон. — Но на такси вам дальше ехать нельзя. Я бы также просил вас ни словом не упоминать при таксисте об «Уотермане». Сейчас я вам покажу гараж для дневной стоянки машин.

Ближе оставлять машину запрещается. Кроме того, также как и все мои работники, вы должны воздержаться от посещения любых ресторанов и кафе в радиусе четверти мили от вычислительного центра. В холле ВЦЛ у нас висит карта Лондона с обозначением района, который считается запретной зоной.

— Включая клуб «Восточный»?

Харрингтон сегодня не был настроен шутить.

— Если помните, господин Вебб, я сказал вам тогда, что эти правила я формулировал лично. И кроме того, я там держу язык за зубами. Насчёт остальных у меня уверенности куда меньше.

Вебб прекрасно помнил их совместный обед, но предпочёл воздержаться от комментариев.

— Телефон комнаты, в которой вы будете работать, вы можете сообщить своей секретарше, но при этом напомните ей о необходимости соблюдать правила безопасности. Наши телефонистки никогда не отзываются на слова: «Вычислительный центр?» — и соединяют звонящих только с теми лицами, которые указаны в утверждённом мною списке сотрудников, работающих в данном здании. С сегодняшнего дня там стоит и ваше имя.

Теперь они ехали по Бейкер-стрит на юг. Харрингтон двигался зигзагами, непрерывно переходя с одной полосы движения на другую. Благодаря этому он ехал значительно быстрее, чем можно было ожидать при такой плотности потока машин, но назвать такую езду приятной нельзя было даже с большой натяжкой.

— Вам, естественно, придётся подписать стандартный договор о неразглашении служебной информации. Мне хотелось бы верить, что вы будете воспринимать все ограничения, указанные в этом договоре, с максимальной серьёзностью.

Скрипнув тормозами, машина остановилась перед очередным перекрёстком, и Харрингтон меланхолично взглянул на влажную улицу и серые облака, плывущие по небу.

Он свернул на Вигмор-стрит, потом ещё раз направо и въехал в ворота многоэтажного гаража. Когда Вебб вылез из машины, он заметил на стене выцветшую жёлтую надпись «зарезервировано», но нигде и упоминания об «Уотермане».

— Вы будете приезжать на машине? — поинтересовался Харрингтон, быстро шагая к лестнице.

— А это не возбраняется?

— Вам придётся ездить издалека?

— Из Челси. Почти край света.

— Да, это далековато. Я вам тоже зарезервирую место в этом гараже. А на чём вы катаетесь?

— Моя тачка куда меньше вашего «Ягуара», — дипломатически увильнул от ответа Вебб.

Слегка разочарованный Харрингтон перестал задавать вопросы. Они шли молча, пробираясь между машинами на Вигмор-стрит, пока Харрингтон внезапно не остановился прямо перед стилизованным под старину баром «У петуха и льва».

— Бывали здесь? — осведомился Харрингтон у Вебба, указывая на вывеску.

— И не раз.

— Пока работаете у нас и думать об этом забудьте. Запретная зона.

Миновав арку, они оказались в маленьком тупичке, застроенном по обе стороны высокими замшелыми складами, которые почти закрывали небо, отчего здесь было

ещё темнее, чем на Вигмор-стрит. Вряд ли кому-нибудь без особой надобности пришло бы в голову заглянуть сюда.

— ВЦЛ, — сообщил Харрингтон тоном иллюзиониста, который только что достал из пустого цилиндра полностью оснащённый вычислительный центр. Они вошли в какое-то помещение, запущенный гараж, заваленный пустыми канистрами и ржавым железом, открыли массивные двери, распахнувшиеся против ожидания без малейшего скрипа, и оказались внутри — в светлом и кондиционированном помещении «Замка „БАНКНЕТ“».

Всего лишь полчаса назад Вебб самоуверенно заявил, что понимает содержание термина «неидентифицированный объект». Но для ВЦЛ его понимание было предельно далёким от истины. Буквально всё внутри толстых стен бывшего складского помещения было разрушено до основания, и вместо этого в здание был встроено совершенно новый дорогой интерьер вычислительного центра, отделанный по последнему слову техники и дизайна. Внешняя скорлупа, призванная создать эффект мимикрии, была тщательно сохранена, а дополнительная площадь добыта за счёт обширных подземных помещений. Было просто невозможно представить себе, что где-то здесь мог находиться вычислительный центр одного из крупнейших английских банков.

Войдя в вестибюль, Харрингтон и Вебб оказались перед лицом трёх вооружённых охранников, сидевших в большой стеклянной кабине. Перед одним из них был пульт управления, а слева — косо выставленные экраны телевизионных мониторов. Взглянув на экраны мониторов, Вебб понял, что едва свернув с Вигмор-стрит, они оказались под наблюдением охраны ВЦЛ. Один экран показывал ту арку, через которую они свернули в тупик, а на втором было видно помещение псевдогаража, на самом деле служившего ВЦЛ нейтральной полосой. Стекло, за которым сидели три охранника, выглядело довольно необычно: оно было очень толстым, как-то странно преломляло свет и сразу становилось ясно, что далеко не каждая пуля сможет его пробить.

Огороженный таким же стеклом коридорчик примыкал к кабине охранников. Едва они вошли, дверь позади тихо щёлкнула и Вебб понял, что в нём был дистанционно управляемый замок. Харрингтон что-то произнёс в микрофон, прикрытый стальными жалюзи, которые пропускали к охранникам только голос, но ничего более. Один из охранников нажал на кнопку, и в стене перед Веббом открылась стальная дверка, за которой на полке лежали две нагрудные опознавательные карточки, по размеру немного больше кредитной. Одну карточку Харрингтон прикрепил Веббу на лацкан пиджака, вторую оставил у себя.

— Позвольте вашу папку, господин Вебб?

Харрингтон забрал у Вебба папку и через специальный шлюз переправил охранникам, которые тщательно, предмет за предметом обследовали её.

— Не вздумайте проносить внутрь что-нибудь неподходящее, — начальственным голосом распорядился Харрингтон. — И тем более вынести наружу! Ни карандаша! Контроль проводится при входе и выходе каждый раз, без исключений!

— А если я захочу взять работу домой?

Харрингтон категорически помотал головой.

— Всё, что вам надо доделать, доделывайте здесь. Как пишут в рекламе — наше заведение открыто круглые сутки!

Тем временем Веббу возвратили папку, и дверь перед ними открылась. Они

оказались во внутренней части холла, нарядный вид которому придавали яркие лакированные двери. Часть дверей принадлежала лифтам, а другие, видимо, скрывали за собой коридоры. В эти двери были встроены специальные замки, ключом к которым служили опознавательные карточки. Половина дверей было алого цвета, половина — голубого.

— У вас тут прямо как у Алисы в Зазеркалье, — хмыкнул Вебб.

Харрингтон никак не прокомментировал его реплику, только улыбнулся и нажал на кнопку вызова голубого лифта. Он прямо таял от гордости, давая своим поведением понять, что это *его* вычислительный центр.

Вебб успел заметить, что опознавательная карточка Харрингтона снабжена маленькой фотографией и чьей-то размашистой подписью. Поверху её был отпечатан широкий красный круг. Взглянув на свою карточку, он увидел, что на ней изображён голубой круг, а под ним слово «ГОСТЬ».

Харрингтон заметил, куда смотрит Вебб.

— Не вздумайте потерять этот пропуск, иначе у вас будет масса проблем. Если это случится с вами после шести вечера, вам придётся остаться здесь до утра, — без карточки замок не откроется и вы просто не сможете выйти из ВЦЛ.

Когда кабина остановилась на уровне вестибюля, Харрингтон вставил карточку красным кружком вперёд в прорезь на панели управления. Сразу зажглась красная лампочка, подтверждая, что всё в порядке и лифт готов выполнять приказы.

— Мы обозначаем этажи на американский манер, господин Вебб. Цокольный этаж у нас считается первым. Это логичнее, не так ли? — и Харрингтон надавил на кнопку самого верхнего этажа, которым здесь был четвёртый. Вебб заметил, что для второго и третьего этажа кнопок на панели не было.

— Когда будете ездить сами, — пояснил Харрингтон, — для управления лифтом пользуйтесь концом карточки с голубым кругом. И не пытайтесь влезть в красный лифт! Поднимется страшный переполох! Звонки и так далее...

Дверь лифта открылась, и они очутились в широком коридоре с ярко белыми стенами и потолком. Стены коридора, видимо, были слегка обрызганы блестящим лаком, потому что при взгляде на них возникало ощущение, что в этом бесцветном освещении они как будто мерцают и движутся. Только синтетический ковёр с длинным ворсом напоминал, что коридор имеет какую-то материальную структуру. Веббу не понравился коричневато-рыжий цвет ковра, да и идти по нему было неприятно. Казалось, что ступаешь по шкуре какого-то мёртвого лохматого зверя.

В конце коридора оказался конференц-зал с несколькими стульями и столом заседаний. Стены его были голыми, а единственным украшением служила класная доска, которая тоже была белого цвета и потому почти не отличалась от стены. Зал был довольно большим, но из-за того, что стены не прорезало ни одно окно, казался белой коробкой и вызывал что-то вроде клаустрофобии. Во всяком случае, у Вебба возникло ощущение, что сейчас кто-то откроет эту коробку и начнёт разглядывать их с Харрингтоном, как диковинные игрушки.

— Ну, как вам нравится моя крепость, господин Вебб?

— Поработали вы на славу, что и говорить. Вы тут стережёте свои секреты, по-моему, лучше, чем правительство некоторые свои военные базы!

— Армия охраняет только наше национальное самосознание, — парировал банкир с усмешкой. — Если оно у нас ещё осталось. А мы тут охраняем деньги.

Он развалился в кресле, давая понять, что тут он у себя дома.

— Это ведь не просто вычислительный центр, предназначенный для эксплуатации ЭВМ. Здесь, прежде всего, штабная квартира «БАНКНЕТа». И отсюда ведётся вся работа по формированию нашей системы программ, управлению и развитию «БАНКНЕТа». Собрать всё это под одну крышу в самом центре Лондона было довольно сложно. Лично я рекомендовал разместить ВЦЛ где-нибудь в предместьях, но, по мнению Клемента, там мы были бы слишком заметны.

— Классификация вашей системы засекречивания мне ещё ясна не полностью, — сказал Вебб. — Что является более высокой степенью — красный или голубой круг?

— Красный, естественно.

— А у меня же только голубой круг? — постучал себя Вебб по опознавательной карточке.

— Такой же, как у всех моих программистов, — пожал плечами Харрингтон. — Они все работают на этом этаже. Здесь будете сидеть и вы.

— А компьютер?..

— Тоже голубой круг. В машинный зал вы, естественно, будете иметь свободный доступ и являться туда, когда вам только захочется, — произнеся это, Харрингтон вдруг ухмыльнулся. Его явно что-то развеселило. — Если, конечно, тамошние обитатели будут настроены дружелюбно.

— А именно?

— Операторы, в том числе и у нас, народ особый, я бы сказал, слегка ревнивый. Но вы, конечно, настаивайте на своих правах, господин Вебб.

— Могу ли я узнать, что собственно находится в этих красных помещениях вашего центра?

— Зонах, господин Вебб. Мы называем их красная и голубая зона.

— Хорошо, так что же находится в красной зоне?

— Прежде всего, информация, — ответил Харрингтон, явно смакуя свой ответ.

— Информация?

— Вы же сами нам недавно доказывали, что информация в наше время что-то вроде суперденег. Как видите, я тут немало потрудился, чтобы обеспечить этим суперденьгам особую охрану, — всё его существо явно выражало злорадство от того удара, который он нанёс собеседнику. — Попробую объяснить это вам конкретнее.

Он подошёл к доске, и, взяв с полочки специальный фломастер, начал что-то рисовать. Вскоре Вебб понял, что это схема здания, ВЦЛ, в котором было, оказывается, шесть этажей, в том числе два подземных.

— Сейчас мы с вами сидим на четвёртом наземном этаже. На третьем, под нами, стоят два наших компьютера, две большие трёхсотсемидесятки, «ИБМ 370/165с», — фломастер нарисовал крестик. — Внизу, на первом этаже, вход в ВЦЛ, куда, сами понимаете, должны иметь доступ все! Этим и ограничивается голубая зона. Теперь, что касается вас: в остальную часть здания вам доступ не разрешён.

— Но мне бы хотелось посмотреть и красную зону!

Харрингтон категорически помотал головой.

— Мы с вами сейчас действуем в строгом соответствии с общими правилами, господин Вебб. Если только кто-нибудь из наших людей прознает, что вас водили и туда, все сразу поймут, что вы не простая птичка, что здесь дело нечисто. А ведь этого мы с вами не собираемся допустить, не так ли?

— Но хотя бы общее представление я могу получить?

Стремление похвастаться явно было не чуждо натуре Харрингтона. Долго

уговаривать его не пришлось.

— Вы, конечно, привыкли к тому, что вся выходная информация печатается прямо в машинном зале. Однако моё понимание безопасности и засекречивания, моё, если хотите, недоверие к людям продиктовало мне совершенно иной принцип размещения оборудования. Печатающие устройства размещены внизу на первом этаже, за одной из тех красных дверей, которые вы уже имели удовольствие видеть, когда мы сюда входили.

— Но это значит... — начал Вебб.

— ...что программисты никогда не видят информации, входящей в банк данных «БАНКНЕТа», — закончил за него Харрингтон. — И это «никогда» мы понимаем в буквальном смысле слова. В машинном зале у нас установлено только одно печатающее устройство, зарезервированное для отладки и проверки программ. Туда предоставляются только условные данные, но никогда реальная информация. Даже мои лучшие программисты не имеют права доступа к реальным счетам клиентов банка и не видят ни одной цифры, характеризующей живые деньги. Тот же порядок будет обязателен и для вас.

— Ловко, — признал Вебб, изо всех сил стараясь скрыть разочарование.

— Ведь когда человек не видит того, что он мог бы украсть, украсть сложнее, не так ли, господин Вебб?

— Сложнее, вы правы, но не невозможно.

— Может быть...

— А что находится в том подвале?

— В основном, склады. Там у нас хранятся магнитные ленты и диски, бумага и тому подобное. Внизу у нас целая библиотека данных, настоящий архив. Он защищён от огня, воды, бомб... от всего, что может прийти в голову. Там же находится и зал отдыха с бильярдом. До меня доходили, правда, слухи, что бильярдный стол используется и не по назначению, когда в ночной смене работают девушки.

Вебб усмехнулся.

— Похоже, что внизу у вас тут бывает весело, а?

— Сплошные развлечения, господин Вебб. Впрочем, всё это вам, наверное, известно и по другим вычислительным центрам.

— Смею предположить, что ваш собственный кабинет тоже находится в красной зоне, не так ли?

— Вы правы. Там очень уютно. Никто до меня не может добраться.

— А у нас не будет трудностей для взаимного общения?

— Честно говоря, господин Вебб, я предпочёл бы, чтобы мы с вами встречались не слишком часто. Беседовать мы можем по телефону или, на худой конец, встречаться в этом зале. В самом крайнем случае мы можем назначить свидание где-нибудь в городе. Но я надеюсь, что такой потребности у нас с вами не возникнет. И вообще, это всё пахнет какой-то мелодрамой... Ещё вопросы есть?

— Нет, пока нет, — Веббу нужно было время, чтобы всё это переварить. Ничто из того, о чём ему рассказывал Эллиот, не предвещало столь тщательной организации системы безопасности, с которой он столкнулся здесь. Может быть, там, в Манчестере, это выглядело немножко по-другому?

— Отлично. Резюме вы, надеюсь, не забыли?

— Конечно нет.

— И переделали его так, как я вас просил?

Вместо ответа Вебб протянул ему своё резюме, в котором некоторые детали его служебной карьеры были тщательно отредактированы. Исчезли любые упоминания о работе в области безопасности вычислительной техники, а несколько вмонтированных в резюме фиктивных контрактов делали из Вебба специалиста по вопросам эффективности вычислительных систем.

Харрингтон проглядел резюме и кивнул в знак удовлетворения.

— Теперь наступает самое трудное. Я не выношу любую ложь, да и вам, думаю, это не слишком приятно, не так ли? У нас, правда, есть ваша «легенда» — так это, кажется, называют разведчики? — он постучал по папке. — Это действительно вы, только слегка улучшенный пластической операцией — что-то исчезло, кое-что о вашей работе добавилось. Человек, вроде, тот же, а профиль иной. Помните, вы здесь главным образом потому, что лично я слегка обеспокоен некоторой вялостью «БАНКНЕТа», тем, что он стал как бы более замедленным и угловатым после всех этих дополнений и изменений, которые мы в нём произвели после ввода в эксплуатацию.

Вебб усмехнулся.

— И от меня теперь требуется, чтобы я его трудолюбиво пригладил, сунул нос во все тёмные уголки. А в итоге положил вам на стол идеально отшлифованную систему, не так ли? Как видите, «легенду» я ещё не забыл.

— Не расслабляйтесь, иначе вам будет трудно справиться с ведущим системным инженером Мартином Алловеем, — предостерегающе поднял палец Харрингтон. — Ему вся эта затея не слишком нравится. Думаю, что он в ней видит скрытую критику своей работы.

— В конце концов, если влезть в его шкуру... — начал Вебб.

— Налаживание отношений с ним это ваше личное дело, — прервал его Харрингтон. — А сегодня вами займётся руководитель группы программистов.

— А имя его?

— Оуэн, — Харрингтон нетерпеливо сплёл-расплёл пальцы. — Вы готовы?

Вебб глубоко вздохнул и кивнул в знак согласия.

Харрингтон направился к дверям, но на полпути повернулся к Веббу и внезапно усмехнулся.

— Мне будет весьма любопытно наблюдать ваш первый шаг в личине тайного агента... — он вышел.

Вебб остался в одиночестве. Он огляделся, рассеянно прислушиваясь к мерному шуму кондиционеров, подойдя к неуклюжему чертежу Харрингтона, медленно обвёл пальцами его контур и усмехнулся стенам без окон.

Наконец-то он проник через эти стены. Проник внутрь машинки, которая делает деньги.

10

— Дженнифер Оуэн, — торжественно провозгласил Харрингтон и церемонным жестом пригласил руководительницу группы программистов войти. Гостья на секунду задержалась в дверном проёме и оценивающе оглядела Вебба тёмно-кариими глазами, глубоко посаженными на миниатюрном, серьёзном личике.

Женщина! Явно Харрингтон решил сегодня поразить его всевозможными сюрпризами. Сперва вычислительный центр, спрятанный в псевдогараже, теперь — женщина, шеф-программист. Что ещё его здесь ждёт? Правда, последний сюрприз

трудно было назвать неприятным. Дженнифер Оуэн была довольно привлекательна и притом весьма продуманно одета. Это был явно деловой наряд, но такой, чтобы ни один мужчина не смог рассеянно взглянуть сквозь его обладательницу. В конференц-зал она вошла лёгким, плавным шагом.

— А это господин Вебб, Дженнифер, — сказал ей Харрингтон, показывая при этом не на консультанта, а на тоненькое резюме, лежащее на столе заседаний.

Девушка уселась в кресло, со старомодной церемонностью предложенное Харрингтоном, и, отложив итальянскую сумочку, взяла в руки резюме Вебба. У основания ручки сумочки был завязан шёлковый платочек — своего рода икебана на английский манер. Читала она не торопясь и тщательно.

— Фирма «СисТех» мне неизвестна, — сказала она, повернувшись наконец к самому Веббу. — Что вы собой представляете?

В её глазах было что-то особенное. Вебб внезапно понял, что ему никак не удаётся заглянуть в них поглубже — взгляд соскальзывал с их тёмной поверхности.

— Не самая большая фирма в нашей области, но растущая.

— Сколько у вас человек?

— Когда я проводил последнюю перепись, их было чуть больше сорока.

— А когда вы дорастёте до двух сотен, то фирму продадите, так? И купите себе большой дом где-нибудь в деревне, угадала? Так ведь делают шефы всех процветающих программистских фирм, знаете?

— До этого логического финала ещё далеко, — ответил Вебб.

«Почти угадала», — подумал он. — «Этот гадина Шалтон в один прекрасный день так и сделает. А вот я вряд ли, с моей-то мизерной долей...»

Он заметил, что Харрингтон кивком головы как бы подталкивает его продолжать ответ.

— Да и вообще, — махнул рукой Вебб, — я уже слишком сросся с этой работой. От сладкого безделья я засохну!

Теперь Харрингтон, кажется, успокоился.

— Хорошо, — сказала Дженнифер, возвращая Харрингтону резюме и явно не собираясь расшифровывать, что собственно означает это «хорошо».

— Я думаю, что предшествующий профессиональный путь господина Вебба вызывает уважение, — отметил Харрингтон, не оставляя надежды добиться от Дженнифер каких-то комментариев. — Во всяком случае, он нам подходит.

— Похоже, что так, — согласилась она. — Окончательно это покажет время...

Свои слова она подчеркнула равнодушным взмахом руки, от которого рукав её платья чуть соскользнул к локтю, обнаружив тёмный, специфически горный загар — воспоминание о недавнем визите на курорт. Кольца у неё не было. Этой детали Вебб всегда уделял особое внимание.

— Собственно говоря, Алекс, вы нам до сих пор так ясно и не сказали, зачем собственно вы хотите пригласить специалиста со стороны, — сказала она, продолжая разговор с Харрингтоном.

— Этого хочу не только я, Дженнифер. Этого желает весь совет директоров. Вы же знаете, как рождаются такие решения...

— Всё это вполне могла сделать и я сама или кто-нибудь из моих аналитиков, — в её голосе Вебб уловил тень тщательно скрываемого раздражения.

— Вам это всё уже просто примелькалось, Дженнифер, — попытался её успокоить Харрингтон. — Нужен свежий взгляд. Поверьте моему опыту — так будет лучше.

— Для того, кто совсем не знаком с «БАНКНЕТОМ», такая работа будет истинной каторгой, — она перехватила взгляд Вебба. — Это чрезвычайно обширная система. Куда больше, чем любая система, с которой вы могли сталкиваться, — тонкий палец с тщательным маникюром указал на резюме Вебба.

— Ну что ж, как ты сама сказала, время покажет, — подхватил Харрингтон.

— Я, естественно, помогу вам во всём, что будет в моих силах.

— Вот и чудесно, вот и отлично, — Харрингтон вскочил с кресла. Когда он оказался за спиной Дженнифер, он неожиданно подмигнул Веббу. Это было настолько непохоже на Харрингтона, что Вебб даже решил, что ему это показалось.

— Потом вы мне всё доложите, господин Вебб, ладно? Расскажите мне, где мы слентяйничали или схалтурили, так?

И Харрингтон удалился восвояси, очень довольный собой.

Когда они остались вдвоём, Вебб отважился рассмотреть поближе свою временную сотрудницу. Первое, что он понял — она старше, чем ему показалось в первый миг — года тридцать два, тридцать три, прикинул он. И если всмотреться в неё повнимательнее, анализируя черты её лица по отдельности, то можно было вскоре прийти к выводу, что это довольно заурядное лицо. Более того, сумма деталей должна была бы давать довольно некрасивое лицо. Но почему-то это было не так и разгадать эту загадку с первого взгляда было нелегко. Когда она двигалась, создавалось волнующее впечатление юношеской гибкости. И сидела она красиво — вся подобрившись, с идеально прямой спиной. И всё же она красива, констатировал Вебб наконец. По-своему красива.

— Как мне к вам обращаться? — спросила она у Вебба, как будто не замечая, как он её осматривает. — Наверное, всё-таки не господин Вебб?

— Меня зовут Кристофер. Для друзей — Крис.

— Я думаю, мы остановимся пока на Кристофере.

Она снова взялась за его резюме, поднимая время от времени взгляд, как будто сверяя то, что читала, с оригиналом. Это было не слишком приятно.

— Если бы я прочла этот материал до нашего знакомства, я бы представила вас по-другому...

— Почему?

— Для своего личного дела вы слишком молоды, — сказала она открыто. — Сооснователь и содиректор фирмы! А этот внушительный список проведённых анализов и реализованных проектов!

— Пусть даже они и не столь обширны, как «БАНКНЕТ»?

В её глазах на секунду появился весёлый блеск, но тут же жалюзи опустились, и она снова стала непроницаемой.

— Ну, а вы? — сказал Вебб. — Вы ещё моложе, а достигли тоже немало.

— Можно и так сказать.

— Я бы мог даже предположить, что вы — первый кандидат на роль преемника Харрингтона.

Такое предположение её явно развеселило.

— Что вы, ведь Алекс — это чиновник. Мне бы это не подошло.

— Почему это?

— Возможно, что я бы и справилась с такой работой. Но мне такой жизни никогда не захочется. Эти вечные войны и внутренние перемирия... Впрочем, вы и сами отлично знаете, что такое жизнь банка...

— И потому вы отдаёте предпочтение обществу порядочных и вежливых компьютеров, не так ли?

Он сказал это полушутя, но Дженнифер восприняла его слова вполне серьёзно.

— Конечно. А разве у вас это не так?

— Тогда вам скорее подходит должность Алловея, я прав?

Такой болтовнёй Вебб обычно начинал каждое расследование, пытаясь сразу же нащупать слабинку у собеседника, угадать его скрытые источники неудовлетворённости. Как показывал его опыт, деньги были не единственным мотивом для компьютерных махинаций. Очень часто не меньшее значение играло неудовлетворение своим служебным положением, а то и желание отомстить начальству.

— У нас с Мартином совершенно разные служебные задачи. И я отдаю предпочтение своим, — ответила она быстро, даже не взглянув на Вебба.

— И насколько же они различны?

— Он определяет, что надо сделать. А я отвечаю за то, как это сделать. Когда вы посидите тут с недельку, сами поймёте, что труднее...

Кажется, Веббу удалось наконец нащупать болевую точку.

— И сколько у вас на всё про всё людей, Дженнифер?

— Непосредственно подчинённых лично мне? Четырнадцать. Кроме того, ко мне ходит советоваться большинство сотрудников отдела Мартина.

— А сколько их у него?

— Тридцать, включая меня.

Итого в сумме тридцать два человека, если добавить ещё самого Алловея и Харрингтона. Не так уж здесь, оказывается, мало людей, которые в принципе имеют возможность на шпиговать «БАНКНЕТ» воровскими программами.

Оуэн встала и тщательно оправила юбку.

— Не возражаете, если я устрою вам небольшую экскурсию?

— Буду весьма признателен.

Уже в коридоре он спросил у неё:

— А Харрингтон-то сам профессионал, я имею в виду, профессионал в вопросах компьютеров?

— Иными словами, умеет ли он обращаться с техникой и так далее?

— Да.

Она усмехнулась и отрицательно покачала головой.

— Алекс профессиональный банкир и только. Просто в его трудовом договоре оговорено, что он отвечает за контроль над работой вычислительного центра. Иногда мне кажется, что это вовсе не то, чем ему хотелось бы заниматься на самом деле. Вообще-то, он уже во многом неплохо разбирается, хотя есть ещё масса вопросов, о которых он просто и понятия не имеет.

— Ну, а программировать он умеет, если потребуется?

— Да что вы, боже упаси!

Остался тридцать один подозреваемый, усмехнулся про себя Вебб. Всё легче. Впрочем, этого можно было ожидать. Вряд ли Харрингтон пустил бы кого-нибудь в свой заповедник, если бы он там сам охотился. Из этих тридцати одного на роль браконьера больше всех подходит, конечно, руководитель группы программистов. Почему-то эта мысль была неприятна Веббу, хотя их знакомство с Дженнифер не продолжалось ещё и получаса.

Голубым лифтом они съехали на третий этаж. Коридор здесь выглядел так же неуютно, как и этажом выше, только палас на полу был другого цвета — тёмно-синий.

Они свернули в длинный коридор и вскоре миновали небольшой отсек, где какая-то девушка аккуратно складывала перфокарты в специальные жестяные коробочки. Всю стену за ней занимал стеллаж, уставленный такими же коробочками, картотеками и прочим подобным реквизитом.

— Контроль эксплуатации, — пояснила Дженнифер Оуэн. — Сразу же, как только вы кончите работать на машине, сюда сдаётся всё, что вы гоняли. Вы ведь будете гонять собственные программы, да?

— Думаю, их будет немного, парочка-другая. Только, чтобы проверить, как «БАНКНЕТ» реагирует на определённые типы задач...

Коридор кончился, Дженнифер замедлила шаг. Это было чуть заметное изменение темпа — сигнал Веббу, что от него ожидают проявления галантности, — впереди была дверь.

Они оказались в галерее, одна стена которой от пола до потолка была стеклянной.

— Что вы на это скажете? — поинтересовалась Дженнифер.

Пол за стеклянной перегородкой был того же синего цвета, только покрыт специальным антистатическим линолеумом. В тон полу была и вычислительная техника, рядами расставленная там, за стеной. Сердце всего вычислительного центра — машинный зал. По залу между устройствами медленно прохаживались два оператора, а третий сидел у пульта управления и что-то рассматривал на экране дисплея. Через стеклянную стену не проникал ни единый звук. Тонкое кружево стальной проволоки, служившей арматурой стеклянных панелей, делало компьютеры как будто более хрупкими, нуждающимися в защите.

Дженнифер ожидала ответа.

Вебб только пожал плечами и, усмехнувшись, сказал:

— Где-то я это уже видел...

— О'кей, действительно, всё это вам знакомо, — она шла, не отрывая глаз от стеклянной стены и следя опытным глазом за тем, что сейчас делали дорогие её сердцу компьютеры. — Хотя, согласитесь, дуэт триста семидесятых «ИБМ» встречается не так уж часто. А уж в такой конфигурации!

В её голосе звучала гордость, как будто компьютеры стали частью её самой.

— А два-то зачем? — пожал плечами Вебб.

— У нашего начальства прямо какая-то фобия аварий. Впрочем, их можно понять. Вы же не можете вдруг среди бела дня прекратить все банковские операции только потому, что у вас сломался компьютер. Поэтому у нас всё продублировано. Более того, в Манчестере обитает такая же парочка. Так что, если даже один из вычислительных центров полностью выйдет из строя, мощности оставшегося хватит, чтобы выполнять весь объём операций внутри страны.

О том, что вычислительный центр работал на полную мощность, можно было догадаться только по внезапному вращению бобин с магнитной лентой да по мельканию строк на экранах дисплеев. Их указания определяли перемещения операторов. Один из них прошёл совсем рядом со стеклянной перегородкой, держа в руках пакет дисков в ярко-красной коробке.

— Этот цвет, вероятно, имеет у вас какую-то символику, — изобразил догадливость Вебб.

— Конечно. Красный цвет — сигнал секретных данных. Личные счета клиентов.

— Да-а, — протянул Вебб, — вот это искушение. На каждом таком диске наверняка чёртова уйма денег!

Дженнифер даже не обернулась.

— Об этом лучше не думать. Я об этих деньгах просто забываю.

— Короче, ЭВМ как ЭВМ — копилка для цифр и только?

— Можно и так сказать.

Оглядывая стройные ряды вычислительного оборудования, Вебб заметил в самом углу зала большое печатающее устройство, непрерывно выплёвывающее большие листы распечаток. Он вспомнил слова Харрингтона о том, что это печатающее устройство используется только для отладки программ, и задумался, можно ли заставить эту машинку отпечатать и реальную информацию.

***

Когда они вернулись на четвёртый этаж, Дженнифер открыла дверь сама.

— А здесь живём мы, — сказала она и вошла.

Вебб последовал за ней и очутился в огромном помещении. Потолок был непривычно высок и казался небом, украшенным множеством утопленных источников света. Тёмно-бежевый пол был похож на пустыню, в которой разбросаны оазисы рабочих столов и ширм, обрамлённые какими-то тропического вида растениями в больших декоративных кадках.

Дженнифер, не останавливаясь, двинулась вперёд, прокладывая причудливый маршрут между столами. На первый взгляд, зал показался Веббу почти пустым, но вскоре он обнаружил, что большая часть оазисов была заселена — за перегородками невысоких шкафов и стеллажей работали, не поднимая головы, программисты.

Дженнифер остановилась у пустого стола на другом конце зала.

— Попробуйте, согдится ли это вам, Кристофер.

Вебб послушно сел. Кресло было вполне удобным. Стол, правда, был куда меньше, чем у него в кабинете, и главное — абсолютно пуст. Девственно пусты были и полки стеллажа за его спиной. Ни клочка бумаги не было и в ящиках, которые он открыл один за другим. Пустота ящиков, в которых на глаза не попадалось даже забытой скрепки для бумаг, почему-то создавала ощущение негостеприимности. Казалось, что ты вошёл в покинутый навсегда дом.

— Один недостаток — они без замков, — пояснила Дженнифер, указывая на ящики. — К сожалению, этого требуют наши правила.

— Это-то зачем?

— В целях безопасности, представьте себе.

— Ага, Ничего нельзя сюда приносить, ничего нельзя отсюда выносить, а для верности и ничего никуда нельзя спрятать, пока человек находится внутри здания.

— Так и было задумано.

— А уж для полного совершенства вы запрещаете человеку даже взглянуть, что он собственно там для «БАНКНЕТа» запрограммировал!

— К этому можно привыкнуть, Кристофер. В остальном же это просто сказочная система. И это вам компенсирует всё остальное.

Внезапно она начала неуверенно озираться.

— Тут для вас должна быть приготовлена кое-какая документация. Вам ведь надо кое-что прочитать о «БАНКНЕТе», чтобы сориентироваться. Впрочем...

Она исчезла за ближайшей перегородкой, но вскоре появилась, обеими руками

толкая перед собой тележку, полную справочников и переплетённых текстов программ. Его удивление её явно развеселило.

— Я распорядилась подготовить для вас полный комплект основных материалов, чтобы вы могли ознакомиться с системой, — сказала она, тщетно пытаясь подавить усмешку.

— Для начала вполне достаточно, — обречённо вздохнул Вебб, подыгрывая ей, и окинул взглядом гору бумаг.

— Если вам потребуются дополнительные материалы, то библиотека программ у нас там, — она показала в другой конец зала, где сидел молодой индус, как в рамку, заключённый в стеллажи со справочниками и скоросшивателями.

— Нет уж, спасибо. Лучше я сразу капитулирую.

Она засмеялась.

— Нет, правда. Он найдёт вам всё, что вы захотите посмотреть. Его зовут Сонди, но мы его окрестили П. Д.

— А что это значит?

— Теперь уже никто не помнит. Вам ещё что-нибудь необходимо на первое время?

— Если только это вас не очень затруднит... — Вебб чувствовал, что свою просьбу ему надо сформулировать с предельной осторожностью.

— Не стесняйтесь.

— Я хотел бы получить список всех сотрудников, которые тут сидят. Имена, фамилии, должность, служебные обязанности, функциональные взаимосвязи.

Эта просьба вывела её из равновесия, как он и предполагал.

— Смею спросить, зачем вам это надо?

— Какое-то время я буду тут сидеть вместе с вами, — сказал Вебб, изо всех сил стараясь создать впечатление искренности, — и мне бы не хотелось кого-нибудь нечаянно обидеть, перепутав его имя...

— Это я могу сделать. Сегодня же вы получите такой список.

— И ещё план — кто где в этом зале сидит, если это вас не затруднит.

На её лице снова появилось выражение удивления.

— А как же иначе я узнаю, кого как зовут, — пояснил Вебб. — Больше просьб не имеется.

Но она не приняла его шуточного тона. Похоже, что это объяснение её не удовлетворило.

— Как желаете, — сухо ответила Дженнифер и удалилась.

Он остался один за своим чистым и пустым столом. В пределах видимости он насчитал с полдюжины молодых программистов, которые его явно заметили. Он с тоской посмотрел на тысячи и тысячи страниц, громоздившихся в переполненной тележке. На самом верху лежала тоненькая папка, которую ему рекомендовала Дженнифер Оуэн. Вебб ещё раз вздохнул, как будто готовясь нырнуть, и взял папку в руки.

11

Вторник. В ВЦЛ начинали работать спозаранку. Вебб приехал раньше девяти, но обнаружил, что большинство его соседей уже на местах.

Первым делом он закончил перегружать содержимое тележки на стеллаж позади себя. Потом он положил на угол стола свежий номер «Таймс», чтобы как-то скрасить бесстыдную наготу столешницы, и сел.

Ровно в 9:30 телефон на его столе зазвонил. Это трудно было назвать звонком, скорее тихим посвистыванием, которое было неразличимо ухом уже за ближайшим столом.

— Господин Вебб? — осведомился голос в трубке. — Это Мартин Алловей. Я руковожу отделом развития системы. Думаю, что нам стоило бы поговорить. Вы знаете, где меня найти?

Вебб притворился, что ему это неизвестно.

— Тогда идите прямо к лифтам, и я вас перехвачу по пути, — предложил Алловей.

Тот ещё типчик, подумал Вебб. Мы сидим в одном зале, а он мне звонит. Почему бы ему просто не подойти к моему столу? Я бы так и сделал на его месте.

Он двинулся в путь и сразу же заметил Алловея. Тот вынырнул из какого-то закутка, который Вебб вчера не заметил, и кивнул ему, приглашая зайти. Закуток образовывали два перпендикулярно поставленных высоких стеллажа. Между ними лишь узкий проход, почти невидимый среди пышной зелени. Эта зелень эффектно подсвечивалась мини-рефлекторами, укреплёнными на самом верху стеллажей. Охотничья территория Алловея была отлично замаскирована, а при рассмотрении изнутри обнаружилось, что этот закуток был не так уж мал — по размеру он лишь немногим уступал кабинету Вебба в «СисТех», только вот не было двери и окон.

— Алекс Харрингтон сказал, что вы трудяга, каких мало, — сказал Алловей, указывая гостю на кресло. — Но думаю, что у нас вы заработаете такие мозоли на заднице, каких у вас наверняка не было за всю вашу жизнь!

— Вы меня радуете.

— Я всегда рад доставить удовольствие ближнему. Так о чём вы договорились с нашей Дженнифер? — поинтересовался Алловей, поудобнее развалившись в массивном кресле.

— Мила, очень мила, — ушёл Вебб от прямого ответа.

— Вполне справедливое замечание, — согласился Алловей. — И в деле не промах. Мои парни только рты разевают, когда она берётся за программирование. Собственно говоря, она и не скрывает своего превосходства.

Деревянные стеллажи, обрамлявшие кабинет Алловея изнутри, радовали глаз отменным порядком. Все папки стояли строго вертикально, у всех на корешках были аккуратно выведенные надписи. Книги были подобраны по высоте, так что даже самый придирчивый педант не нашёл бы к чему здесь придраться. Стол аккуратно убран, стопки бумаг и папок разложены строго симметрично. Заключённая в рамочку табличка на стене восхваляла три трудовые доблести: быстрота, точность, сосредоточенность. Рядом с табличкой на крючке висел помятый и неопишимо грязный плащ.

Алловей заметил, что Вебб разглядывает табличку, и с усмешкой спросил:

— Это выражает и вашу жизненную программу, не так ли?

— Ну, скажем, на две трети, — ответил Вебб, прикинув, что небольшая доза скромности не повредит.

— Чем дальше, тем меньше людей, которые готовы взяться за работу, засучив рукава, — отозвался Алловей менторским тоном.

В нём было, наверное, около метра восьмидесяти, узкокостный, с преждевременно редеющими волосами. Вебб прикинул, что ему, наверное, года тридцать два, но беда была в том, что Алловей освоил манеру поведения более пожилых людей, и это сбивало с толку при попытке угадать его дату рождения. Костюм на нём выглядел, как

пошитый лучшим портным, но из категории подогнанной одежды, которую так предпочитают молодые руководители, честолюбивые, но бережливые. Можно было быться об заклад, что на этикетке пиджака наверняка было вытиснено что-нибудь вроде «Шеф» или «Руководитель». Галстук на кремовой рубашке был немодной ширины. Массивные очки в черепаховой оправе добела вытерты около заушников, а в отблеске света на стёклах можно было заметить жирные пятна от пальцев.

— Как вы себя чувствуете на широком морском просторе нашего архипелага столов?

— Привыкаю, — лаконично отозвался Вебб.

— Похоже, что вам там не слишком понравилось, а?

— Не слишком.

— Это всё издержки погони за модой. Тоже ещё придумали — канцелярский пейзаж! — пренебрежительно махнул рукой Алловей.

— Вам это тоже не нравится?

— Спрашиваете? Одна из «великолепных» идей Харрингтона, которая себя не оправдала, — Алловей постучал кончиком карандаша по зубам, — одна, но не единственная.

На столе тем временем появилось резюме Вебба.

— Как я вижу, вы когда-то работали на «ИБМ».

— Да, несколько лет назад.

— Я у них тоже работал, но по-моему мы там с вами никогда не встречались?

— Я бы наверняка помнил, если бы мы там сталкивались, — вежливо отозвался Вебб, глубоко убеждённый, что он бы ни за что не запомнил Алловея, даже если бы видел его у «ИБМ» не раз. В «ИБМ» таких Алловеев было полно, пруд пруди. Карьеру делали и из толпы выделялись те, кто умел одеться совсем иначе, чем Алловей.

— Итак, один день вы уже отработали, — продолжал Алловей, явно приближаясь к цели разговора. — Вы поговорили с Дженнифер, возможно, успели кое-что прочесть. Следовательно, у вас уже могло сложиться какое-то общее представление о «БАНКНЕТе», не так ли?

— Верно, — сказал Вебб.

— Значит, вы уже готовы с головой окунуться в работу? Готовы найти все существенные дефекты в моей системе, верно? — голос Алловея внезапно стал куда менее приятным.

— Я бы не стал смотреть на это таким именно образом... — начал Вебб.

Но Алловей прервал его аффектированным вздохом:

— Вы же знаете, что называют критическими программными ходами, так? Я имею в виду, привычен ли для вас этот термин?

— Конечно. Это программы, которые оказались в эксплуатации малоэффективными, стали узкими местами, тормозом в работе системы.

— Программы, которые задерживают выполнение всех остальных программ, так?

— Вот именно.

— И вам кажется, что «БАНКНЕТ» слегка медлителен?

— С полной уверенностью я этого сказать не могу. Но я был бы весьма удивлён, если бы обнаружил у вас узкие места.

Алловей широко развёл руками.

— А вот Алекс внезапно вздумал провести анализ эффективности «БАНКНЕТа»! Можно подумать, что ему в ночных кошмарах привиделись критические программные

ходы! Ещё неделю назад, могу поклясться, он даже не знал, что обозначает этот термин. А теперь... — Алловей раздражённо махнул рукой. — Вдруг, ни с того ни с сего приводит мне человека со стороны, который должен обследовать мою систему. Он ведь от вас ничего иного не желает, как только охоты на эти чёртовы критические ходы!

В запале Алловей снял свои массивные очки и чуть ли не швырнул их об стол. Лицо у него было бледное и некрасивое, а главное — какое-то пустое, как будто оправа очков была самой важной чертой его физиономии.

— Месяц назад я сказал Алексу, что мы можем приступить к внедрению системы «КЕЙНОТ». Вы-то о «КЕЙНОТ» ничего не слышали...

— Это ваша новая система кредитных карточек, — ответил Вебб сухо.

Алловей сделал вид, что не расслышал реплики Вебба.

— «КЕЙНОТ» бы существенно ускорил проверку счетов в тех случаях, когда нам звонят откуда-то из магазинов, чтобы проверить платежеспособность покупателя. А если уж я говорю «существенно», то это не шуточки, можете поверить! У меня всё полностью готово. Но Алекс и слышать об этом не пожелал, как будто все мои слова об эффективности — это детский лепет!

Его глаза сверкали, он перегнулся через стол к Веббу.

— В чём тут дело, зачем это промедление, зачем эта проверка системы? Алекс вам что-нибудь пояснил?

Вебб постарался, чтобы его ответ прозвучал как можно спокойнее.

— Когда мы с ним об этом говорили, он сказал, что это желание совета директоров.

— Ах, господ директоров! — облегчённо выдохнул Алловей и забарабанил пальцами по столу, но вскоре оставил это занятие и начал чистить очки концом галстука. — Вы не думайте, лично против вас я ничего не имею. Вы обычная пешка. Все мы оказываемся пешками, когда начальству приходит в голову поиграть, чтобы убить время.

Наступила неприятная тишина. Вебб молча наблюдал, как Алловей поднимает очки против света и ногтем пытается соскрести со стекла какое-то пятнышко.

— И всё равно, пешка я или нет, — прервал Алловей тишину и постучал по столу, — но здесь сижу я, а ваше место там, в общем зале. И так это и останется. Я пальцем не шевельну. Чтобы я кому-то помогал искать какие-то дефекты в моей собственной системе!

— В погоне за тенью, — согласился Вебб. — Со своей стороны могу вам обещать, что я не стану у вас на пути.

— С другой стороны... Если бы вы всё же натолкнулись на что-то, что было бы не в порядке, — Алловей явно взвешивал, стоит ли ему сказать то, что он хотел или нет. — Так, по чистой случайности... Всё равно вы должны первым сообщить мне об этом. Это было бы порядочно. В конце концов всё это — моё детище!

Жестом руки он дал понять, что беседа закончена.

Вебб медленно встал, но выйти из кабинета не спешил.

— Я искренне восхищён тем, что пока здесь увидел, — сказал он раздумчиво. — Я был бы рад познакомиться с вашими методами поближе. Как насчёт того, чтобы нам как-нибудь выбратся пообедать вместе?

Веббу было совершенно ясно, что Алловей — крайне неприятный противник. И что самое плохое — он не будет спускать с него глаз, будет контролировать каждый шаг.

— Я обычно обхожусь сэндвичем, — буркнул Алловей.
— Даже если я буду вас очень уговаривать?
— То есть вы меня приглашаете? — в глазах Алловея появился проблеск интереса.
— Естественно. Обед пойдёт за счёт «СисТех».
— Только в окрестностях вычислительного центра для нас всё закрыто, вы знаете?
Так что наша прогулка будет оправдана только в том случае, если это будет весьма приличное заведение...

«Ах ты, стервец», — подумал Вебб. Но только мило улыбнулся в ответ и сказал:

— Где вы только пожелаете. «СисТех» умеет заботиться о своих клиентах.

— Ладно, посмотрим. Может быть, где-нибудь на той неделе.

12

Суббота, 8 января. «Вычислительный центр работает двадцать четыре часа в день и семь дней в неделю», — говорил Харрингтон. Вебб решил проверить этот тезис на практике, преследуя при этом вполне определённую цель.

Он пришёл в 11:00. В зале программистов Вебб насчитал ещё семь человек и все они были в свитерах. Впрочем, и сам Вебб был одет в мягкий кожаный пиджак поверх свитера. Рабочий темп сегодня был менее напряжённым, чаще возникали разговоры. Но в тщательности и интенсивности работы не изменилось ничего.

Около полудня в зал зашла Дженнифер и, увидев Вебба, подошла к нему.

— Приветствую вас, невольник!

— Что вы скажете относительно обеда? — поинтересовался Вебб.

— Увы у меня сегодня свидание с сестрой.

У неё в руках были две битком набитые пластиковые сумки от «Хэррода», и казалось, что она зашла сюда, в привычный мир программ и распечаток, отдохнуть от утомительных визитов в магазины.

— А позднее, ведь есть ещё и такая вещь, как ужин?

— Нет, сегодня действительно не получится, Кристофер, — сказала она огорчённо.

Веббу очень захотелось, чтобы это огорчение было искренним.

— У меня сегодня столько дел, столько дел, — она подняла ладонь над головой и даже слегка присела.

Сегодня на ней был белый кашемировый свитер, облегающие брюки из явно очень дорогой ткани, которая умело притворялась демократичной джинсовкой.

Через час Дженнифер ушла.

В отличие от остальных, Вебб пришёл сегодня не для того, чтобы работать. После недели усердного чтения справочников программ и комплектов распечаток работа осточертела ему по горло. И даже выше. Пришла пора попробовать немножко иную технику.

Чтобы время тянулось не так томительно, он принёс с собой несколько свежих журналов: «Форчун», «Экономист» и «Пентхаус». Он спрятал журналы в толстом справочнике по пользованию системой и принялся их читать, делая вид, что погружён в познание таинств «БАНКНЕТа». Весь разворот «Пентхауса» занимала фотография какой-то красотки из Сиднея, фривольно разложившей свои телеса на чёрном кожаном диване. Вдохновлённый финансовым обзором, который он только что прочёл в «Экономисте», Вебб написал внизу фотографии «Совокупленный продукт австралийской экономики» и, не удержавшись, хрюкнул, восхищённый собственным остроумием. Кто-то в зале удивлённо поднял голову.

Около трёх часов дня, совершенно истомившись и прочтя все журналы от корки до корки, Вебб потянулся и отправился прогуляться по залу, обнаружив при этом, что в зале, кроме него, остался ещё только один человек. Он кивнул Веббу в знак приветствия, но не проронил ни слова. Этот зануда продолжал сидеть как пришитый за своим столом ещё и в 16:00.

— Проваливай отсюда, — тихо бурчал себе Вебб под нос, как будто его заклинания могли повлиять на соседа по залу. Тот капитулировал только в половине пятого.

Вебб ждал ещё целый час, тренируя свою волю, чтобы быть уверенным в том, что никто сюда уже не вернётся. Потом он снова прогулялся по этажу и убедился, что остался один.

Первым делом Вебб отправился в пещеру Алловея, где его снова удивило противоречие между идеальным порядком в интерьере и небрежностью наряда самого владельца, которая запомнилась ему по первому знакомству с начальником отдела. Вебб открыл верхний ящик стола и нашёл в нём еженедельник. Когда он взял еженедельник в руки, то увидел, что под ним лежит довольно дорогой микрокалькулятор. Его удивило то, что это был не калькулятор для научных расчётов, какой недавно купил и он сам, а калькулятор для бизнесменов с клавишами для расчёта сложных процентов и величины амортизации. Рядом лежал тоненький справочник случайных чисел. За всю служебную деятельность Вебб никогда не сталкивался с необходимостью использовать такой справочник.

По еженедельнику можно было проследить программу регулярных деловых совещаний Алловея на длительную перспективу. Вебба удивило, с какой точностью в еженедельнике было отмечено время, потраченное владельцем на уже проведённые совещания — время окончания было указано с точностью до минуты. Из записей нельзя было только понять, как Алловей проводит вечера и выходные дни. Обращало на себя внимание то, что даты двух уикэндов были подчёркнуты толстыми красными линиями, а в графы обеих предшествующих пятниц было вписано одно и то же название «Альтон».

Программу своей деятельности Алловей планировал на много месяцев вперёд. Например, в июне он собирался ехать в Копенгаген на конференцию с темой «Компьютеры в банковском деле». Вебб представил себе, как Алловей будет там бегать из одного секс-шопа в другой, весь потный от возбуждения, в этом своём допотопном плаще. Очень может быть!

В других ящиках не было ничего интересного. Слева от стола Алловея стоял высокий металлический ящик-шкаф. Вебб попробовал открыть хотя бы один ящик, но с удивлением обнаружил, что они заперты. Для Мартина Алловея было явно сделано исключение. Возможно, что в этих ящиках хранились служебные документы, предназначенные только для руководящих сотрудников банка, и личные дела подчинённых Алловея. Вебб ещё раз перетряхнул все ящики стола, пытаясь найти ключи к металлическому шкафу, но безуспешно. Он просунул свою пластмассовую опознавательную карточку в щель между передней стенкой верхнего ящика и верхней стенкой шкафа и попытался вскрыть замок. Но здесь был не английский замок, и подсунуть карточку Веббу не удалось.

Покинув кабинет Алловея, Вебб принялся на осмотр зала, руководствуясь планом размещения сотрудников, который ему передала Дженнифер. На этом плане Вебб обвёл кружком;ми, кроме Алловея и Дженнифер, фамилии ещё пяти сотрудников. Это были высококвалифицированные программисты, которые руководили

небольшими рабочими группами. Иными словами, это были люди с возможностями, как их определил для себя Вебб.

Увы, осмотр их столов не принёс ничего нового, никаких признаков той жизни, которые эти пятеро вели за стенами ВЦЛ. Никаких следов двойной игры.

Не оправдал его надежд и обыск в отсеке, который занимала Дженнифер. Кроме пачки цветных фотографий: Дженнифер под деревом, Дженнифер с какой-то другой девушкой, Дженнифер на пляже в узеньком бикини, загорелая и аппетитная, — ящики её стола не содержали ничего интересного.

***

Из здания вычислительного центра Вебб вышел уже поздним вечером с ощущением впустую потраченного дня. Его лицо овеяло холодное дыхание города, с минуту он стоял и наслаждался им, как дегустатор, вдыхая запахи машин, людей, пыль, бензин — жизнь настоящую, а не стерильно очищенную и превращённую в колонки цифр и команды компьютерных программ. С удивлением он вдруг понял, что сидя в вычислительном центре, забыл о времени, забыл, что за белыми стенами существует какой-то иной мир. Он ощущал то, что испытывает пассажир реактивного лайнера, перенёсшийся через несколько часовых поясов сразу.

Внезапно Вебба осенило, что на него направлены скрытые телекамеры охраны вычислительного центра. Он выпрямился и размеренным шагом двинулся вперёд, к узкой арке, за которой шумел вечерний Лондон.

13

Понедельник, 17 января. Сняв трубку телефона, Вебб услышал голос Сьюзен Фолкнер.

— Проверка бухгалтерской отчётности, — начала она без всяких предисловий, уверенная, что Вебб сразу же узнает её голос, — продажа ненужного имущества, приём на работу новых сотрудников, подписание платёжных ведомостей, переговоры с налоговым управлением...

— Минуточку, Сью! Что ты мне, чёрт возьми, читаешь?

— Внутренний меморандум от Эндрью Шалтона.

— И что там написано? То, что ты мне прочла?

— Честное слово! Я думаю, что это перечень дел, которые ему приходится делать вместо тебя, пока ты отсутствуешь.

— Передай ему, чтобы он шёл ко всем чертям!

— Так и написать?

— Конечно нет! Напиши так, как умеешь только ты, эдакими аккуратными формулировками, что, дескать, дорогой Эндрью, в настоящее время я выбиваюсь из последних сил, чтобы тебе было что отдать этим волкам из налогового управления. И подпиши это за меня.

— Ладно. Кроме того, хочу сообщить, что скоро на нашей площади появится ещё одна почтовая башня. Из твоей корреспонденции.

Вебб поклялся, что сегодня же на пару часов заедет в «СисТех» и оставит на столе Сьюзен диктофонную кассету с распоряжениями по поводу почты.

Ещё десять минут Вебб стоически изучал толстый перечень программ, от которого его оторвал звонок Сьюзен, а потом энергично отодвинул его в сторону. Пора было идти на встречу с Харрингтоном.

— Пять минут, — твёрдо сказал банкир. — Больше я вам посвятить не могу. Меня ожидают всемогущие господа с Лиденхол-стрит.

Харрингтон даже не сел, давая понять, что он не шутит.

— Прошло четырнадцать дней, а я не продвинулся ни на шаг вперёд, — пожаловался Вебб. — Эта ваша система, наверняка, самый большой стог сена во всём мире.

Харрингтон засмеялся.

— А иголка-то в ней будет?

— Откуда я знаю, — отрезал Вебб раздражённо и оседлал одно из кресел. В конце концов, если Харрингтон хочет стоять, это его личное дело. — Я знаю только одно — чтение этих бесконечных программ — пустая трата времени. Даже если в «БАНКНЕТе» и имеются какие-то проблемы, то так их не найти!

— Видимо, если вы так считаете. Вы же эксперт в таких вопросах. — Харрингтон даже не пытался скрыть своего злорадства.

— Да, дело обстоит именно так, — сдерживая себя, продолжал Вебб. — Поэтому на сегодняшний день результат равен нулю.

— Ну и что вы предлагаете? У вас есть какие-то идеи относительно того, что делать дальше?

— Да, у меня есть проект. Но мне нужно ваше согласие, поскольку это... — Вебб в упор посмотрел на своего собеседника, — довольно нетрадиционный подход. Я хотел бы выискать, где в вашей системе безопасности есть слабые места, хотел бы проверить, могут ли ваши люди что-нибудь скомбинировать, если действительно решат смошенничать. Поэтому я хочу проверить функционирование системы защиты от злонамеренных искажений программ. Такая проверка будет состоять в том, что я сам попытаюсь осуществить незаконное вмешательство в работу «БАНКНЕТа» и проверю при этом, можно ли сделать такое дело и не попасться.

Харрингтон молчал.

— Может быть, я кого-то этим спугну, кто-то занервничает, начнёт вести себя не так, как обычно...

— Нет, — отрезал Харрингтон. — Это было бы сумасшествием.

И какие аргументы Вебб дальше ни выдвигал, банкир стоял на своём, как скала.

— Тогда что предлагаете вы? — прибегнул Вебб к последней форме нажима.

— Я? Что предложил бы я? Идеи по этому поводу, чёрт возьми, должны приходиться в вашу голову, господин Вебб! Вы должны отработать свои сто пятьдесят фунтов в день! Я же от вас хочу только одного — чтобы в конце срока вы пришли ко мне с достоверным докладом о том, что вы нашли или чего не нашли в нашей вычислительной системе. Но всё должно быть сделано в установленном порядке. Всё, понимаете?

Харрингтон решительно направился к двери, но внезапно остановился и повернулся к Веббу с неожиданной улыбкой на губах.

— Скажите мне одну вещь, господин Вебб. Вы действительно любите компьютеры?

— Но это же мой хлеб насущный!

— Понятно, понятно, но любите ли вы их на самом деле?

— В данную минуту не очень. Как будет дело обстоять завтра, послезавтра, в пятницу, трудно сказать.

— Скрытничаете!

— Возможно...

— А вот я их не люблю, — признался Харрингтон, — ни капельки.

Вебб изобразил удивление.

— Не притворяйтесь, вы лучше всех знаете, почему я их не люблю, — махнул рукой банкир. — Ради большей производительности мы всё безмерно усложнили в нашем банковском деле. А что мы получили в итоге? То, что мне действительно надо знать, я получить не могу, а то, что мне вообще не нужно, оказывается у меня на столе через долю секунды.

— Вот теперь вы точно описали суть моей работы, — усмехнулся Вебб.

— Об этом я и мечтал, — проворчал Харрингтон и исчез за дверью.

Вебб задержался в конференц-зале, обдумывая итоги разговора с Харрингтоном. Позиция, которую тот занял, отсутствие интереса к ходу расследования несколько ошеломили Вебба. Но это пустяки, главное было в другом — что ему теперь делать?

«В установленном порядке! Ах ты, слизняк!», — разозлённо проворчал Вебб и принял решение просто игнорировать несогласие Харрингтона и пойти на провокацию на свой страх и риск. Конечно, лучше бы было, если бы Харрингтон дал на это согласие, но что делать...

Вебб решил, что он напишет программу запроса данных, открытых лишь для клиента и хранящихся в секретном банке данных. Строго говоря, этот план — если «БАНКНЕТ» действительно работает так, как это описано в справочниках по его эксплуатации — был обречён на провал. Но Вебб верил, что, может быть, найдётся какая-то лазейка для его реализации. Во всяком случае, это могло нарушить бесплодное для него статическое равновесие.

Реализация этого замысла оказалась ещё проще, чем он ожидал. В течение двух дней он программу сконструировал, написал и отдал перфорировать. Своей программе он дал кодовое название «КЛИФТОН». Он был убеждён, что Харви оценит это название. Получив колоду перфокарт, Вебб сдал её в работу и узнал, когда она будет запущена.

***

Пройдя через машинный зал, Вебб подошёл к печатающему устройству и стал наблюдать за распечаткой отлаживаемых программ. На первый взгляд могло показаться, что печатающее устройство описывает реальные банковские операции, но если приглядеться повнимательнее, то можно было обнаружить, что все заказчики — это Смиты и Брауны, а их платёжные распоряжения были выписаны на фирму «Джонс энд компани» или «АБЦ лимитед».

«Наверное, проверка программ во всём мире происходит одинаково», — подумал Вебб. — «Ни грана фантазии».

Наконец компьютер приступил к прогону его программы. Но стук печатающего устройства стих, едва начавшись, — прогон программы был прерван. Подняв с пола лист, Вебб увидел, что последняя строчка строго сообщала:

НЕПРАВИЛЬНО УСТАНОВЛЕН ФОРМАТ

У него в программе была ошибка! Выругавшись, Вебб скомкал свою распечатку и сунул её в большой ящик для мусора. Он был уже на полпути к лифту, когда ему пришло в голову, что он поступил нерассудительно, лишь бегло взглянув на причину

своей ошибки, указанную компьютером. Для верности стоило бы взять распечатку. Он повернулся и направился обратно в машинный зал.

В первом приступе злости он минуту назад сунул свою распечатку в ящик для мусора с такой силой, что та оказалась где-то в глубине. Поэтому первая распечатка, которую он вытащил из ящика, была не его, равно как и вторая. Что-то, он не сразу понял что именно, вдруг привлекло его внимание к небольшой группке цифр в заголовке одной из страниц чужой распечатки. Он чувствовал, что здесь что-то не совсем так! Он набрал полную охапку распечаток из мусорной корзины и двинулся к дверям машинного зала. Вид у него был как у бродяги, который нашёл в уличной урне что-то годное для продажи. Когда дверь за ним уже закрывалась, он услышал, как оператор кричит ему вслед, но что, Вебб уже не услышал.

Разложив добычу на своём столе, Вебб сразу же набрал номер начальника смены.

— Тадеус, — представился тот.

— Моя фамилия Вебб. Я у вас тут кое-что делаю для господина Харрингтона.

— Да, я слышал. Чем могу служить?

— Боюсь, что я немножко сглупил. Вчера я выбросил свои черновики в мусорный ящик в машинном зале, а сегодня понял, что они мне ещё нужны. Когда там вывозят мусор?

Тадеус на минуту замолк, видимо, вспоминая.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь. Примерно в час ночи мы делаем небольшой перерыв для профилактики и в это же время производится уборка. Мне очень жаль, господин Вебб, но ваши черновики к настоящему моменту уже измельчены в мелкие крошки и сожжены.

— Вы это точно знаете? — настаивал Вебб. — Исключений быть не может?

— Сожалею, но дело обстоит именно так.

Теперь Вебб совсем по-иному смотрел на свою находку. Это был один-единственный листок, оторвавшийся от какой-то распечатки. На нём не было фамилии программиста. Но зато дата в заголовке страницы была 17 января. Дата двухдневной давности — сегодня было уже 19 января, а следовательно, если Тадеус был прав, а скорее всего он был прав, то ничего подобного в мусорном ящике быть не могло. На худой конец, Вебб мог допустить, чтобы в ящике завалился лист от вчерашней распечатки. Но от распечатки двухдневной давности?!

С минуту он сидел неподвижно и только улыбался. Теперь он знает это точно! Кто-то действительно манипулирует с «БАНКНЕТом», вопреки правилам и инструкциям. С лёгким сердцем он позвонил Сьюзен, что едет, и направился к выходу, аккуратно спрятав драгоценную страничку во внутренний карман пиджака.

14

Квартира была на первом этаже, а дом — не в самом привлекательном из предместий Бристоля. Звонок не работал, и Веббу пришлось довольно долго барабанить ключами по почтовому ящику, прежде чем дверь приоткрылась. Через цепочку на Вебба вопросительно смотрела какая-то девушка. Под свитером, облегающим большую грудь, явно больше ничего не было. Как раз то, что любит Харви.

— Майк здесь? — спросил Вебб.

Без единого слова девушка сняла цепочку и, открыв дверь, повела Вебба внутрь. Харви валялся на диване, держа в руке открытую банку с пивом и уставившись в экран

телевизора.

— Мать божья! — ахнул он, увидев Вебба, и вскочил с дивана.

— Я вот тут проезжал мимо... — ухмыльнулся Вебб.

— Конечно, конечно, — ответно улыбнулся Майк. — Но почему ты мне заранее не позвонил, Крис? Надо было меня предупредить, я бы тебя встретил.

— У Сью не оказалось твоего номера телефона.

— Моя вина, моя, — признался Харви, не проявляя, впрочем, признаков особого раскаяния.

Вебб посмотрел на него, потом на девушку, потом вновь на Харви и слегка пожал плечами.

Девушка отправилась на кухню, откуда сразу же послышался шум воды — похоже, что чистых чашек у хозяйки не имелось. Харви подошёл к телевизору и полностью выключил звук, оставив, однако, картинку.

— Ты приехал аж в Бристоль, чтобы только нанести мне визит?

— Именно так.

— Путь-то неблизкий.

— Но зато отличное шоссе, а я в дороге прекрасно отдыхаю.

— На скорости сто двадцать километров в час?

— Тебе бы надо самому как-нибудь попробовать.

— Нет уж, спасибо! Я ещё жить хочу! — Харви вновь уселся на диван. — Как тебе понравилась Анджела?

— Роскошная девушка, — улыбнулся Вебб, — и как это ты так быстро их уламываешь?

— Она оператор. Работает на машине нашего клиента.

— Это правда то, что болтают о женщинах-операторах?

— Слов нет! — Харви сделал выразительное движение рукой. — Два месяца наслаждений вдаль от людей...

— Я приехал к тебе из-за «Уотермана».

— Об этом я догадался.

— Меня интересуют две вещи, Майк. Начнём с этого, — Вебб вручил Харви страничку распечатки, найденную в мусорном ящике. — Меня интересует твоё мнение.

— А что я, собственно, могу об этом сказать? — в свою очередь поинтересовался Харви, бегло проглядев страничку и не понимая, чего вообще-то хочет от него Вебб.

— Ты видишь эту дату наверху?

— Да, а что?..

— Я нашёл это сегодня.

Харви посмотрел на свои часы, сверяя дату, а потом пожал плечами, всё ещё недоумевая, что так взволновало Вебба.

— Я хочу сказать, что ЭВМ выдала это сегодня.

Харви лёг навзничь и уставился в потолок.

— Сегодня, говоришь? — протянул он. До него, наконец, начало доходить.

— И что ты теперь скажешь?

— А нет ли какого-нибудь простого объяснения? Например, что они делали проверку работы машины или ещё что-нибудь.

— Нет.

— Тогда остаётся единственное — кто-то играет с их системой в свои игры. Что

это ещё может быть?!

— Давай, давай, — сказал Вебб.

— Часовое устройство — это одна из наиболее защищённых областей памяти компьютера. Изменение даты производится автоматически, в полночь, а сама эта операция является одной из основных системных процедур. Если эти процедуры у «Уотермана» соблюдаются так строго, как можно предполагать, то совершенно исключена возможность изменения даты в другой момент времени. Естественно, за исключением случая, когда компьютер на какое-то время выключится и потеряет синхронность с гринвичским временем.

— За последние два дня этого не случилось, я проверил, — сказал Вебб.

— Это ведь система, которая оперирует с крупными суммами, — с явным удовольствием констатировал Харви. — А каждая финансовая операция обязательно связана с датой. Значит, кто-то у них там ведёт игру с часовым устройством... — попытался он выдвинуть разумную гипотезу. — Какую-то игру, — добавил он с извиняющейся улыбкой.

— Но какую?

— Один бог знает, Крис. По этой бумажке ничего понять нельзя. Здесь же одни голые цифры. Фамилия программиста не указана, названия программы нет, ни одна из колонок никак не обозначена, ничего. Ни малейшего следа...

— Всё равно продолжай рассуждать, я хочу слышать всё, что может прийти тебе в голову, — потребовал Вебб. — Каким из элементов «БАНКНЕТа» надо играть, чтобы проводить смену дат?

— Это, скорее всего, операционная система.

— Я тоже так подумал.

— И там ты хочешь найти вставку? Прочесать всю операционную систему?

— А ты можешь предложить иное?

— У тебя будет масса проблем, Крис. Операционная система ведь наверняка будет самой сложной самостоятельной программой во всём «БАНКНЕТе».

— Естественно.

— А сколь она велика, ты случайно не знаешь?

— Восемьдесят восемь тысяч команд. Я узнавал.

Крис рассмеялся.

— Тогда желаю счастья! Просмотреть восемьдесят тысяч программных инструкций, чтобы только найти... А что, собственно, найти? Ты хоть конкретно можешь себе это представить?

— Ни в малейшей мере, — признался Вебб.

— Тогда ты хлебнёшь, — с дружеским злорадством посочувствовал Харви.

— Я нет. Хлебнёшь ты, Майк.

Харви вскочил с дивана, воздев руки в знак протеста.

— Я тоже нет. Я?! Ни в коем случае!

— Да пойми же ты, ведь это настоящая фабрика денег, Майк. Чёрт возьми, парень, такой благоприятный случай может уже никогда в жизни не подвернуться!

— Ты с ума сошёл, — убеждённо сказал Харви. — Ведь это же банк, чёрт возьми. И какой!

— У нас уже получались такие вещи, Майк, — тихо парировал Вебб. Он тоже встал, и теперь они стояли с Харви друг против друга, как два барана, встретившихся на узком мостике.

— Но не в банке же! — огрызнулся Харви. — «Лондон Альянс» — это же мелочь пузатая, Крис, по сравнению с таким банком. Там не было ничего нового, пара пустяков. Но после дела с «Кестрелл» я чуть не свихнулся от страха. Когда ты был вынужден срочно стереть эту программу, я с неделю спать не мог. И больше я таких переживаний не желаю. Никогда! И уж тем более из-за такого титана, как «Уотерман». Бога ради, только не это!

Вебб сумел взять себя в руки и сохранить внешнее спокойствие.

— Ты и я, — сказал он, чеканя каждую букву, — придумали кое-что просто уникальное. Мы ворует преступления других. Мы даём им возможность провести всю подготовку и отладку, даём им возможность убедиться в том, что их трюк никому не заметен... никому, кроме нас. А потом забираем всё это себе. Это просто гениальная мысль, Майк.

— Да, вроде, — согласился Майк, не отводя, однако, глаз.

— «Уотерман» для нас — первый приз в конкурсе на самого ловкого мошенника, Майк! Неужели же нам отказаться от такого подарка судьбы?!

— Пусть это будет подарок только для тебя, Крис. Я к нему и пальцем не притронусь!

— Послушай, Майк, я один не справлюсь с этой чёртовой операционной системой. Это игрушка для молодой головы. Здесь нужен ты, твой опыт, твоё терпение.

— На меня не рассчитывай, — помотал головой Харви. — Ты мне друг, Крис, но в этом деле я тебе не помощник, прости.

Вебб опустил в кресло и закрыл лицо руками. Внезапно он полез во внутренний карман пиджака и вытащил оттуда какое-то письмо.

— Я получил это в субботу. Прочти...

Харви быстро пробежал письмо и сочувственно охнул.

— Любезный привет из банка, не так ли?

— «Позвольте рекомендовать Вам рассмотреть возможность продажи принадлежащего Вам автомобиля и приобретения более дешёвой модели, которой Вы сможете пользоваться до тех пор, пока Вам не удастся преодолеть Ваши финансовые затруднения», — Харви участливо взглянул на Вебба.

— Вот свиньи! — в его голосе было искреннее сочувствие. Он отлично знал, как Вебб дорожил своей машиной. — Послушай, но ведь ты зарабатываешь не так уж мало. Чёрт возьми, мне бы твои доходы...

— Я же оплачиваю счета жены, хоть и не имею с этого ничего. А она в расходах не стесняется.

— Да ещё и посиделки до утра над зелёным сукном, да? — осторожно напомнил Харви. Он до сих пор не забыл, как сев однажды вместе с Веббом за карточный стол, оставил в казино такую сумму, что это уже перестало быть развлечением.

— И это тоже.

— А теперь ты хочешь, чтобы я тебя вытащил из этой дыры, так? Теперь я должен рисковать? А зачем мне это?

— Бог его знает, — невесело признал Вебб.

Харви огорчённо молчал. Он вскрыл банку пива «Лонг Лайф» и сделал несколько глотков.

— Мне действительно жаль, — повторил Харви.

— Это твоё последнее слово?

— Только не банк, Крис.

— Тогда иди ко всем чертям! — рывкнул на него Вебб и, обозлённый, двинулся к дверям. Харви пошёл за ним и в прихожей остановил его за локоть.

— Крис... — сказал он.

— О'кей, я займусь этим сам.

— И ещё, Крис. Пожалуйста, не втягивай в это дела Джека Кеннеди.

— Мне это и в голову не приходит, — пренебрежительно отмахнулся Вебб.

— Я тебя знаю, Крис. Оставь его в покое. Он ещё совсем зелёный.

— Он почти твой ровесник.

— И всё равно, он ещё совсем сопляк, — настаивал Харви.

— Да ладно, — махнул рукой Вебб и вышел.

В машине Вебб обдумывал слова Харви. «Джек Кеннеди — это идея», — усмехнулся он сам себе и почувствовал, что злость на Харви у него постепенно проходит.

15

П. Д. Сонди каждый день приходил последним, но зато уходил первым. Вебб уже успел к этому привыкнуть.

В это утро Сонди пришёл с особенно большим опозданием и долго рассказывал о беспорядках и сбоях в работе метро, отогревая руки на чашечке кофе.

— Мне нужны кое-какие распечатки программ, — сказал Вебб, зайдя в библиотечный отсек. — Я здесь кое-что изучаю для господина Харрингтона.

— Все это уже знают. Критические профили, — наверное, это показалось Сонди ужасно смешным, потому что он внезапно хихикнул.

— Поэтому мне нужно будет подробно познакомиться с распечатками программ «БАНКНЕТа», — продолжал Вебб, сделав вид, что он ничего не заметил.

— Всех-всех?

— Ну, со временем, наверное, с большинством из них. Во всяком случае, с теми, которые в системе используются особенно часто.

— А Мартин Алловей говорит, что у нас нет никаких критических профилей, — гнул своё Сонди. — А он настоящий гений, этот Мартин. Если он говорит, что их нет...

— И всё равно мне нужна эта документация, — не уступал Вебб. — И заниматься я ею буду довольно долго. Поэтому мне бы хотелось получить какую-то копию, которую я мог бы держать у себя, не создавая проблем для других.

— Вы получите всё, что вам нужно, — пообещал Сонди. — Для того я и сижу тут.

— Для начала мне нужен один экземпляр распечатки операционной системы.

— Всей?! — у Сонди даже глаза вылезли из орбит.

— Вот именно.

— А вы знаете, сколько в ней страниц, в этой распечатке?

— Догадываюсь, что довольно много.

— Вот столько, — сказал Сонди и провёл рукой по корешкам нескольких толстых фолиантов. — Это невозможно использовать. Вам понадобятся месяцы, чтобы всё это прочесть!

— Это идея господина Харрингтона, не моя, — ответил Вебб флегматично. — Так я могу это забрать или нет?

— Можете взять на время, — неохотно согласился Сонди. — Но если кто-то придёт и захочет посмотреть её...

— Нет, так дело не пойдёт, П. Д. Я же сказал, что мне эти распечатки будут нужны

постоянно!

— У мисс Оуэн тоже есть такой комплект, точно такой. Она им часто пользуется, но я могу попросить, чтобы она и вам дала попользоваться, а?

— Нет, — сказал Вебб. — Это меня не устраивает.

— Можно обратиться к Мартину Алловей. У него тоже полный комплект.

— И это не пойдёт. Что ещё вы можете мне предложить, а, Сонди?

— Тогда я могу позвонить вниз, в архив, чтобы вам прислали копию оттуда. Годится?

— Обычно архивные материалы бывают устаревшими, — ответил Вебб, которого эта идея тоже не вдохновила, — и годятся только для того, чтобы собирать пыль.

— Вообще-то, у меня должен был тут храниться один запасной экземпляр, — с несчастным видом сказал Сонди, — но кто-то у меня его утащил. Разве за всеми усмотришь?!

— Послушайте, — постепенно накаляясь, сказал Вебб, — мне нужна всего лишь копия того, что именно сейчас крутится в машине. Чёрт возьми, в этом бардаке такое желание выглядит не слишком абсурдно!

— Ох, здесь целые горы бумаги, — пожаловался Сонди. — Половина того, что должно лежать у меня на полках, гуляет где-то по столам!

Он замолк и с отсутствующим видом уставился на полки своей библиотеки.

— Манчестер, — вдруг произнёс победно индус. — Что вы об этом скажете?

— Манчестер?..

— Мы можем затребовать то, что нам нужно, из «Вычислительного центра-Манчестер». Идёт?

— Пожалуй, — удивлённо согласился Вебб.

— У них там хранятся два комплекта всех программных распечаток «БАНКНЕТа». Я думаю, что они ими вообще никогда не пользуются. Они там просто обслуживают компьютер на основе наших программ. Чистой воды рутина.

— Но ведь это самостоятельный вычислительный центр, — сказал Вебб. — У них, наверное, и программное обеспечение особое, так?

— Что вы, господин Вебб, у них абсолютно те же программы! К ним просто подключены другие филиалы банка, другие клиенты, но программы, с которыми они работают, полностью идентичны нашим, здесь, в Лондоне.

— Вы в этом совершенно уверены? — ещё раз переспросил Вебб. Правда, у него появилось ощущение, что он об этом уже где-то читал.

— «Введение в систему „БАНКНЕТ“», страница номер один, — белозубо улыбнулся Сонди.

— Ну, конечно же! — хлопнул себя по лбу Вебб.

— В Манчестере нет вообще программистов-разработчиков. Знаете, им не надо самим готовить даже самые пустяковые программы! Им всё приносят готовое на блюдечке — только засовывай в компьютер.

— А кто им такие программы делает, П. Д.? Мне это просто любопытно знать.

— Пол Хаксли.

— Это такой, с пышными усами, да? И курит без остановки?

— Он самый. А уж когда что-то более серьёзное, тогда едет разбираться сам Мартин Алловей, собственной персоной.

— Манчестер, — повторил Вебб снова. — А у вас светлая голова, П. Д. Что мне теперь делать, поехать туда?

— Ну что вы! Я сейчас просто позвоню начальнику манчестерского ВЦ, а уж он проследит, чтобы вам эту копию отправили нашим фирменным транспортом. Сегодня что — четверг? Значит в понедельник, когда вы придёте, вас уже это будет ждать.

— А пока я могу одолжить ваш экземпляр?

— Конечно. Берите, прошу вас.

— Да, кстати. У вас ведётся вообще-то регистрация разработчиков отдельных программ «БАНКНЕТа»? — спросил Вебб как будто мимоходом.

— Естественно. У нас здесь записывается всё и обо всём. И ничего не выбрасывается. — Сонди беспомощно развёл руками. — Проще всего это хранить, чем тратить время, выясняя, что стоит хранить, а что — надо выбросить, сами знаете...

— А кто разработал операционную систему? К кому мне обращаться, если мне потребуются более подробные разъяснения?

Сонди вытащил из груды книг на столе какой-то толстый фолиант, при этом остальная часть стопки слетела с грохотом на пол. Сонди и бровью не повёл.

— Разработчиков было шестеро, — сказал он наконец. — Оуэн, Пенфолл, Хаксли, Ковак, Эллисон, Эндрьюс.

Вебб записал все фамилии.

— Ну и конечно её делал Алловей, так?

— Он у меня не записан. Но он принимал участие в большинстве разработок.

***

Кеннеди понадобится полный текст программ. Получить его будет непросто. Копия из Манчестера должна остаться здесь, в ВЦЛ, потому что Сонди тщательно зарегистрировал запрос. Другое дело — экземпляр самого Сонди. Вебб был уверен, что его никто не будет искать, а если и будет, да не найдёт, то Сонди возьмёт вину на себя.

Около полудня зал опустел. В нём осталась лишь небольшая группка программистов, но и они собрались в одном углу с бутербродами в руках за бриджем. Убедившись, что его никто не видит, Вебб вытащил текст из первой книги описания операционной системы и заменил его примерно таким же количеством листов из распечаток, которыми его щедро снабдила Дженнифер в первый день работы. Украденный текст он спрятал на полке, где он будет лежать до тех пор, пока Веббу не удастся найти способ безопасно вынести его за пределы ВЦ.

Чуть позже он позвонил в «СисТех». Сьюзен начала было что-то ему рассказывать, но Вебб прервал её и строго приказал:

— Найди Джека и скажи ему, чтобы он сегодня задержался и ждал меня. Скажи, что за это я приглашаю его на ужин.

— Возможно, что мне это не удастся, — сказала она, — но я пойду его поищу.

На другом конце линии было слышно, как трубка звякнула об стол и наступила тишина, нарушаемая далёким стрёкотом пишущей машинки.

— Так я и думала, — сказала Сьюзен, когда она снова взяла трубку. — Его нет — он в Австрии, на лыжах.

— На чём он, чёрт побери?!

— На лыжах, Крис, у него отпуск.

— А когда он вернётся?

— Недели через две. Он, кажется, только вчера уехал.

— У нас не фирма, а сумасшедший дом! — взорвался Вебб. — Как только

сотрудник нужен, выясняется, что именно сейчас это просто невозможно!

Закусив губу, Вебб вытащил украденный лист обратно со своей полки и принялся его терпеливо изучать. В этот день он просидел почти до полуночи. На следующий тоже. В субботу он проторчал в вычислительном центре целый день и повторил этот подвиг в воскресенье. Когда в восемь часов вечера он наконец оторвал голову от программ, позади осталось не больше десятой части пути в недра бесконечного комплекта инструкций. И не нашёл он пока ровным счётом ничего.

16

Вторник. Дженнифер Оуэн большую часть дня внимательно следила за Веббом, даже переставила свой стул, чтобы лучше видеть его стол. Она заметила, что утром он пришёл пораньше, видимо, чтобы посмотреть результаты ночного прогона своей программы. Но, похоже, программа не прошла — почти час Вебб сидел не разгибаясь над распечаткой. В углу зала стоял перфоратор, огороженный шторами, которые слегка приглушали его стук. Вебб подсел и к нему, правда, ненадолго — переделал три-четыре карты. Потом она видела, как он вышел из зала с колодой перфокарт в руке, из кармана его пиджака торчала верхняя часть бланка-заказа на прогон программы. Большую же часть дня он потратил на изучение какого-то объёмистого фолианта, медленно передвигая линейку вниз по странице, чтобы не потерять место, до которого он дошёл. Вебб делал многочисленные пометки, часто брался за справочники по «БАНКНЕТу», а пару раз воспользовался микрокалькулятором. Кофе он пил тоже почти непрерывно. Ни с кем не обменялся и словом. Лишь изредка он поднимал усталые глаза от текста, но слежки со стороны Дженнифер не заметил.

В начале девятого Дженнифер поняла, что Вебб собирается уходить. Его движения внезапно изменили свой характер, в нём было заметно какое-то беспокойство.

— Вы прямо кофейный наркоман, — сказала она, подойдя к столу и указывая на целый ряд пластмассовых чашечек из-под кофе, выстроившихся на полу около его стола.

Вебб поднял на неё глаза и усмехнулся. Но улыбка его была отсутствующей; мыслями он был ещё далеко отсюда.

— Я подумала, — сказала она, — что если вы уже решили закончить на сегодня и если у вас нет другой программы на вечер...

Он встал, немножко ошарашенный.

— Именно это я и сам подумал. А программы на сегодняшний вечер у меня нет никакой.

— Тогда, может быть, мы пойдём куда-нибудь поужинать? Куда-нибудь поблизости?

— Отличная идея, — сказал Вебб и захлопнул свой фолиант. Потом он удивлённо взглянул на часы и охнул, — Господи, и куда же это день подевался?

— Когда человек славно развлекается, время бежит быстро, — ответно улыбнулась Дженнифер, стараясь незаметно прочесть название сборника распечаток, лежащего на столе у Вебба. «Дисковая подсистема», — прочла она наконец и подумала, что особенно забавным это чтение трудно назвать, особенно, когда читаешь его впервые.

— Как вода, — согласился Вебб, тоже улыбаясь. Он надел пиджак и просмотрел содержимое своего «дипломата». Проверил дважды, причём второй раз очень тщательно. Потом начал вдруг открывать один за другим ящики стола, проверил содержимое карманов своего пиджака.

— Вы что-то потеряли? — поинтересовалась Дженнифер.

— Письмо. Я думал, что оно у меня с собой, но наверное...

— Что-то важное?

— Да нет. Пара пустых слов от одного человека из Челси.

— Да? — протянула она, пожимая плечами.

— От директора банка, где у меня счёт, Дженнифер, — пояснил он.

— Ах, вот как.

Вебб отказался от дальнейших поисков.

— Если честно, — улыбнулась Дженнифер, — ты вы как раз очень похожи на человека, который перерасходовал свой счёт в банке. Впрочем, это относится к любому мужчине, который похож на мужчину.

***

Она вела его тихими пустыми улочками, дорогой, которую он не знал, куда-то к северу, в направлении Бейкер-стрит.

— Я мог бы взять машину, — сказал Вебб.

— Я люблю ходить пешком, — ответила Дженнифер, а через секунду добавила, — кроме того, меня мама предупреждала, что надо быть осторожнее с парнями, у которых дорогие иностранные машины.

— Да?.. — протянул Вебб. Машину она, конечно, могла заметить в гараже. А проверить по номеру, кто владелец — это пара пустяков.

Совсем рядом от вычислительного центра им пришлось пройти по особенно узкой и тёмной улочке. На одной её стороне была стройка, огороженная забором, который ещё больше сужал и без того не слишком широкий тротуар. В заборе была дыра. Надпись рядом с нею гласила «Окошко общественного контроля» и Вебб остановился, чтобы заглянуть внутрь. Он увидел глубокую канаву, спускающуюся значительно ниже уровня мостовой, тёмную и осыпающуюся. На стройплощадке стояли ярко-жёлтые строительные машины, застывшие, будто их заколдовал волшебник. Здесь шла перестройка старинного дома. Строители оставили от него только фасад, укрепив его лесами из уже проржавевших стальных труб. В слабом свете дежурного освещения это сооружение выглядело совершенно фантастически.

У въезда на стройку тротуар был покрыт глиной. Дженнифер поскользнулась и вынуждена была схватить Вебба за руку. Выпрямившись, она не стала ничего менять, и когда они двинулись дальше, ещё глубже просунула руку под локоть Вебба.

Наконец они добрались до маленькой полупустой пивной, недалеко от Мэриленбон Хай-стрит, и уселись с кружками пива в двойное овальное кожаное кресло, которое так и дышало стариной. Крашенный белой масляной краской потолок давно пожелтел от постоянного табачного дыма. Обычная скромная пивная.

— У меня была причина позвать вас сюда, — сказала она, наконец.

— Я догадывался, что это произойдёт.

— Нет, давайте говорить серьёзно, Кристофер...

— Пожалуйста, я уже совсем серьёзный, — ответил Вебб. — Я уже сделал самое серьёзное лицо, какое только могу! — и он сжал рот в узкую полосочку, состроив уморительно-серьёзную мину.

— Вы делаете мою задачу ещё тяжелее, чем я думала, — сказала Дженнифер. — Я хочу вам только сказать, что я точно знаю, чем вы сейчас занимаетесь!

Выпалив эти слова, Дженнифер поспешила запить их глотком пива.

— А чем я занимаюсь?

— Вы пытаетесь проникнуть в нашу систему. Обжудить её. Я хотела вас попросить... Не делайте этого больше, пожалуйста.

— Вы имеете в виду мою программу?

— Вот именно, её самую.

— Вы очень сообразительная леди, — усмехнулся Вебб.

— Это была простая случайность. Оператор вчера уронил вашу колоду перфокарт, и они перемешались. Я случайно была рядом. Я хотела ему только помочь, но при этом увидела, что, собственно, у вас на уме.

— Это всегда бывает чистой случайностью. Вы слышали о том, что девяносто пять процентов всех компьютерных преступлений были обнаружены чисто случайно?

Эти слова прозвучали куда легкомысленнее, чем Веббу самому хотелось бы.

— Здесь нет ничего забавного, — ответила Дженнифер, не принимая его тона.

«Вообще-то это так», — подумал Вебб. До сих пор никому не удавалось его поймать. Надо же, чтобы из всех людей на свете это удалось именно ей...

— Вообще-то, рано или поздно это и так должно было произойти, — пожала плечами Дженнифер. — Это была довольно неуклюжая программа, Кристофер. Если вы будете продолжать в том же духе, то вас засекут и другие. Её нельзя спрятать!

— Вы об этом кому-нибудь ещё говорили? — спросил Вебб уже вполне серьёзно.

— Пока нет. Но если бы мне пришлось, то...

— Вы поверили бы мне, если бы я сказал, что моей единственной целью было проверить вашу систему безопасности?

Дженнифер с минуту поиграла своим стаканом, прежде чем подняла глаза на Вебба.

— Я бы рада, но не могу, как-то у меня это не получается... Вы отдаёте себе отчёт в том, что такая идея приходит в голову каждому? Перед нами всеми висится громадина «БАНКНЕТа» и в нём кучи денег. Если бы удалось урвать себе хотя бы ноль целых, ноль ноль одну тысячную оборота наличных за день, эта сумма была бы совсем не плоха, а? И на первый взгляд это кажется таким простым. Да, только здесь, в вычислительном центре, сидят лишь исключительно квалифицированные и умные люди, просто такая уж у нас тут компания подобралась, а потому это и не проходит.

— От скромности вы не умрёте, — засмеялся Вебб.

— Но это действительно так, Кристофер. — Она положила свою ладонь на его руку. — Это совершенно идиотская идея, понимаете? Если вас хотя бы раз поймают, вам придётся менять профессию. Не знаю, как вы, а я бы этого не пережила!

— Наше ремесло не сулит нам золотых гор, — сказал Вебб. — Можете, конечно, гордиться тем, что вы интеллектуальная элита, но получаете-то вы немногим больше средней зарплаты.

— Это уже второстепенно, — отрезала Дженнифер и, сделав ещё один глоток, добавила, — а вообще, второй прогон вашей программы я сегодня отменила. Я сказала, что вы нашли в программе какую-то ошибку.

— Это вы правильно сделали, спасибо.

— Ваши перфокарты ещё находятся в машинном зале. Но не пускайте их второй раз, прошу вас. Обещайте это хотя бы ради меня, если не ради себя.

— Знаете что, Дженнифер, вы совершенно правы. Эта программа была не слишком хитроумна. Если бы я снова попытался её составить...

— Я жду вашего обещания.

— Обещаю, обещаю, даю вам своё слово, — махнул рукой Вебб, особенно не огорчившись. Идея добраться до тайной информации с помощью собственной программы была лишь жестом отчаяния. Теперь, когда он обнаружил манипуляции с операционной системой, от такой попытки можно было отказаться...

Дженнифер улыбнулась.

— Честно говоря, эта программа была составлена просто ужасно. У вас не было ни малейшего шанса на успех!

— Что вы говорите? А вы знаете, как такую программу составить с гарантией на успех? — ответно улыбнулся Вебб.

— Надеюсь, вы не хотите от меня подробных инструкций на этот счёт, — засмеялась Дженнифер. — Я бы с удовольствием ещё чего-нибудь выпила.

Пока бармен готовил им коктейли, Вебб размышлял, что, собственно, движет Дженнифер. Может быть, она была искренней, когда говорила, что опасается лишь за него. Вполне вероятно. Но не исключено, что она просто хотела предотвратить попытку слишком уж неуклюжего взлома «БАНКНЕТа», попытку, которая могла вызвать ненужный шум и создать угрозу её собственному, куда более хитроумному плану. Но сейчас это перестало его заботить. В объятьях глубокого кожаного кресла она выглядела особенно привлекательной.

Когда он вернулся к ней с полными стаканами, то сел вплотную и положил руку за спинку кресла.

— Меня немножко успокаивает лишь то, что и вы тоже думали над тем, как обжужить систему, — сказал Вебб.

— Да, я думала об этом, но не слишком долго, и не особенно упорно, — улыбнулась Дженнифер и оперлась головой на плечо Вебба.

— Ну и до чего вы додумались? Что вам бы это удалось сделать незаметно?

— Это немножко коварный вопрос.

— Есть такое дело, — согласился Вебб.

— Думаю, что это не удалось бы и мне.

— И потому вы сдались?

— Потому. А ещё потому что я честная девушка.

— Средневековая порядочность гордо поднимает голову!

— Ничем не могу помочь, уж так я воспитана, — защищалась Дженнифер. — Папа — адвокат, мама — юрисконсульт, чего же ещё можно было ожидать?

Дженнифер начала смущённо рыться в сумочке.

— А почему вы считаете, что такую попытку нельзя предпринять незаметно?

— Этого не сделаешь, когда за тобой кто-то постоянно и внимательно наблюдает, за тобой и всей твоей командой.

— Алловей?

— Он самый.

— А кто смотрит за ним?

— Никто, насколько я знаю. Во всяком случае, никто, кто обладал бы техническими возможностями для детального изучения «БАНКНЕТа».

— Так я и думал, — скорее сам себе сказал Вебб.

— Да что вы, — испугалась Дженнифер, как будто прочла его мысли, — вы ошибаетесь. Мартин таким делом заняться не может.

— Женская интуиция?

— Возможно. Скорее всего так. — Она поглубже уселась в кресло и повернула к

нему лицо. — О вас, например, я сразу могла сказать, что вы попытаетесь обжулить «БАНКНЕТ». Я поняла это в первый же день. Это как-то сразу заметно по тому, как вы одеваетесь, какая у вас машина — по всему. Но сколько бы вам ни принесла удачная попытка, вы бы ухитрились всё равно всё это спустить!

— Я бы, во всяком случае, сделал такую попытку. — Вебб постарался сохранить легкомысленный тон, но его неприятно поразила точность её оценки.

— С Мартином всё совсем иначе, — сказала Дженнифер. — Вы знаете, например, что у него всего два костюма и к тому же оба совершенно одинаковые?! Недавно он пришёл откуда-то после обеда и принёс такой же костюм, как тот, что был на нём самом, из химчистки. Вы можете себе это вообще представить, Кристофер? Только два костюма и оба совершенно одинаковые. На вас вот я никогда не видела ни одной вещи дважды. Ни рубашки, ни галстука, ни пиджака.

— О, похоже, что вы за мной тщательно приглядывали, — тоном дружеского упрёка произнёс Вебб.

— Да, я тоже за собой это заметила. — Её глаза при этом признании потемнели, напомнив ему их первую встречу.

Она допила последние капли коктейля, принесённого Веббом, встала и начала разглаживать пальто.

— Вам не трудно будет отвезти меня домой?

— Напротив!

— Я живу недалеко. Это в Путни.

— Об этом можно было догадаться, — сказал Вебб. — Район как раз для вас. От города недалеко, спокойно — типичный район преуспевающего мещанства. — Ему, непонятно почему, вдруг захотелось уколоть её.

— Вы у нас настоящий пророк, — спокойно ответила она.

***

Вебб попытался приспособиться к густому сумраку спальни.

— Я была совсем плоха. Наверное, я перенервничала...

— Я этого не заметил. — Конечно, он это почувствовал, но сейчас его это как-то не волновало. Его ладонь медленно блуждала по её груди.

— Здесь у меня тоже не слишком много, правда?

— Вполне достаточно.

— Брось, я знаю, что все мужчины любят большую грудь, так что можешь меня не щадить.

— Я специализируюсь главным образом по мордашкам, — сказал Вебб. — И по глазкам.

Внезапно она села.

— Я хочу пить. Тебе тоже принести?

— Если у тебя есть жидкая энергия, — ответил Вебб, — то я бы готов был выпить хоть литр!

Она пересекла комнату и на минуту вдруг застыла в дверях, как будто что-то забыла. Её миниатюрный силуэт в рамке двери, казалось, принадлежит куда более юной девушке. Её тело нельзя было назвать особенно волнующим, но смотреть на него было приятно. Вебб откинулся навзничь и закрыл глаза, чтобы запомнить этот образ.

Она вернулась с двумя стаканами виски со льдом и села на кровать. Её стакан был, к удивлению Вебба, налит почти до краёв.

— Ты даже не можешь себе представить, — сказала она так тихо, что он еле услышал, — как одинок может быть человек в этом вычислительном центре. Ты этого, наверное, не замечаешь — вроде бы так много столов, один подле другого. Но от этого одиночество только хуже.

— Я почувствовал это, — ответил Вебб и тихо погладил её кончиками пальцев по нежной коже спины.

— Но ты пришелец. А попробуй себе представить, что значит осесть среди этих столов навсегда. Особенно, когда ты женщина! — она замолкла и сделала нервный глоток из своего стакана.

— Но у тебя же там хорошо идут дела!

— А что мне ещё остаётся? У меня хорошее положение, я первая после Мартина. Но я не могу позволить, чтобы окружающие заметили, будто я кому-то отдаю предпочтение, к кому-то отношусь лучше, чем к остальным. Мужчине бы это простили, мне — никогда.

По улице проехал автомобиль, и от света его фар в комнате на мгновение стало чуть светлее. Он увидел её глаза, распахнутые широко-широко и беззащитные, как у ночного зверька, внезапно попавшего в луч прожектора. Глаза её казались более влажными, мягкими, нежными, чем обычно. «Контактные линзы!» — ахнув про себя, вдруг понял Вебб. Синтетика. Он-то увлёкся этими глазами, а на самом деле это была проклятая синтетика! Но от такого открытия Дженнифер вдруг показалась ему особенно ранимой и от этого ещё более привлекательной.

Она заметила, что он её разглядывает и наклонилась к нему, неверно поняв его мысли.

— Только не думай, что я твоя добыча, Кристофер, пусть тебе даже мысль такая в голову не приходит! Если уж на то пошло, то всё обстоит как раз наоборот. Это я тебя пригласила, ты ещё это помнишь или нет?

— Скажем, что наши заслуги в этом деле равны, идёт?

Она легла рядом.

— Идёт.

Вебб прижал свой нос к её и начал водить им медленными движениями, маленькими кругами, одновременно прочерчивая кончиком языка такие же круги на её лице.

— Ты останешься на всю ночь? — спросила она у него.

— Я не должен возвращаться к законной супруге, если ты хотела спросить об этом.

— Возвращаться?..

— Я даже и не знаю точно, где сейчас Алисон находится. Алисон — это моя жена. Она настоящая стерва.

— Как правило, жёны — это стервы, — сказала Дженнифер философски. Потом наклонилась над ним и спросила, — Что ты хочешь на завтрак, Кристофер? Что-нибудь солидное или ограничишься гренками с джемом?

— На завтрак? — Вебб рассмеялся. Он понятия не имел, сколько сейчас времени, но, по его прикидкам, не миновала ещё и полночь.

Пятница. Изучая операционную систему, Вебб добрался до инструкции номер двадцать пять тысяч. Двадцать пять тысяч инструкций! Пройдена примерно треть пути и всё ещё ни малейшего следа какой-нибудь вставки.

«С „Кестрелл“ всё было по-другому», — с грустью вспомнил он. — «Не говоря уж об „Лондон Альянс“». Правда, у них вычислительные системы несравнимо проще. Но главное — там у него под рукой всегда был Харви. Харви глотал распечатки программ целыми страницами, читая их так, как немногие умеют читать книги. Как он был сейчас нужен Веббу! На худой конец сошёл бы и Кеннеди, но этот сопляк катается себе на лыжах. Красуется там, небось, перед такими же соплячками, а тут у Вебба работы непочатый край!

Вебб откинулся в кресле и закрыл глаза. Он думал об операции в «Лондон Альянс», снова переживая тот радостный миг в подземном складе, когда они вместе с Харви застучали этого парня прямо на месте преступления. Как же звали ихнего шефа службы безопасности? Вебб никак не мог вспомнить, хотя помнил, что фамилия была несложной.

Что-то его тревожило, какая-то мысль требовала выхода и скреблась в подсознании. Это было как-то связано с «Лондон Альянс», и это было что-то важное. Или, во всяком случае, подсознание сочло это важным. Что же это было? Он рылся в памяти, но никак не мог локализовать источник своего беспокойства. Он попытался забраться ещё глубже в недра памяти, но мысль-невидимка всё время ускользала, и только тень её свидетельствовала, что она ещё не исчезла совсем. У компьютера такой бы проблемы не возникло. Пусть он нем, но зато ничего не забывает.

Вебб предпринял ещё одну попытку. Мысленно он начал снова слово за словом перебирать ночную сцену в подземелье под Ломбард-стрит. С удивлением он обнаружил, что в его памяти застряли такие детали той ночи, на которые он тогда, казалось бы, и не обратил внимания, и, в то же время, какие-то моменты полностью выпали из сценария. Картина событий прерывалась многоминутными пробелами. Чамберс была фамилия этого парня из безопасности! Чамберс! А то, что он сейчас так тщетно пытается вспомнить, как-то связано с тем, что тогда говорил этот Чамберс. Нет, пожалуй, это связано с тем, о чём он спрашивал, когда они пытались ему объяснить, что, собственно, происходит в компьютере. Точно! Теперь он знал это уже точно. Это касалось вставок в программы. Да, это было оно. Вебб ему тогда объяснил, что это такое — жульническая вставка.

«Что это за чертовщина, эта ваша вставка?» — кажется, спросил тогда Чамберс.

«Это изменение в программе, осуществлённое уже после того, как программа была записана и отлажена», — ответил ему тогда Вебб. — «Если кто-нибудь будет потом изучать запись программы, он не найдёт ни следа такой вставки».

И тогда Чамберс сказал: «Но ведь это значило бы...»

«Да», — понял вдруг со всей остротой Вебб, — «ведь это значило бы...» — ошеломлённый собственной тупостью, он уставился на кипу бумаг перед собой. — *«Если кто-нибудь будет потом изучать запись программы, он не найдёт ни следа такой вставки»*.

Жестом капитуляции он отодвинул все распечатки в сторону, потом очень медленно встал и двинулся к выходу. Ему казалось, что глаза всех присутствующих обращены на него и это ощущение помогло ему сохранить спокойствие до тех пор, пока двери зала не закрылись за ним. И только в коридоре он дал волю своим истинным чувствам. Изо всей силы он ударил кулаком по кабине лифта, ударил так, что ему стало больно. Но именно этого он и хотел.

«Ах ты, засранец!», — покрыв он сам себя. — «Ты, болван пустоголовый! И ты ещё смеешь называть себя профессионалом!»

***

Сьюзен Фолкнер наверняка услышала, когда он с визгом тормозов припарковался у противоположного тротуара, двумя колёсами заехав на поребрик. Когда он вошёл в приёмную, на подносике рядом с её машинкой уже дымился свежий кофе.

— Бывают минуты... — начал он, но передумал и сказал что-то совсем иное. — Сегодня я понял, что порою бываю полным идиотом.

— Это как-то связано с «Уотерманом»? — спросила она его участливо. — Что-то случилось?

— Об «Уотермане» я больше не желаю слышать ни слова, — резко сказал Вебб.

— «Уотерман»? — спросила она его, широко открыв глаза. — В жизни не слыхала этой фамилии.

Вебб попытался хотя бы внешне сохранить спокойствие и спросил у неё:

— Когда должен вернуться Джек?

— Если считать с будущего понедельника, то через неделю.

— Я подожду до той поры. Одну неделю я уже впустую потратил, так что ещё одна неделя погоды не сделает.

— Эндрию Шалтон, кажется, доверил ему какую-то самостоятельную работу, Крис...

— Это мы ещё посмотрим, — отрезал Вебб. Он повернулся и уставился в окно, будто забыв, что Сьюзен находится рядом.

— У меня тут для тебя гора всяких документов и дел, — начала она осторожно.

— Тем лучше, — бросил он через плечо. — Что угодно, лишь бы хоть на минуту забыть об этом проклятом «БАНКНЕТе»!

В кассете для бумаг на её столе высилась огромная куча служебных документов, писем и извещений. На самом верху стояла карточка с крупной красной надписью «СРОЧНО». Трудно было найти лучший способ, чтобы продемонстрировать всем сотрудникам «СисТех», как Вебб не справляется со своими обязанностями! Сьюзен перенесла эту кассету на стол Вебба и уселась рядом, ожидая распоряжений. Почти на самом верху бумажной горы Вебб обнаружил листок бумаги, исписанный аккуратным почерком Сьюзен:

«Звонил Майк Харви. Своего решения он менять не собирает, он спрашивает, осознал ли ты, что чтение распечаток не принесёт никакой пользы? Не собираешься ли ты вместо этого проанализировать распечатки из оперативной памяти после прогона отлаживаемых программ? Это ведь единственный путь что-то найти. (Он сам так поступал в „Лондон Альянс“, если ты не забыл). Он желает тебе удачной охоты и интересуется, не уступить ли тебе Анджелу, когда она ему надоест?»

— Когда он звонил? — зловеще спросил Вебб и помахал запиской перед носом Сьюзен.

— Два дня назад. По-моему, в понедельник...

— Ну, спасибо тебе, — сказал Вебб с горьким сарказмом.

— Но он ничего не сказал мне в том смысле, что это «СРОЧНО», действительно «СРОЧНО»!

— Ладно, проехали, — сказал Вебб более мирным тоном. В конце концов, какая теперь разница?!

Сьюзен повернулась и двинулась к двери, но Вебб остановил её.

— Послушай, Сьюзен, у меня есть для тебя работа.

Она вернулась и снова присела у стола, приготовив блокнот и ручку.

— Заготовь мне, пожалуйста, конверты для писем возможным будущим клиентам, Сью. Мне нужно будет конвертов двадцать. Имена выбери в сводном регистре фирм. Коричневые конверты, формат А4, сверху напечатай «ЧАСТНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ». Договорились?

— Сейчас я этим займусь. Но в этом регистре сотни фирм, Крис. О каких двадцати должна идти речь?

— О любых двадцати, — Вебб устало усмехнулся. — Выбери уж, пожалуйста, сама.

Он проработал несколько часов подряд, разбирая корреспонденцию, отчёты о проделанной работе и прочую внутреннюю переписку.

Его оторвал звонок внутреннего телефона — Сьюзен сообщила, что звонит некий господин Кэртис.

— Кэртис?.. — удивился Вебб. Это имя было ему откуда-то знакомо, подсознание подсказывало даже, что он сталкивался с ним недавно, но когда и в какой связи, он вспомнить не мог.

— Это шеф банка, где у тебя счёт.

— А, чёрт!.. Как он себя держит?

— Трудно сказать. Я бы сказала, как управляющий банком.

— Ну что делать, соедини меня с ним, — сказал Вебб обречённо.

— Как поживаете? — начал разговор Кэртис. Его церемонность сегодня показалась Веббу ещё более неприятной, чем обычно.

Вебб проинформировал его, что поживает он неплохо, поинтересовался здоровьем собеседника и узнал, что тому не на что жаловаться. И всё-таки Кэртис говорил как-то не так, как всегда, он явно нервничал, сильно нервничал, Вебб почувствовал это по голосу.

— Простите, господин Вебб, я не знаю, достаточно ли исправно работает наша почта и получили ли вы уже это моё письмо?

— Да, — заколебался Вебб. — Я хотел вам...

— Я имею в виду письмо, отправленное мною сегодня утром.

— Нет, это письмо я ещё не получил.

Ещё одно письмо! Чёрт побери, ну и свиньи же они, эти банкиры.

— Ах, вот как, — с явным облегчением выдохнул Кэртис. — Тогда будьте так любезны и сделайте для меня кое-что, ладно? Не принимайте его вообще во внимание, когда оно к вам придёт. Просто проигнорируйте его. Оно немного... хм, слишком прямое, в этом всё дело. Когда я его вчера писал, то... Это всё нынешняя дикая зима... Знаете, человек в подобных случаях думает не только об интересах банка, вы меня понимаете. Мы стараемся делать то, что было бы самым лучшим для нашего клиента. Я надеюсь, что вы это заметили?

— Конечно, — ответил Вебб, ничего не понимая, но ощущая необходимость как-то заполнить неловкую паузу, возникшую после вопроса Кэртиса.

— Меня это *действительно* чрезвычайно огорчает, господин Вебб. Конечно, если бы вы хоть словом намекнули, что дела развиваются в вашу пользу, я бы ни в коем случае не прибег к подобной форме. Нечего и говорить, я могу лишь принести вам свои извинения. Что ещё я вам могу сказать?

— Ну, конечно, — механически промямлил Вебб, ровным счётом ничего не поняв.

— Или вы хотите, чтобы я выразил свои извинения в письменной форме? Что

называется, по полному протоколу?

Вебб как будто со стороны услышал свой голос, сообщающий собеседнику, что он, конечно же, не нуждается в письменных извинениях.

— Господин Кэртис, — сказал он, постепенно начиная осваиваться с ситуацией, — давайте считать этот инцидент забытым. Кстати, я хотел бы проверить — какова окончательная сумма на моём счёте? Порядок есть порядок, сами понимаете.

— На ваш счёт мы занесли сумму ровно в девять тысяч фунтов стерлингов.

— Вы сказали девять тысяч?

— Совершенно верно.

На секунду у Вебба возникло желание крикнуть в трубку, что это какая-то ошибка. Но он сказал лишь:

— Да, всё верно. Так и должно быть.

«Пусть они сами всё проверят», — решил он. — «В конце концов, может быть, они и не разберутся и эти деньги останутся у меня».

— Остаток, после возмещения вашей задолженности по счетам и чекам, составил немногим более шести тысяч, — уже более спокойным голосом продолжал Кэртис. — Если у вас на эти деньги пока нет никаких видов, то я рекомендовал бы вам перенести основную часть этой суммы на новый счёт с более выгодным процентом. Это позволило бы вам получить этакий солидный резерв, понимаете? Что вы об этом скажете?

Вебб ответил, что это звучит заманчиво и пообещал, что скоро заедет в банк сам и подпишет распоряжение об открытии нового счёта. Положив трубку, он остался сидеть неподвижно, уставившись на аппарат как на очковую змею, внезапно заползшую на его стол.

Наконец Сьюзен спросила:

— Что-то случилось, Крис?

— Ты веришь в призраки, Сью?

— Обычно нет.

— Я тоже, — сказал Вебб. — И, наверное, зря...

***

Он спустился в подвал, к дисплею. Он хотел остаться один, хотел спокойно всё обдумать. У него не раз так бывало, что проблемы лучше всего решались вот здесь — в кресле у дисплея. Компьютер — идеальный собеседник, он ничего не требует, отвечает по первому требованию, никогда сам по себе не меняет темы разговора. Порою Веббу казалось, что компьютер — это вообще лучший партнёр, которого человек может найти.

Он закрыл за собой дверь и включил дисплей. Затем набрал код терминальной системы, которой пользовались сотрудники «СисТех» и сообщил машине свой персональный числовой код.

— ПРОГРАММА? — поинтересовался дисплей.

— 21, — набрал Вебб.

Где-то вдали компьютер несколько мгновений проверял содержимое своей памяти, а потом подтвердил:

— ДВАДЦАТЬ ОДИН

А через секунду добавил:

— ПАРТИЯ НОМЕР 7033

— Уже? — удивлённо пробормотал Вебб.

— СООБЩИТЕ МИНИМАЛЬНУЮ И МАКСИМАЛЬНУЮ СТАВКИ, — потребовал компьютер.

Вебб отстучал — один фунт и пятьдесят фунтов.

— ВСКРЫТА НОВАЯ КОЛОДА КАРТ, — сообщил компьютер. — РАЗДАЮ КАРТЫ ДЛЯ ПЕРВОЙ ИГРЫ СЕГОДНЯШНЕЙ ПАРТИИ
СТАВКА?

Вебб задал пять фунтов.

— КАРТА ДИЛЕРА == ТУЗ

ВАШИ КАРТЫ == 4 А 8

— СЛЕДУЮЩУЮ КАРТУ, — без колебаний потребовал Вебб и компьютер вытащил ему шестёрку. Через несколько мгновений Вебб набрал двадцать один и выиграл.

Началась следующая игра. Вебб участвовал в ней чисто механически, потому что мыслями он забрёл уже далеко отсюда. Откуда могли взяться эти деньги на его счёте? Это определённо не было ошибкой. Подобных ошибок не бывает, особенно тогда, когда они вам особенно нужны. И уж тем более они не происходят в банках. Где-то вдали терпеливо ждал компьютер, он был готов ждать хоть целый день. Но Вебб вскоре опомнился и поставил кругленькую сумму на карту, которая казалась весьма многообещающей. Выиграл компьютер.

— РАЗДАЮ КАРТЫ ДЛЯ ТРЕТЬЕЙ ИГРЫ СЕГОДНЯШНЕЙ ПАРТИИ, — немедленно сообщил компьютер.

Вебб снова заставлял его ждать. «Откуда могли взяться эти деньги?» Он не имел с банком «Уотерман» никаких коммерческих связей, но постепенно у него усиливалось неприятное ощущение, что эти загадочные деньги каким-то образом были связаны с «БАНКНЕТОМ». Сейчас эта связь уже казалась ему совершенно очевидной, просто этими деньгами его одарили? И за что?

Движимый внезапным импульсом, он вдруг спросил у компьютера:

— ОТКУДА ВЗЯЛИСЬ ЭТИ 9 ТЫСЯЧ ФУНТОВ?

— НАРУШЕНИЕ ПРАВИЛ ИГРЫ, — ответил компьютер.

— И я так думаю, — тихо прошептал Вебб.

Кто-то настойчиво постучал в дверь. Когда Вебб открыл, его взору предстала Сьюзен, совершенно запыхавшаяся от бега по лестницам.

— Я пыталась тебе дозвониться, — выпалили она, чуть отдышавшись, — но у тебя тут занято.

— Я соединён с компьютером, — объяснил Вебб. Снятая трубка лежала позади него. Он встал так, чтобы Сьюзен не видела текста на экране дисплея.

— Тебе звонят от «Уотермана», из лондонского вычислительного центра. У телефона их ведущий оператор. Он ждёт тебя.

— А в чём дело? Он не сказал?

— Это из-за какой-то твоей программы.

— Какой программы?

— Той, которую они там в вычислительном центре должны были для тебя прогнать. Честно говоря, я не всё успела записать...

Она сделала таинственный вид и намекаяще сказала:

— Не знаю, почему, но, по-моему, он очень взволнован...

— Можешь спокойно идти обратно и сказать ему, что сегодня я никакой

программы не запускал.

— Но он же сказал...

— Иди и сделай, пожалуйста, то, что я тебе сказал, Сью, хорошо?

Как только она ушла, он вдруг сообразил, что забыл забрать свою колоду перфокарт с программой из машинного зала. Значит, её могли по ошибке запустить в работу. Ему стало немножко не по себе. Уже второй недосмотр в течение дня. У него возникли какие-то недобрые предчувствия.

Додумать свои мысли до конца Вебб не успел — в подвал снова ворвалась Сьюзен, ещё более запыхавшаяся и разозлённая.

— Может быть, ты всё же будешь так любезен и пойдёшь с этим человеком сам поговоришь, Крис? Я его вообще понять не могу, но, похоже, дело нешуточное!

— Ты сказала ему, что я сегодня на прогон программы не сдавал?

— А он говорит, что сдавал, что на дисплее твоё имя, что он ещё не ослеп и читать не разучился. А ещё он сказал, что ты им своей программой чуть не развалил всю систему и ещё счастье, что они это вовремя заметили и программу застопорили. Это точный термин, Крис? Застопорили?

— Что-что он тебе сказал, Сью?

— Что ты смазал половину программ «БАНКНЕТа»! Уж лучше бы ты сам пошёл с ним поговорить, Крис!

— Так, — протянул Вебб. — Пожалуй, ты права.

18

Едва придя в понедельник утром на работу, Мартин Алловей нашёл на столе докладную записку. Как явствовало из записки, программа, сданная господином Веббом на отладку, испортила и даже уничтожила значительную часть программ системы «БАНКНЕТ». В результате лондонский вычислительный центр тридцать шесть минут не функционировал, и управление всей национальной системой «БАНКНЕТ» автоматически принял на себя манчестерский вычислительный центр. Авария произошла в нерабочее для основных банковских служб время, и потому системные операции пострадали незначительно. Все необходимые меры предосторожности оправдали себя полностью. Тем не менее, как указывалось в докладе, «внезапная авария, затронувшая важнейшие программы „БАНКНЕТа“, показала, что ситуацию нельзя недооценивать».

Алловей спокойно взвесил, что ему делать дальше. Несомненно, надо будет подготовить доклад о происшествии для Алекса Харрингтона. Но тут были один-два вопроса, которые ему хотелось бы вначале выяснить самому. Он поднял трубку и набрал номер.

***

Вебб интуитивно угадал, кто ему звонит.

— Я ожидаю от вас разъяснений, — начал Алловей без всяких околичностей. — Вы понимаете, что я имею в виду?

— Догадываюсь, — ответил Вебб, уразумев, что сейчас не время оправдываться.

— Что вы скажете, если мы сегодня отправимся вдвоём пообедать?

— Почему бы и нет.

— Наш барак охраняется почище любой военной базы. Устройств безопасности больше, чем в каталоге, а когда надо поговорить о безопасности банка, то приходится

отправляться в ресторан. Но если так делает сам Алекс, то почему бы и нам не последовать его примеру?

— Вообще-то, мы могли бы поговорить и в конференц-зале, — попытался предложить Вебб в надежде, что это позволить ему быстрее миновать неприятный эпизод.

— Ни в коем случае, мы обязательно последуем прекрасному примеру нашего дорогого шефа, — стоял на своём Алловей. — Лично мне что-то захотелось рыбы. Что вы скажете по этому поводу?

— Отлично.

— «Пескатори» на Шарлотт-стрит — это, по-моему, лучший вариант. Во время обеда там всегда полно народу и жуткий шум. Более укромное место трудно представить. Встречаемся в час дня, — сказал Алловей. — Договорились? Стол я закажу на своё имя.

***

Вебб подъехал к итальянскому ресторанчику минута в минуту. Его провели к маленькому столику на двоих в углу зала. Было шумно, хотя народу было немного. Главным украшением зала была подвешенная к потолку крупноячеистая рыбацкая сеть, а в центре её — настоящая рыбацкая лодка.

Миновало четверть часа, а Алловей не было и в помине. Не похоже было, что он относился к категории людей, вечно опаздывающих. Скорее всего, его опоздание было намеренным. Вебб заказал себе аперитив, ждал и нервно поигрывал вилочкой.

Алловей появился лишь в половине второго и, не извиняясь, уселся за стол, потирая замёрзшие руки.

— Сразу видно, что вы оптимист, — хмыкнув вместо приветствия, указал он на стоящий перед Веббом стакан «Кампари». — Лучше всего смотреть на мир сквозь розовый стаканчик, так, что ли? — восхищённый собственной шуткой, он громко захохотал. — Вы уже что-нибудь заказали?

— Нет, я ждал вас.

— Мы ведь собирались пойти куда-нибудь пообедать вместе, забыли?

— Я звонил вам несколько раз на прошлой неделе, но вас не было на месте.

— Манчестер, — пояснил Алловей. — Их там буквально приходится водить за ручку. Они не в состоянии сделать даже самых простых вещей. — Он перечитывал меню и задумчиво оттопыривал губы, как обиженный ребёнок. — Вы любите поесть, Вебб?

— Вкусно покушать я рад всегда.

— Я страшно люблю покушать, — сказал Алловей с подлинным волнением в голосе. — Но выбрать меняю... Для меня это настоящая проблема. Приличный обед ведь должен состоять не меньше чем из трёх блюд, а каждое из этих блюд приходится выбирать минимум из десяти наименований. На работе я как-то не возражаю против занятий математикой. Но заниматься прикладной комбинаторикой у ресторанного стола, когда каждая ошибка немедленно отзовется у тебя в желудке... — он крепко похлопал себя по животу и вернулся к изучению меню.

— Вы сказали, что хотите поговорить о проблемах безопасности банка, — напомнил Вебб, стараясь как можно отчётливее довести до сознания собеседника своё нетерпение.

Но Алловей пропустил его слова мимо ушей.

— А ведь решение найти совсем несложно, — гнул он своё. — Надо просто в каждый приличный ресторан поставить по дисплею. Неплохая идея, а? Бах-трах и готово — вам на стол уже подают подходящий обед!

— Неплохо придумано, — вежливо согласился Вебб.

— И вообще, компьютеры у нас используют не на то, что надо, — воодушевившись, начал развивать тему Алловей. — Если я, например, хочу развлечься с девушкой, почету это должно быть для меня проблемой?! Вы мне скажете, что кое-кто уже до этого додумался, но скажите честно — вы когда-нибудь пробовали вызвать себе девушку с помощью этой автоматизированной диспетчерской?

— Однажды было, — признался Вебб, не в силах сдержать улыбку. — Она носила бифокальные очки и была полна железобетонной решимости остаться девственницей. Я заставил их вернуть мне деньги.

— Вот именно. Эти парни просто не представляют того, как можно использовать огромные возможности компьютеров! Удовольствие было бы всеобщим. А ведь именно к этому мы стремимся, не так ли?

— Зачем, собственно, вы хотели со мной встретиться? — снова пошёл в наступление Вебб. — Не для того же, чтобы поделиться со мной планами создания электронной сводни?

— Это вы хорошо сказали, Вебб. Электронная сводня — звучит совсем неплохо!

— Вы мне немножко напоминаете Харрингтона, — ответил Вебб. — Он такой же любитель ходить вокруг да около.

Сравнение с Харрингтоном подействовало сразу же. Алловей посерьёзnel:

— Знаете, Алекс вполне приличный мужик, но о компьютерах не знает ни хрена. Может, поэтому он и нуждается в вас, чтобы вы ему немножко проверили наш «БАНКНЕТ». Теперь я говорю о деле?

— Продолжайте... — ответил Вебб равнодушно.

— Существует такая компания под названием «ДАСТ», парни которой крутятся вокруг нашего вычислительного центра и проверяют действенность мер безопасности. Когда я на прошлой неделе был в Манчестере, то и там я наткнулся на одного из их людей. Эта компания очень напоминает вашу, чуеете, куда я клоню?

— Они существенно больше нас, а мерами безопасности мы не занимаемся.

— Да бросьте вы! Вы появились у нас точно тогда же, когда и они. Ими руководит непосредственно Алекс Харрингтон. Вами тоже. Уже этой информации достаточно, чтобы человек мог сделать правильный вывод. Кроме того, Сонди подготовил для меня перечень материалов, которыми вы интересовались.

— Но Харрингтон же вам объяснил, что...

— Я предпочитаю верить вот этому, — отрезал Алловей и постучал себя вилочкой по лбу. — Когда вы должны представить свой отчёт? Ведь вы же должны будете как-то отчитаться о проделанной работе?

— Этот вопрос вам бы лучше задать непосредственно Харрингтону.

— А уничтожение программ «БАНКНЕТа» также было поручено вам непосредственно Харрингтоном? — язвительно осведомился Алловей и, прежде чем Вебб успел сообразить, что ему на это ответить, ответил сам, — Спорю на что угодно, что нет! Скорее всего, это — ваша небольшая личная инициатива, а?

Официантка принесла Алловейу ветчину, а перед Веббом поставила аппетитно курящуюся миску ухи.

— Может быть, вы мне всё же расскажете, что у вас произошло в пятницу с этой

программой-разрушительницей? — спросил Алловей негромко, отправляя в рот первый кусочек ветчины. Вебба удивила симпатия, внезапно прозвучавшая в голосе его собеседника.

— Я могу вам сказать только то, что знаю сам. Когда ваш оператор вызвал меня в вычислительный центр, я приехал туда немедленно. Проглядев колоду, я обнаружил, что кто-то подменил мне часть перфокарт — две карты исчезли, а вместо них появилось десять новых. Это был чистой воды подлог, Алловей. Именно он превратил мою программу в разрушительницу!

Алловей задумался:

— Допустим, что я вам поверю. Заметьте, что я сказал «допустим»! Но неужели вы верите, что и Алекс проглотит эту сказочку?

— Вряд ли, — задумчиво сказал Вебб. — Это было проделано чрезвычайно хитро. Я вам покажу эту колоду, когда мы вернёмся.

— И что же вы об этом думаете? Для чего это было проделано?

— Кто его знает... Уж скорее на этот вопрос могли бы ответить вы.

— А кто это мог сделать? Об этом вы тоже понятия не имеете?

— Для того, чтобы обдумать эту проблему, у меня был целый уикэнд. Понятие у меня есть, и даже довольно отчётливое.

— Так кто же это? — Алловей с явным интересом посмотрел на Вебба. Он даже на секунду перестал жевать и наклонился над столом, в упор уставившись на Вебба.

Вебб заколебался, явно не решив ещё, стоит ли ему высказывать своё подозрение вслух.

— Ну же, кто это? — не отставал от него Алловей.

— Не сердитесь. Я бы не хотел пока называть это имя.

— Ага... Значит, это кто-то из моих людей, не так ли? Но вы пока не хотите оскорблять наш коллектив своими подозрениями?

— Вот именно.

— Это с вашей стороны весьма благородно, — сказал Алловей. Потом заговорщицки подмигнул Веббу и поправился. — Или, точнее сказать, весьма галантно. Может быть, это слово более точно здесь подходит?

Он широко ухмыльнулся, когда увидел реакцию Вебба.

— Ну что ж, — сказал он, наконец прожевав. — Перейдём теперь к делу. Думаю, что в наших общих интересах было бы наладить сотрудничество.

— Слушаю вас.

Алловей осторожно огляделся по сторонам. Со всех сторон их окружал изолированный мерный шум, и это явно успокаивало Алловей.

— Вы, случаем, не получали в последнее время никаких сведений о состоянии своего банковского счёта? — спросил он вдруг у Вебба с явным удовольствием, и его глаза зажглись таким озорным светом, которого от него Вебб никак не ожидал.

— Во что вы, собственно, тут собираетесь играть? — зло спросил Вебб. — Игра в кошки-мышки меня не устраивает. Я вырос из этого возраста!

— А я люблю играть, точно зная карты противника. До сих пор я не знал точно, что, собственно, вы успели уже разнюхать, понятно? — он опять наклонился через стол и ядовитым шёпотом сказал Веббу, — Дырку от бублика вы знаете! И даже про рукава от жилетки вы не слышали!

Вебб, взяв себя в руки, удержался от ответа. Долгие минуты они молча смотрели друг другу в глаза, напоминая двух петухов, готовых сцепиться насмерть.

— Девять тысяч фунтов — неплохие деньги, — произнёс, наконец, Вебб больше для того, чтобы нарушить затянувшееся молчание. — Довольно неожиданный подарок.

— Какого чёрта, — изобразил Алловей удивление и возмущение, — это же не подарок, Вебб! Такие суммы никто просто так не дарит! Воспринимайте её как гонорар, который вы как консультант должны отработать!

— И как именно я должен это сделать?

Алловей отправил в рот очередной ломоть пармской ветчины и взмахнул вилкой в непосредственной близости от носа Вебба.

— Прекратите дальнейшие поиски, — сказал он с полным ртом. — Кончайте копать в моей системе! Вы представите Харрингтону свой доклад, и в нём будет написано, что «БАНКНЕТ» находится в идеальном состоянии. Короче, Вебб, перестаньте, наконец, действовать мне на нервы, ясно?!

— Это вызывает целый ряд довольно-таки пикантных вопросов, — не спеша проговорил Вебб. Он даже не сразу понял, что его пытаются подкупить.

— Спрашивайте, спрашивайте, — с подчёркнутой любезностью согласился Алловей. Но в этот момент к столу подошёл официант с вином, и разговор на минуту прервался.

— Девять тысяч фунтов, — медленно повторил Вебб. — И такая кругленькая сумма даётся мне только за то, чтобы я ничего не делал?

Его собеседник лишь молча кивнул в ответ.

— Это означает, что сами вы получите значительно большую сумму. Или... Что вы *уже получили* куда большую сумму.

— В сообразительности вам не откажешь. Но комментировать ваше заявление я не собираюсь.

— Это означает и то, что вы затратили на это дело немало времени и труда, не так ли?

— Больше года упорного труда. И я не позволю вам испортить мне обедню, ясно?!

— А что, если я не соглашусь? Что, если я сейчас поеду напрямик к Харрингтону и заложу вас? Расскажу ему всё, что я знаю. Что будет тогда, Алловей?

— Давайте, давайте, — ответил Алловей беззаботно. — Можете поехать к нему, даже не дожидаясь десерта. Только не забывайте, что это у вас, а не у меня на счёте вдруг появились девять тысяч фунтов стерлингов, перечисленных из банка «Уотерман».

— Это был хитрый шаг, — процедил сквозь зубы Вебб, — очень хитрый.

— Знаете, мне кажется, что ваш разговор протекал бы примерно так. Это буду я, вы, Алекс. Алловей поставил точно посередине стола солонку и перечницу и медленно, зигзагообразными движениями начал пододвигать к ним бутылочку с маслом для салата.

— Это Алекс, — сказал он и любовно погладил пробку, которой была закрыта бутылочка. — Для меня, конечно. Для вас это всё ещё господин Харрингтон. Жалко, не правда ли? Теперь, допустим, вы делаете первый ход в игре — идёте к Харрингтону. «Мартин Алловей готовит крупное хищение», — говорите вы ему. — «Или, может быть, уже осуществил его». «А как он это сделал?» — спрашивает Алекс. — «Вот это для меня проблема», — отвечаете вы. — «Я этого не знаю. Но если вы и я вместе будем ещё месяца два прочёсывать всю систему, проверяя одну инструкцию за другой, то, в конце концов, мы это поймём...»

Бутылочка с маслом отскочила от солонки и перекочевала к перечнице.

— «Послушай, Мартин», — скажет мне Алекс, — «а как эта история выглядит в твоём изложении?» — «учтите, что к этому моменту он уже будет смотреть на вас, как на почти безнадежный случай. — «Знаешь, Алекс», — отвечу я ему, — «я вот тут недавно наткнулся на одну очень странную программу. Во-первых, она противоречит установленному тобой порядку засекречивания данных, а во-вторых, она нам смазала половину системы...» — «А зачем, зачем же?» — спросит ошеломлённый Алекс, — «Трудно сказать», — пожму я плечами, — «у меня есть только догадка — может быть, это стирание программ должно было замаскировать следы ещё более странной программы Вебба?» — «Какой другой?» — спросит он тут. — «Может быть, той», — отвечу я, — «которая перевела на его счёт в другом банке девять тысяч фунтов стерлингов?» — «Но это же значит, что стервец Вебб затёр за собой все следы!» — возопит Алекс. — «Вот и не все, Алекс», — утешу я его. — «Деньги-то не в воздух взлетели! У Вебба есть счёт в „Нэшинэл Уэстминстер“. И он наверняка не сообразил, что в их компьютерной системе осталась подробная запись всей операции. Кстати», — добавлю я, — «с учётом того, что „БАНКНЕТ“ хранит подробный перечень всех операций, само обстоятельство, что сведения именно об этом денежном переводе отсутствуют, крайне настораживает. Или я не прав, Алекс?»

Своей перечницей Алловой так наподдал солонке-Веббу, что та перелетела почти весь стол и опрокинулась. Из её отверстий медленно высыпалась соль, образуя белую кучку на столе.

— Хитро придумано, — опять повторил Вебб.

— Очень хитро, — согласился Алловой.

— Вы, пожалуй, можете претендовать на место в «Книге рекордов Гиннеса», — не торопясь проговорил Вебб. — Одним движением руки обхитрить парня, опорочить и ещё купить его молчание. Наверное, вы первый компьютерный шантажист в мире...

— Слово «шантаж» мне не нравится, — резко прервал его Алловой.

— А что, если я всё же окажусь таким упрямым и рискну поговорить с Харрингтоном?

— Не смею препятствовать. Вот только хочу вам сообщить, что я выложил на стол ещё не все карты. На прошлой неделе вы оказались банкротом. А именно — вы перерасходовали деньги со своего счёта на три тысячи фунтов и «Нэшинэл Уэстминстер» жаждал вашей крови!

— Мой кейс, — яростно сжал кулаки Вебб. — Вы копались в моём кейсе!

— С невозмутимой усмешкой Алловой полез в карман и вытащил оттуда письмо Кэртиса, которое Вебб счёл потерянным. Он подержал листок секунду высоко над столом, а потом позволил ему медленно спланировать вниз.

Вебб схватил письмо. Да, в нём было всё, чтобы смешать его с землёй — сумма превышения счёта, номер счёта, мероприятия, которые Кэртис намеревался осуществить, чтобы взыскать с Вебба его долг банку. Письмо давало полную картину.

— Да, вы сильны, — процедил Вебб. — Действительно, очень-очень ловки...

— Очень-очень! — ухмыльнулся Алловой.

— А если я скажу, что девять тысяч для меня мало?

— Плевать я на это хотел. Эти девять тысяч — всё, что вы будете иметь на память об «Уотермане». Будете держать пасть на замке — и эти деньги останутся вашими. А начнёте поднимать волны — эти деньги станут для вас капканом. Советую подумать.

С минуту Вебб молча обдумывал слова Алловой, а потом сказал:

— А нет ли здесь ещё какого-нибудь подвоха?

— Подвоха? — Алловей изобразил огорчение, почти обиду. — Человек даёт вам деньги вперёд, а вы ещё спрашиваете, нет ли в этом подвоха?!

— О'кей. По рукам.

Алловей удовлетворённо кивнул головой.

— Люблю реалистов.

— Знаете, — задумчиво проговорил Вебб, — мне даже жаль, что я не могу всё это рассказать Кэртису. Если бы он мне не написал это грозное письмо, моя проблема никогда бы не решилась так выгодно для его банка. Вот это называется «гениальный финансист»!

Алловей посмотрел на Вебба сперва с удивлением, а потом с подозрением.

— На мой вкус, вы уж больно хладнокровны. Не могу сказать, что мне это нравится.

— Не бойтесь, с моей стороны вам нечего ожидать какого-либо подвоха, — с невинным видом пообещал Вебб, беззащитно разведя руками. — Да и что я могу сделать?

— Только попробуйте, — резко ответил Алловей. — Мне кажется, что в тюрьме вам бы не очень понравилось. Не тот вы тип. Уж скорее я бы там прижился, если бы вдруг туда попал. Я бы и там себе дело нашёл, — он постучал себя по лбу. — Но вы бы там свихнулись через пару недель. Никаких немецких спортивных машин. Никаких изысканных туалетов. Никаких романов с моим персоналом, — в его голосе звучали злость и зависть.

— Тюрьма? — медленно протянул Вебб. — Да, бросьте вы...

— Вы что — не верите мне?

Вебб проигнорировал этот вопрос.

Алловей взял ломтик белого хлеба и намазал его толстым слоем масла. Кусочек масла, нависший над краем ломтика, он осторожно слизал кончиком языка.

— Масса людей не умеет провести грань между мошенничеством и хищением, — не торопясь, проговорил он. — А вы знаете, какая между ними разница?

— Да, я знаю обе правовые формулировки.

— В моём случае прокурор говорил бы о хищении, если бы дело вообще дошло до суда. Ведь деньги, которыми распоряжается «БАНКНЕТ», доверены моей заботе, не так ли? Однако, в вашем случае... Мошенничество, как сказал бы прокурор, это мерзость из мерзостей. Предельная низость. Общество необходимо всемерно охранять от людей подобного рода!

С минуту он молча смотрел на Вебба, потом наклонился к нему вплотную и прошипел:

— Помните, что я не остановлюсь ни перед чем. Не советую играть со мной в кошки-мышки!

— Можете меня не опасаться, — вновь повторил Вебб, но на этот раз уже совершенно иным тоном, чем минуту назад. С этим человеком действительно играть было опасно. Всё, что он произносил, он сам воспринимал смертельно серьёзно.

Алловей отправил в рот последний кусок рыбы и от удовольствия зажмурился.

— Это прекрасно, благодарю вас за приглашение, — пробубнил он с полным ртом.

— За приглашение?!

— Но ведь платите-то за обед вы! В конце концов, вы теперь можете себе это позволить...

— Ну конечно, почему бы и нет, — вынужденно усмехнулся Вебб. — Мне ещё ни разу в жизни не доводилось приглашать на обед банковского грабителя высшей лиги.

Он ещё раз взглянул на своего собеседника — помятый костюм, взъерошенные волосы. И ещё не закончив своей фразы, вдруг понял, сколь комично она звучит.

19

Вебб внезапно вспомнил слова, которые он когда-то услышал от Эндрю Шалтона. Эндрю в тот вечер выпил больше обычного, то есть два стакана лимонада для начала и только после этого уже начал пить томатный сок. Тем не менее, этого хватило, чтобы он посерьёзней и пустился философствовать.

«Правильное решение», — говорил тогда Шалтон, — «всегда страшно упорно по своей природе. Оно не хочет исчезать. Именно это и позволяет понять, что оно правильное».

«Математики», — говорил он, — «когда у них вдруг решение получается не таким, каким оно им видится, пользуются довольно забавным методом. Они просто повторяют расчёты. И гнут свою линию до тех пор, пока правильное решение не пробьёт себе дорогу самой своей неизбежностью. Правильный результат берёт человека измором, просто заставляет его капитулировать», — и именно это в математике Шалтону нравилось больше всего. Ничего подобного в других сферах человеческой деятельности он не нашёл.

Была уже почти ночь, когда Вебб вспомнил слова Шалтона. К этому времени он уже несколько часов вновь и вновь анализировал сложившуюся ситуацию и получал один и тот же результат. То обстоятельство, что полученный ответ ему не слишком нравился, дела не меняло. Решение не уступало.

***

Со стороны их прощание перед ресторанчиком после того обеда могло показаться вполне дружеским. Спутник Вебба направился к югу, и Вебб долго смотрел вслед Алловей, пока тот не свернул за угол. Сам Вебб направился в обратную сторону, к Фитцрой-сквер. Там он спустился прямо в подвал. Закрыв на ключ дверь комнаты, где стоял дисплей, он подошёл к белой доске, укреплённой на стене, и начал оценивать свою ситуацию. Он действовал строго последовательно — так же, как это, вероятно, сделал в своё время Алловей.

Он составил перечень всех возможных дальнейших действий Алловей. Что он может сделать, если его план удастся. Его защитная тактика в случае, если бы он был разоблачён. Его возможные действия в случае, если бы он понял, что его самого кто-то из руководства «Уотерман» подозревает. Записал Вебб и свои возможные контрмеры, и, как он ни старался, окончательный вывод всё время получался один и тот же. Этот вывод его отнюдь не вдохновлял, но... Алловей не должен был говорить о капкане, в этом было всё дело.

В конце концов Вебб решил, что лучше всего переложить бремя ответственности за принятие решения на плечи компьютера. Алловей же использовал компьютер против него, почему же и ему не сделать то же? Он включил дисплей и написал короткую программу. Работа над ней отняла у него не больше часа. Единственное, чего он хотел от компьютера, — это выбрать одну из возможных альтернатив своих дальнейших действий — альтернатив, имевших различную степень вероятности успеха. Это, пожалуй, была самая простая программа, которую ему пришлось когда-либо в жизни

писать.

Вебб ввёл первые три альтернативы в машинную память и для контроля потребовал у компьютера вывести их на экран. На экране вспыхнули три строчки.

1. ДЕЙСТВОВАТЬ В СООТВЕТСТВИИ С ДОСТИГНУТЫМ СОГЛАШЕНИЕМ
2. СООБЩИТЬ ВСЕ ХАРРИНГТОНУ
3. ПОТРЕБОВАТЬ ПОЛОВИННОЙ ДОЛИ В ДЕЛЕ

Удовлетворённый результатом, Вебб ввёл в память компьютера другие альтернативы и поставил задачу:

— ОПТИМАЛЬНЫЙ ВЫБОР, — гласило его требование.

Нажав последнюю клавишу, Вебб задумался, глядя куда-то в пустоту и размышляя, что он будет делать, если компьютер придёт к иному выводу, нежели он сам. И что он будет делать, если результат будет тот же. Компьютер почему-то не спешил с ответом, хотя, по расчётам Вебба, решение должно было занять не слишком много времени. Было уже поздно, почти полночь, и Вебб надеялся, что нагрузка в это время будет минимальной. Но, может быть, он ошибся. Может быть, и другие клиенты того же вычислительного центра, сидящие в тот же миг у своих терминалов по всему Лондону, одновременно потребовали от компьютера, чтобы он их программе дал приоритет. А может быть, просто компьютер не решался принять то решение, на которое его толкала математическая неизбежность. И всё же наконец он это сделал — шариковая головка печатающего устройства вздрогнула и промчалась по бумаге, оставив одну строчку, буквы в которой почему-то показались Веббу крупнее, чем обычно.

— УБИТЬ АЛЛОВЕЯ, — принял решение компьютер.

«Шалтон прав», — внезапно подумал Вебб. — «Правильного решения нельзя избежать».

Перед тем как выключить дисплей, он тщательно стёр свою программу.

Вечером Алловей закончил работу довольно поздно. У себя в конуре натянул плащ и только затем выполз наружу, держа под мышкой портфель с давно сломанной ручкой. Спустя полминуты Вебб двинулся следом. Световой индикатор лифта показывал, что кабина спустилась на первый этаж. В тот миг, когда Вебб вышел из лифта на первом этаже, Алловей уже получил свой портфель из рук охранников и, не оглядываясь, двинулся к выходу.

Вебб вставил свою карточку в прорезь контрольного устройства и прошёл в тамбур, ожидая, пока охранник произведёт досмотр его собственного кейса. Один из экранов показывал, как Алловей, характерно ссутулившись, движется к выходу из тупика.

Чемоданчик Вебба давно опять перекочевал к нему, но он всё стоял, как зачарованный и смотрел на экран. Алловей уже дошёл до выхода из арки и вскоре исчез в темноте. Только в этот момент Вебб осознал, чем поглощён его мозг последние двадцать четыре часа. Это не был вопрос о том, убить Алловей или нет. Это была проблема того, как именно это сделать.

Он прошёл по тупичку и вышел на Вигмор-стрит. Алловей уже и след простыл.

20

С Дженнифер Оуэн он столкнулся лишь на миг, и то случайно, в конце прошлой недели в буфете.

— Ты просто сумасшедший, — сказала она ему. — А я ещё тебе даю советы! И ты обещаешь!

Её трактовка событий была крайне простой. Вебб нарушил договор между ними, который она воспринимала чрезвычайно серьёзно, и запустил снова ту свою программу в компьютер, что привело к аварии. Значит, теперь всему конец, сказала она, скорее огорчённо, чем со злостью. Честность для неё является важнейшим элементом любых отношений. Поэтому то малое, что между ними было, теперь исчезнет. Этого было не так уж много, но в её памяти оно сохранится. В конце концов, они могут остаться друзьями, так ведь?

— Что же делать, если ты так хочешь, — ответил ей Вебб.

Возвращаясь из буфета, он шёл позади неё и задумчиво наблюдал, как она колышет бёдрами. «Это могло быть довольно приятным приключением», — сказал он сам себе. — «Иметь бы только побольше шансов. Впрочем, то, что было, действительно стоит запомнить». Но сейчас у него бы всё равно не хватило на неё сил и времени. Сейчас он должен был отдать их Алловею.

Как убить того, кого человек, собственно говоря, вообще не знает? Как узнать о нём кое-что, не возбудив в нём подозрения? А главное — как его убить и избежать при этом тюрьмы?

Женат ли Алловей? Даже этого Вебб не знал. Живёт ли он один или с кем-то вместе? Есть ли у него собственный домик или он снимает квартиру в каком-нибудь старом доме, столь же неряшливом, как он сам? Зачем вообще такому человеку, как Алловей, столько денег?

Всё, что Вебб, собственно говоря, знал, это то, что он работает в вычислительном центре банка «Уотерман». Что он приезжает туда каждое утро, проводит там целый день, руководя своими тридцатью подчинёнными, а вечером куда-то уезжает. Вебб прочесал всю голубую зону, но не вынюхал ничего нового об Алловее. Он обошёл все улицы между вычислительным центром и гаражом, где Алловей оставлял свою машину, заглянул во все ресторанчики, куда, по его мнению, мог хаживать Алловей.

А потом он вдруг понял, как это сделать. Что уже больше недели ему известно всё необходимое для успешной реализации своего замысла. Убить человека боязливого и нервного было бы очень сложно. Но с таким самоуверенным зазнайкой, как Алловей, он сумеет справиться.

На карманном калькуляторе он проверил, реализуемо ли вообще то, что он задумал, — это была несложная серия расчётов усилий тяги, ускорения и трения. Когда расчёт был окончен, цифры на экранчике калькулятора подтвердили, что идея Вебба технически возможна. Это был не самый приятный для него план, потому что ему придётся при этом присутствовать. И всё же это был довольно хороший план. По крайней мере, в этот миг ему не надо будет смотреть Алловею в глаза, а это — главное.

***

На следующий день Вебб вышел из дома в спортивной куртке. Сев в машину, он поехал в тот район Лондона, куда его обычно не заносило, на юг от Темзы, в магазинчик в Брикстоне, адрес которого он нашёл в телефонном справочнике. Найдя магазинчик, Вебб не остановил машину, а проехал ещё добрую четверть мили дальше и потом свернул в одну из боковых улиц. Он предусмотрительно поставил машину подальше от угла и далеко от жёлтой линии, ограничивающей разрешённую зону стоянки. Потом он обошёл вокруг «Порше» и убедился, что риск случайного повреждения его автомобиля другой машиной почти исключён. До магазина он дошёл

пешком. Покупка его была недорогой, заплатил он наличными. Речь шла о вещи совершенно будничной и невинной, а потому, наверное, его осторожность была даже излишней. Но он хотел, начиная с этого момента, рисковать как можно меньше. Ему было ясно, что осуществление убийства будет сопряжено с некоторой вероятностью провала, и эту вероятность надо было уменьшить до минимума.

С одержимостью фанатика и тщательно маскируясь, он продолжал повседневную слежку за Алловеем. Алловей же просто не обращал на него внимания, глядя мимо, даже когда они случайно встречались в коридоре или лифте. За эти дни они не обменялись ни словом. Казалось, что Алловей хочет дать Веббу понять, что у них нет общих дел, что Вебб ему совсем неинтересен. В нём не было заметно никакой настороженности, ничто не говорило и о том, что он опасается контрудара со стороны Вебба.

День за днём Вебб следил за ним, следил и ждал. Каждое утро он проверял перечень авторов программ, которые будут обрабатываться сегодня днём. А каждый вечер он отправлялся пешком на север от вычислительного центра и шёл некоторое время, только потом поворачивал и направлялся к гаражу за машиной. Однажды поздно ночью он заехал в те же края с маленькой баночкой белой краски и кисточкой. Работая кисточкой, он всё время озирался по сторонам — не видит ли его кто-нибудь.

Понедельник, 7 февраля. Наконец Вебб из перечня работ на день узнал, что сегодня вечером Алловей наметил прогон только одной программы, которая должна быть запущена около восьми часов вечера. Если Алловей захочет посмотреть результаты прогона программы, он задержится в вычислительном центре примерно до половины девятого, скорее всего, в полном одиночестве. А если это будет не так, что же, Вебб перенесёт операцию на другой день, ничего больше.

Он вернулся к своему столу и начал готовиться к уходу. Чемоданчик он якобы по невнимательности положил на самый край стола. Беря пальто, он вроде бы случайно задел его, и тот с грохотом упал на пол. Все головы вокруг поднялись, и сотрудники Алловея зарегистрировали, что сегодня Вебб ушёл раньше других.

Ему надо было где-то убить время до начала операции, по возможности не думая о её исходе. Он поехал по направлению к Гайд-парку, выбрал стоянку и всунулся в щель между машинами. Он откинул кресло и включил магнитофон, выбрав кассету с нежной клавишной музыкой. Время от времени он включал мотор, чтобы машина не остыла.

В парке в этот день прогуливалось немного людей. Какой-то японец, весь увешанный фотоаппаратами, фотографировал своего приятеля, чинно сидевшего на лавочке, а редкие прохожие всё время попадали незадачливому фотографу в кадр. Вскоре оба японца поспешили, замёрзнув, в свою «Тойоту». Невдалеке проехал одинокий всадник на гнедом жеребце. Пыль, поднятая копытами, на секунду повисла в воздухе и лишь потом медленно осела на землю.

С магнитофоном вдруг что-то произошло — музыка начала прерываться, в ней зазвучали фальшивые ноты. Вебб, очнувшись от странной полудрёмы, понял, что в магнитофоне садятся батареи. В салоне стало прохладно.

Вокруг было уже довольно темно, время пролетело совершенно незаметно. Об Алловее он за это время не вспомнил ни разу. Наступление ночи как будто придало ему новые силы. Он на минуту вышел из машины и открыл багажное отделение. Сразу же зажглось внутреннее освещение, озарившее его оружие, лежавшее на дне багажника. Эта картина опять вернула Веббу уверенность в успехе, чуть было не

покинувшую его на протяжении этих часов в тёмной машине.

Позвонил он из телефона-автомата. Набрав номер вычислительного центра, он попросил дежурного, чтобы его соединили с Мартином Алловеем. Он услышал слабый повторный гудок и живо представил себе, как телефон бесплодно звонит в пустой комнате. Он уже был готов сегодня отказаться от операции, когда трубку внезапно сняли.

— Алловей, — раздалось в трубке.

— Как хорошо, что вы ещё не ушли, — сказал ему Вебб. Эти слова, правда, были им заранее продуманы, но облегчение, которое он в них вложил, было подлинным.

— Подождите у аппарата, — отозвался Алловей. Раздался звук откладываемой трубки, а потом наступила долгая тишина. Наконец, в трубке что-то щёлкнуло и Алловей сказал:

— Слушаю...

— Это Кристофер Вебб.

— Я знаю. Узнал вас по голосу.

— Нам необходимо встретиться, — сказал Вебб настойчиво, понизив голос почти до шёпота.

— Так поздно? Сейчас же, чёрт возьми, почти ночь, вы что, не заметили? — голос Алловея звучал достаточно раздражённо.

— Я только что такое пережил, Алловей! Мы под угрозой оба, я это точно знаю!

Наступила долгая пауза. Вебб ждал. Он слышал дыхание своего собеседника.

— А сюда вы прийти не можете? Все остальные уже давно ушли, если вас это волнует.

— Нет! — Вебб почти кричал. — Я же вам ясно говорю, дело нешуточное! Какой вычислительный центр, вы что, с ума сошли?!

— Тогда где же мы встретимся?

— Вы знаете, где находится Тилерс-плэйс? Это недалеко от вас.

После некоторой паузы Алловей подтвердил, что он знает это место.

— Я буду ждать вас в машине. У меня «Порше», серебристого цвета.

— Я видел её в гараже, — кисло подтвердил Алловей.

— Потом мы поедem куда-нибудь в укромное местечко, куда вы сами захотите.

— А когда?

— Немедленно. Как только вы сможете выбраться и вычислительного центра.

— Через десять минут вас устроит?

— Вполне, — ответил Вебб. — Но не позже, Алловей. Дело не терпит отлагательства.

***

Алловей положил трубку и вернулся к своему столу. Тилерс-плэйс была расположена позади вычислительного центра, и туда забредали немногие из сотрудников банка. Он должен был признать, что место для встречи Вебб выбрал хорошо — достаточно далеко, чтобы они были в безопасности, и в то же время достаточно близко для столь срочной встречи. Ничто в этом месте не вызывало опасений. А вот сам звонок такие опасения вызывал. Вебб был явно крайне взволнован, однажды его голос чуть было не сорвался. «Дело нешуточное...» — эти слова будто врезались в сознание Алловея. Его план вошёл в решающую стадию, и сегодня он уже получил одно нужное ему известие. Чем больше он размышлял о

предстоящем свидании, тем неувереннее себя чувствовал. Что этот сумасшедший Вебб может ему сказать или сделать?

Он достал из ящика стола бумагу с ранее написанным распоряжением и запер её в металлический шкаф. Потом оторвал один лист из сегодняшней распечатки и выбросил его, но не в свою корзинку, а в чужую, в другом конце зала. Остаток распечатки он засунул в середину одной из толстых папок, стоявших на полках в его кабинетике. Вероятность того, что кто-нибудь сумеет разобраться в этой распечатке, кроме него самого, была ничтожной, но Алловей не любил рисковать.

Он натянул плащ и засунул под мышку портфель, привычно подумав, что надо было всё-таки выбраться в мастерскую починить ручку.

Свернув на Тилерс-плэйс, Алловей сразу увидел «Порше», который тускло отблёскивал в свете фонарей на противоположной стороне улицы. Алловей перешёл улицу и двинулся к машине, споткнувшись по дороге о какую-то выщерблину на тротуаре.

Вебб его явно заметил. Когда Алловей перешёл улицу, тишину нарушил звук стартера. Мотор завёлся, мерно заурчав и выбросив из глушителя белое облачко выхлопных газов. Машина медленно тронулась с места, потом опять остановилась, осветив мостовую позади себя красным светом тормозных фонарей. Алловей прибавил шагу, ему пришло в голову, что Вебб собрался уезжать. Неужели же только потому, что Алловей пришёл на пару минут позже, чем они договорились? Когда он поравнялся с машиной, раздался оглушительный рёв мотора, а колёса завертелись с такой бешеной силой, что Алловей почувствовал запах палёной резины. Машина присела, как будто готовилась к прыжку, а потом рванулась быстро вперёд. Алловей закричал, подняв руку жестом бессильного протеста. Непонятно почему, больше всего его взволновало то, что Вебб забыл включить габаритные фонари.

Если бы «Порше» поехал на него, он бы отскочил, в конце концов попытался бы перелезть через забор на стройку. Но сейчас он просто оцепенел от удивления и неподвижно следил, как машина Вебба быстро удаляется от него.

***

Акустическая сигнализация ручного тормоза отсчитывала секунды ожидания. Наверное, ещё никогда в жизни время не текло для Вебба так медленно. Он сидел сжавшись и не отрываясь смотрел на зеркальце заднего обзора. Ежеминутно в густом сумраке ему казалось, что он видит приближающегося Алловей. Что это действительно Алловей, Вебб понял тогда, когда тот попал в свет фонаря и под мышкой у него Вебб заметил знакомый портфель. Но лицо ещё было неразличимо.

Мужчина остановился на краю тротуара, именно там, где Вебб предполагал. Он взглянул на машину и начал переходить мостовую — тоже там, где Вебб ожидал. Вебб быстро повернул ключ зажигания, и мотор коротко закашлял, просыпаясь к жизни. Что, если он не заведётся? Он отжал педаль сцепления, прибавил газ и, медленно отпуская сцепление, всем телом почувствовал, как шестерни приходят в движение, включая первую передачу. Он проехал пару шагов вперёд, до заранее сделанной отметки и опять отжал сцепление. Затем он вдавил педаль газа до самого пола, и мотор бешено заревел, негодуя, но тут Вебб отдернул левую ногу, и едва сцепление сработало, как машина рванулась вперёд.

Но тут же что-то её остановило, хотя колёса вращались с бешеной скоростью. Задержка была только секундной — шины нашли себе опору, и «Порше» помчался

вперёд с тем ускорением и силой, которые и были нужны Веббу. Его спина прижалась к спинке сиденья, а затылок жёстко вдавился в подголовник. На секунду Веббу послышалось, что Алловей ему что-то кричит.

Три трубки, вырванные из лесов, летели за машиной, стучаясь друг о друга и о мостовую. Остальная часть конструкции стояла, как будто ничего не произошло. Вебб почувствовал, как его желудок сжимается от страха. *Они не упадут!* Но вот, наконец, леса начали рушиться, корёжась и вываливаясь на улицу всё быстрее и быстрее, как ускоряет свой бег горная лавина, сорвавшаяся со склона. Всё это время Алловей стоял неподвижно — точно под лесами.

***

Сперва Алловей не осознал никакой опасности. Всё его внимание было сосредоточено на быстро удаляющейся машине и каком-то тёмном, грохочущем предмете, который она тащила за собой. Первый предупреждающий скрип откуда-то из вышины он не услышал — всё заглушал рёв мотора «Порше», отражающийся от стен узенькой улицы.

И только потом он понял. Когда первые обломки стальных лесов начали падать вокруг него. Охваченный паникой, он выбежал на мостовую. Но уже было поздно. С высоты четвёртого этажа вниз летела длинная трубка, прямая и тонкая, как копьё. Она ударялась о другие трубы, рушась вместе с ними вниз смертоносной грудой металла. Она попала Алловейю точно в затылок, и на землю он упал уже мёртвым. Но и лежащего его поражали всё новые и новые куски металла, немилосердно дробя его кости и раздирая кожу. В тоннах металла, которые нагромодились над местом его падения, труп Алловейя растёкся между обломками лесов, как густая каша.

Машина, ускоряясь, мчалась вперёд, и Вебб увидел, как леса рушатся. Он так и решил — лучше всего увидеть гибель Алловейя в зеркальце заднего обзора, оставив в памяти лишь неясную тень, стираемую стальной резинкой из числа живущих. Но увидел он и того меньше. Даже то, как Алловей выбегает на мостовую, он не заметил — слишком было темно. Когда машина, взвизгнув тормозами, завернула за угол, стальные трубки ещё грохотали позади неё, и этот грохот остался единственным отзвуком того, что сейчас произошло; звук рушащихся лесов уже затих, затерявшись в пустынных улицах ночного Лондона.

Вебб сбавил скорость, нажал кнопку и опустил стекло в дверце, но уже ничего не услышал. Последняя из вырванных его машиной труб уже выскользнула из узлов стального каната, закреплённого на буксировочном крюке, а тихий скрежет самого каната заглушался шумом мотора. Вебб миновал нескольких пешеходов, но никто из них не обратил на его машину внимания. Все они стояли, повернув голову в сторону, откуда только что доносился странный грохот.

Он ещё дважды свернул, пока не заехал в какую-то совсем тёмную и тихую улочку. Здесь он остановился, вышел и, отвязав остатки каната от крюка, бросил их в багажник. В этот момент до него донёсся гром дальнего обвала, и земля под его ногами дрогнула.

Но это были не остатки лесов — рухнул сам фасад старого дома, лишённый поддержки. Теперь тело Алловейя было погребено под настоящим курганом, на который медленно оседала пыль из облака, повисшего над Тилерс-плэйс.

***

Вебб выехал к Темзе, в глухое место около Петерсхама, где он мог остановить машину лишь в нескольких шагах от воды. Он сидел и ждал, пока какая-то поздняя парочка гуляющих с собакой не исчезла в темноте.

Итак, как же теперь выглядит ситуация? Алловей каким-то образом обдурил «БАНКНЕТ» и украл у «Уотермана» целое состояние. Во всяком случае, Вебб предполагал и надеялся, что это будет целое состояние. Замысел ему удалось довести до конца... Или почти до конца. Как это было сделано, Вебб не знал, и теперь ему этого уже никто не сможет объяснить. Теперь это дело самого Вебба. Алловей мёртв, он должен был умереть. И умер он без завещания, так что Вебб теперь практически стал его единственным наследником.

До его сознания постепенно начало доходить, что это ему удалось. Действительно удалось. С глубоким облегчением он рассмеялся в ночной тишине, и лишь единственная слеза сползла по его щеке. Он слизнул её, она была солёная.

***

Обрывок стального каната он выбросил в Темзу, тёмная вода которой поглотила этот подарок почти беззвучно. Никто его никогда не найдёт. Но если бы его и нашли, это бы ничего не изменило. Никто не усмотрит в этом обрывке каната какую-то связь с Кристофером Веббом или Мартином Алловеем. Все решат, что этот канат просто потеряла одна из бесчисленных барж, днём и ночью плывущих по Темзе.

Часть третья. НАСЛЕДСТВО

Охрана коммерческих тайн клиентов.

ИНФОРМАЦИЯ О СОСТОЯНИИ СЧЁТА КЛИЕНТА БАНКА НЕ ДОЛЖНА НИ ПРИ КАКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ СООБЩАТЬСЯ НИКОМУ, КРОМЕ ВЛАДЕЛЬЦА СЧЁТА И УПОЛНОМОЧЕННЫХ ИМ ЛИЦ. СЛУЖАЩИЕ БАНКА, НАРУШИВШИЕ ЭТО ПРАВИЛО, ПОДЛЕЖАТ НЕМЕДЛЕННОМУ УВОЛЬНЕНИЮ.

«Уотерман энд компани». Инструкция по организации работы филиалов банка

21

Эту «муху» в программе Джек Кеннеди ловил уже целый день, но она всё никак не давалась ему в руки.

— Да вы настоящий мазохист, — сказал кто-то за его плечами. Джек вздрогнул, и обернувшись, увидел Вебба. Ещё он увидел, что комната пуста — все остальные сослуживцы ушли. Джек вдруг сообразил, что уже, наверное, чертовски поздно.

— У вас что, какая-то проблема? — с интересом спросил Вебб.

— И ещё какая!

— Бросьте, Джек, вот у меня есть для вас головоломка, это да! Хотите попробовать свои силы?

— Если только это не связано с «Уотерманом»?

— Вы попали в самую десятку.

— Только не это! Финансы меня что-то не волнуют в последнее время.

— На этот раз моя задача не имеет ничего общего с банковскими операциями, Джек, — Вебб пододвинул стул и расположился поудобнее, явно не собираясь сдаваться без боя. — Я предлагаю вам поломать голову над чисто технической задачкой. Вы мне нужны как помощник при разгадывании ребуса в гигантской вычислительной системе. Иными словами, работа точно по вашей специальности.

— Но я действительно не могу, честное слово! Я должен первым делом закончить этот проект — а он у меня заберёт месяца два, не меньше.

— Мне нужна ясная молодая голова, — сказал Вебб. — Короче говоря, мне нужны вы.

Кеннеди вздохнул и неуверенно почесал в затылке. На самом деле, конечно, его проект был не так уж интересен. Но это был первый проект, который он делал один...

— Вы хоть представляете, Джек, от чего вы хотите отказаться? — спросил Вебб. — От самой интересной задачи, которая только может вам в жизни встретиться!

— Ну да, честно?

— Я говорю совершенно серьёзно. Я её решить не смог. Но, думаю, что вам это может удастся. Молодой мозг, способность быстро рассуждать, упорство...

— Вы настоящий лис, — сказал Кеннеди, явно начиная сдаваться. — Шалтон недаром говорит о вас, что вы могли бы продавать презервативы в домах престарелых!

— Он это говорит обо мне?!

Кеннеди только безразлично пожал плечами, дескать — что, вы не знаете Шалтона?

— Ну так что? — повторил свой вопрос Вебб. — Берётесь за это дело?

— Но я действительно не могу, Крис, даже если бы и захотел. Этот проект для особо важного клиента — какой-то приятель отца Шалтона.

— Послушайте меня, — сказал Вебб. — Завтра или послезавтра вы поймаете эту «муху» и дело будет сделано. Вот радость-то! Какой-то идиот сможет переложить работу по рассылке рекламных проспектов где-нибудь в Донкастере со своих плеч на купленный по случаю задрипанный компьютер. Где здесь, я спрашиваю вас, интерес для молодого, перспективного специалиста?

Кеннеди повернулся к распечатке, лежавшей перед ним, и отсутствующе начал листать её — искушение было так велико!

— Но это такая неуловимая «муха», — промямлил он. — Самая сложная проблема, с которой мне приходилось сталкиваться...

— Тогда остаётся Харви, — как будто сам себе пробормотал Вебб, вставая.

— Что-о?

— Майк Харви. Я возьму на это дело его, раз вы столь глупы, что сами готовы отказаться от уникального шанса.

— Минуточку! — Кеннеди схватил его за рукав, а когда Вебб снова сел, Джек решительно отодвинул свою распечатку в сторону, давая понять, что он капитулирует.

— Вот и хорошо, Джек, — усмехнулся Вебб. — Поздравляю вас со вступлением в мою группу спецов экстра-класса!

— Но что я скажу Шалтону?

— Это предоставьте мне!

— Ну, смотрите, — Кеннеди явно уже сгорал от нетерпения. — Так что же в этой вашей задаче такого сложного?

— Мне нужно, чтобы вы стали экспертом по «БАНКНЕТу». Чтобы вы в нём разбирались лучше, чем кто-нибудь из «Уотермана». Проблема только в том, что я вам пока не могу сказать о «БАНКНЕТе» ровным счётом ничего.

Программист сощурил глаза.

— Такое условие мне поставили у «Уотермана», — добавил быстро Вебб. — Вы сами знаете, Джек, как они болезненно относятся к вопросам безопасности. Я и сам из-за этого вынужден работать с минимумом информации, мне говорят лишь то, что

абсолютно необходимо. — Он развернул распечатку, которую до этого держал в руках, и разложил её на столе. — Вот документ, от которого вы начнёте танцевать, как от печки. Кроме него в вашем распоряжении больше ничего не будет. За исключением того, что вам смогу рассказать я сам. Но этого тоже будет не слишком много.

— Но ведь тут только куча голых цифр, — взорвался Кеннеди, бегло пробежав взглядом первые листы распечатки. — Здесь нигде нет пояснений, что эти числа значат. Никаких заглавий, никаких примечаний, ничего.

— Всё в порядке, Джек. Это распечатка памяти.

— Это-то я понял.

— Внизу у меня этого добра ещё больше, Джек, — Вебб одарил его обезоруживающей улыбкой. — Целый стог, вы даже не можете себе представить его высоты.

— Оставьте меня в покое! От этой распечатки нет никакого толка, если только вы уже не знаете систему наизусть. Для того, чтобы разобраться в ней, мне надо было бы следить за развитием системы с самых первых этапов её формирования.

— Ни в коем случае, — Вебб энергично замотал головой. — То, что я вам предлагаю — лучший путь найти то, что я ищу. Эта распечатка вам точно говорит, что происходит внутри компьютеров «Уотермана» именно сейчас, в эту минуту. Это точная запись именно тех программ, которыми они сейчас пользуются. Не тех программ, которые должны были бы крутиться, по мнению руководства банка, а тех, которые там крутятся на самом деле.

— Да знаю я, что такое распечатка, — отбивался Кеннеди. — Ну хорошо, пусть это всё так, да только мне-то что с этого, когда я о «БАНКНЕТЕ» ни хрена не знаю? Могу поклясться, что и вам самому никогда в жизни не приходилось расшифровывать распечатку совершенно незнакомой программы.

— Не приходилось и не придётся — для этого мне и нужны вы и ваша умная голова. — Вебб лениво развалился на стуле. — Ну, что скажете, Джек?

— Скажу, что это — неразрешимая задачка! Безумие! — фыркнул Кеннеди.

— Джек, Джек, куда же девалось ваше чувство юмора?

Кеннеди фыркнул ещё раз и протянул руку к распечатке.

— Но здесь действительно ничего не говорящие цифры, Крис, страница за страницей. Чтобы разгадать эту загадку, мне ещё кое-то надо, Крис. Хотя бы приличная распечатка программ. И ещё какой-нибудь справочник по этой системе.

— Об этом и речи быть не может, Джек! Я с огромным трудом добился разрешения вынести из вычислительного центра хотя бы это. А о распечатках и речи быть не может!

— Ваш подход весьма оригинален, вот всё, что я могу по этому поводу сказать, — теперь и Кеннеди откинулся на стуле, задумчиво постукивая карандашом по зубам.

— И вы даже не спрашиваете, что вы, собственно, должны искать? — спросил Вебб с деланным удивлением.

— А кстати, — искренне удивился Кеннеди, — действительно, что я должен искать?

— Мне нужно, чтобы вы там нашли то, что ускользает от меня уже несколько недель.

— А именно?

— В том-то всё и дело, Джек, — ответил Вебб, задумчиво подняв глаза к потолку. — В том-то и загадка. Я не знаю. Не имею ни малейшего представления.

— Послушайте, если вы решили сыграть со мной шутку...

— Я ещё никогда не был так серьёзен, Джек. Я хотел бы это знать, но увы...

— Вы уже несколько недель *это* ищите, — сказал Кеннеди недоверчиво, — и притом не знаете, что это такое?

— Я понимаю, что это звучит довольно странно, — пожал плечами Вебб.

— Как же вы от меня хотите, чтобы я вам помог в поисках? Ведь я могу даже найти *это*, найти, но не понять, что *это* именно *оно*, впрочем, как и вы?

— Спокойнее, Джек! Если вам удастся найти *это*, вы сразу поймёте, что здесь что-то нечисто.

— Всё это бессмысленно, — махнул рукой Кеннеди.

— Пока, Джек, бессмысленно, пока. Послушайте, вам надо будет просто искать мышку.

— А, ну теперь я уже всё, конечно, понял. Мышку. Как я это сам сразу не догадался...

— Вы зря иронизируете, Джек. Мышки очень любят прятаться и делают это куда лучше, чем мушки.

— Вы сказали мышку? Или я что-то путаю?

Вебб дал ему минутку помучиться и лишь потом медленно кивнул. Он не выдержал и расхохотался при виде ошарашенной физиономии Кеннеди.

— А что это такое, чёрт возьми, мышка?

— Это антипод «мушки», Джек, — сказал Вебб. — «Муха» — это, как известно, ошибка в программе, из-за которой происходит сбой. «Мышка» же — это отлично функционирующая программа, которой в системе абсолютно не место. Иными словами, это — тайно записанная и введённая в систему программная вставка. Вы её сразу узнаете, как только набредёте на тайный ход, по которому она бежит. Короче, вам надо найти программу, которой в системе нечего делать, ясно?

На лице Кеннеди расплылась широчайшая улыбка.

— Мошенничество! — охнул он. — Вы действительно раскопали у «Уотермана» какое-то крупное мошенничество, точно так, как вы им и пророчили в своём докладе! А я-то думал, что это только был рекламный трюк.

Вебб нахмурился.

— Можете и так считать, если хотите. Но от меня вы этого не слыхали, — он крепко схватил Джека за плечо. — И ни слова об этом! Никому! Ясно?

— Конечно.

— Ни словечка. Ни Шалтону, ни Харви, никому.

— Конечно, — повторил Кеннеди. — Я обещаю!

Только теперь Вебб ослабил свою хватку.

— Значит, «мышка», — пробормотал Кеннеди, потирая плечо. — Этого термина я ещё не слыхал.

— Я его сам придумал. Он кажется мне достаточно точным.

— А эта, у «Уотермана»...

— Мне кажется, что она устроилась прямо в операционной системе, но я имею понятия, где.

— Сколь велика эта вставка?

— Тоже не знаю.

— Она простая, комплексная или ещё какая-нибудь?

— Мне кажется, что это целый комплекс программ, но поклясться в этом я не могу.

Кеннеди криво усмехнулся.

— И это действительно всё, что вы знаете? И при таком минимуме информации вы можете надеяться, что я вам её найду?

— Именно так!

— Да, подбросили вы мне головомочку...

— Я знал, что вам это понравится, Джек.

— Хотя, конечно, это забавнее, чем рассылка рекламных проспектов с помощью ЭВМ.

— Полностью распечатка будет у меня через два-три дня, но я был бы рад, если бы вы не теряли времени и взялись за дело с завтрашнего дня!

22

Среда, 16 февраля. «Гардиан» опубликовала на последней странице колонку о результатах расследования причин гибели Мартина Алловея. «Рухнувшее здание — недопустимая небрежность строителей», — таков был заголовок заметки. — «Ещё чудо, что жертвой несчастья стал только один человек». Решение коронера (*коронер — особый судебный следователь, отвечающий за расследование причин смерти лиц, умерших при «загадочных обстоятельствах»*) гласило: «Смерть в результате несчастного случая». Веббу ужасно хотелось побывать на вынесении решения, но он не отважился.

Вебба забавляло то, что смерть Алловея как будто напугала всех программистов — по вечерам они старались не задерживаться и уходили с работы раньше, чем обычно. Вот и в этот вечер уже без четверти шесть но остался в зале один и спокойно направился в кабинет Алловея.

Всё там было точно так же, как при жизни хозяина. Внезапно Вебб сообразил, что Алловей довольно часто отсутствовал на работе — два-три дня чуть ли не каждую неделю. Были это легальные служебные командировки, или он просто реализовывал какую-то часть своего плана?

Без особой надежды на успех он попытался вскрыть металлический шкаф, но тот, как и в прошлый раз, не поддался. Подсев к столу, Вебб вытащил верхний ящик и под справочником случайных чисел нашёл ежедневник Алловея. Он нервно перелистал страницы, пока не нашёл 7 февраля. Страница была девственно пуста. Вебб облегчённо выдохнул. Единственное, что могло вызвать хоть какой-нибудь интерес, было слово «Альтон», повторявшееся время от времени в графах, соответствовавших выходным дням.

Вебб ещё раз оглядел кабинет Алловея. Не так уж много от этого человека осталось. Образцово выровненные и расставленные строго по размеру папки на стеллажах. Да пара строчек о последних неделях его жизни в этом здании, сверкающем светом, но лишённом окон. Одинокая, пропащая жизнь. Если не считать «мышки». Знает ли «мышка», что он уже мёртв? Или она работает для своего создателя и дальше, неделю за неделей отгрызая по кусочку от богатств «Уотермана» и пряча деньги в безопасную норку для того, кто придёт за кладом?

«Альтон». Единственная зацепка, которая у него есть. Человек ли это или место? Вебб прошёл в угол зала, где на стеллаже стояла разного рода справочная литература. В лондонском телефонном справочнике он нашёл двенадцать Альтонов. В остальных городах Великобритании их могло быть ещё человек сто. Как узнать, который из них был связан с Алловеем?

Потом он вытащил атлас Британии и посмотрел в алфавитный указатель. Там было три Альтона — один в Дербишире, второй — в Хэмпшире и третий — в Шропшире. Он понятия не имел, о котором из них могла идти речь и что там надо было искать.

23

Джек Кеннеди разглядывал сокровища, которые были в его распоряжении. Честно говоря, этот кладёзь информации пока не вызывал у него восторга — он ощущал себя в положении шифровальщика, которому надо разгадать вражеский код.

— Пока что я не сильно продвинулся, — пожаловался он Веббу, но тот спешил и сразу ушёл, водрузив на плечи Кеннеди последнюю часть распечатки.

Распечатки были сложены в две пачки.

На одной из них рукой Вебба было написано «Архивный оттиск», а на другой — «Текущая копия».

Первым делом Кеннеди отправился в подвал, где размещалась библиотека, чтобы разжиться справочником к компьютеру «ИБМ 370/165».

На обратном пути он заглянул ещё на склад канцтоваров и взял толстый блокнот и пачку разноцветных фломастеров.

На протяжении первого часа он занимался только тем, что бессистемно перебирал распечатки, открывая то один, то другой лист, чтобы понять, с чем ему вообще придётся иметь дело.

«Это операционная система, которую банк использовал шесть месяцев назад», — сказал ему Вебб, вручая пачку с надписью «Архивный оттиск». — «А эта система используется сейчас. Вам надо просто найти, в чём различия. Потом вы сравните их и установите, связаны ли они с нормально проведёнными изменениями и улучшениями или это та дырка, которую прогрызла „мышка“. Вы её сразу узнаете, как только увидите, даю голову на отсечение!».

«Итак», — констатировал Кеннеди, — «Вебб исходит из трёх основных предпосылок. Во-первых, он убеждён, что „мышка“ прячется в операционной системе. Во-вторых, Вебб предполагает, что нелегальная программа была встроена за последние шесть месяцев. Если это не так, все усилия Кеннеди пойдут прахом. Вебб признал, что речь идёт всего лишь о догадке. Он, правда, говорил, что *это* должно было произойти относительно недавно, но не слишком уверенно. И, наконец, третье — речь идёт о достаточно сложной вставке!»

Он закрыл глаза и попытался представить того человека, который придумал «мышку». Вебб в разговоре как-то назвал его «господином Икс». Был ли он хитёр? Предположим, что это был выдающийся мозг, хитрее чем Вебб, лучше чем все, с кем Кеннеди был до сих пор знаком в мире ЭВМ. Во всяком случае, искать его «мышку» будет крайне сложно. Уж это-то Джек понимал точно. Он ощущал себя пловцом, которому через секунду предстоит плыть через реку, другого берега которой за горизонтом не видно.

24

Суббота. Джек Кеннеди сидел за своим столом уже с раннего утра, один во всём здании. Через несколько часов утомительного сопоставления архивной и текущей версии памяти «БАНКНЕТа» — справа налево и обратно — у него неприятно заняла шея. Он взял два больших куса картона и вырезал в центре по квадратному окошку такого размера, чтобы в нём полностью помещалась одна инструкция. Картонки он

положил на каждую из выписок — получилось два экранчика для чтения. Теперь, синхронно передвигая картонки, он мог сразу же заметить, похожи ли группы цифр в обоих окошках. Если цифры различались, Джек брался за фломастер и начинал разбираться, откуда взялась эта разница. Потянувшись в очередной раз за фломастером, он не заметил, что локтем сдвинул одну из картонок. Прошло минут двадцать, прежде чем он понял, почему цифры в окошечках вдруг потеряли всякий смысл.

Джеку вдруг показалось, что он превратился в машину — глаза и руки механически повторяли одни и те же операции. Глаза начало печь и Джек вдруг необычно остро ощутил, какой же это нежный орган — глаз, как хрупки мышцы, которые им управляют, как ранимы его механизмы. Ему даже начало казаться, что он ощущает, как напрягается глазной нерв, пересылая в мозг очередную порцию цифр. Всё чаще и чаще он вынужден был делать перерыв в работе, закрывая глаза ладонями и давая им передохнуть в темноте.

Потом он снова открывал глаза и принимался за работу. Эту работу надо было делать как-то иначе, должен же быть более совершенный способ справиться с ней, не рискуя ослепнуть от перегрузки!

Около семи часов вечера глаза окончательно взбунтовались — изображение комнаты двоилось и не желало сливаться в единый образ. Напрягшись, Джек попытался справиться с непослушными глазами. С большим трудом ему удалось сблизить картинки. Джек снова видел нормально, но продолжал сидеть, оцепенев, с открытым ртом.

«Эврика!», — завопил он вдруг и вздрогнул от своего крика. Глаза сами подсказывали ему, что надо делать!

Тут была лишь одна проблема: ему нужна была помощь Элеоноры Прайс, а не далее, как два часа назад, он отменил по телефону свидание, которое сам же и назначил. Ответом была со злостью брошенная трубка телефона.

Он позвонил Элеоноре снова, но к телефону никто не подходил. Он даже обрадовался, что её нет дома. Это означало, что он может бросить работу до следующего утра.

25

Воскресенье. На звонок Джеку пришлось нажимать локтем — обе его руки были заняты коробками распечаток. Звонить ему пришлось минут пять, прежде чем дверь наконец распахнулась. Элеонора только что встала с кровати. При виде Джека её сонливость постепенно начала проходить.

— Батюшки! — воскликнула она. — А я и не знала, что ты решил перебраться ко мне на постоянное жительство!

— Не пугайся, — ответил Джек, протискиваясь мимо неё в прихожую, — просто так выглядит маниакальный читатель распечаток, когда он отправляется в гости!

Не задерживаясь, Джек проскочил прямо в рабочий кабинет Элеоноры. Она шла не торопясь вслед за ним и, войдя в кабинет, увидела, что Джек приплясывает около широкого пульта, который Элла использовала при копировании рисунков.

— Ах, вот зачем ты пришёл, бродяга этакий!

— Я получил такое потрясающее задание, Элла! И твоя игрушка может меня спасти. Мне нужно немедленно проверить одну идею!

— Ты хоть завтракал?

— Об этом я забыл.

— Ладно уж, я сделаю тебе завтрак, хоть ты этого и не заслуживаешь.

Джек услышал, как за ней закрылась дверь, но он даже не обернулся. Обеими руками он оглаживал эпидиаскоп, как ребёнок новую игрушку.

Наконец он решился и щёлкнул выключателем. Матовое стекло озарилось ровным светом. Джек осторожно положил на него первый лист архивной копии, а сверху — первый лист текущей и тщательно выровнял их. В тот же миг все группы цифр точно совпали — идентичность была полной! Джек взялся за другой лист. На этот раз внизу обнаружилось тёмно пятнышко, на глаз хорошо заметное. Несовпадающие позиции были обведены Джеком ещё вчера, но тогда ему понадобилось минут десять, чтобы найти их. Его идея была правильной! Джек наклонился к эпидиаскопу и благодарно поцеловал его в экран.

— Ты просто чудесен, — сказал он ему. — Я прямо влюбился в тебя.

— А ты окончательно чокнулся, — услышал он голос сзади. — Я это предвидела!

Кеннеди быстро развернулся на стуле и обнаружил, что Элла тихо вошла в комнату и стоит, лениво опершись о косяк.

— А, чёрт! — смущённо хмыкнул он.

Она улыбнулась его растерянности и, подойдя, обняла его за шею. Её халат распахнулся.

***

Когда он снова принялся за работу, она пошла у него в таком темпе, который вчера он себе и представить не мог. К концу дня он сумел сопоставить и выловить десять тысяч несовпадающих позиций. Но, увы, все эти различия, похоже, были связаны лишь с непрерывным совершенствованием программ «БАНКНЕТа».

И лишь в восемь часов вечера, когда он искал очередной — переставленный, как он предполагал — кусок программного обеспечения, он не нашёл аналога! Джек снова подавил охватившее его волнение. Такое уже случалось, но каждый раз в конце концов оказывалось, что вставка, вызвавшая его подозрение, была лишь невинным улучшением программы — не было никаких оснований считать эти вставки угрозой для «БАНКНЕТа».

Джек безуспешно пытался интерпретировать обнаруженные числа как инструкцию для компьютера. Совершенно явно они были чем-то иным. В конце концов он пришёл к выводу, что это не могут быть и данные, связанные с решением какой-либо задачи. Джек озадаченно поскрёб в затылке. Подозрительный кусок распечатки включал ровно двести позиций. Они не были пустыми. Но в них не было и программы. Не содержали они и данных для обработки на ЭВМ. А ведь кроме этого в памяти ЭВМ ничего и не бывает?!

В одиннадцать часов вечера Элла принесла ему чашку горячего шоколада и сообщила, что отправляется спать. Он послал её воздушный поцелуй и продолжил работу. Только что он обнаружил очередную серию чисел, не имеющих никакого смысла. Размещены они были не очень далеко от первой загадочной серии. Часом позднее он нашёл третье такое место. Больше ничего подозрительного не было.

С карандашом в руке он подсчитал, что в сумме три подозрительных фрагмента памяти содержат ровно пятьсот позиций — слишком уж круглое это было число, чтобы можно было считать его случайным. Пятьсот позиций образовывали достаточно просторный уголок операционной системы — уголок, в который можно было

запрятать серьёзную программу. Вот только следа какой-либо программы здесь и не было...

— Вот это да, — прошептал Джек сам себе. — Это какой-то бред!

Он ломал голову, пытаясь найти какой-то смысл в этих числах. Но результат был один и тот же. В конце концов он почувствовал, что основная черта этих загадочных чисел — абсолютное отсутствие какого-либо смысла, их полная случайность. И внезапно ему в голову пришла одна достаточно сумасшедшая теория. Её можно было проверить — но только завтра, уже на работе. Джек хорошо понимал, что «мышка» ещё не далась ему в руки. Но теперь он был уже уверен, что, по крайней мере, нашёл её норку.

— Ах ты, хитрец, — прошептал он с уважением, аккуратно складывая распечатки в коробки и вновь представляя себе того, неведомого ему программиста, который запустил «мышку» в лабиринт «БАНКНЕТа».

26

В понедельник Вебб появился в своём кабинете позже обычного. Ему пришлось сначала отправиться в Альтон, где, оказывается, жили родители погибшего, а потом вернуться утренним поездом в Лондон. Как бы случайно он сел рядом с отцом Мартина. Правда, единственной ценной информацией было только то, что Мартин, судя по рассказу его отца, любил временами пошутить, что когда-нибудь он создаст туристическую компанию «Алловей и Смит», которая будет организовывать роскошные поездки вокруг света. И её первым клиентом станет он сам.

Этот загадочный Смит чёрным облаком навис над Веббом, который не переставал размышлять о нём по дороге на работу. Кто он такой? Сообщник Алловея или его неведомый родителям приятель? И где он работает — не здесь ли, у «Уотермана»? И в курсе ли он махинаций покойного Алловея?

Эти мысли оставили его только в дверях кабинета, когда Сьюзен сообщила, что Джек Кеннеди уже три раза забегал с утра. Ему нужно срочно видеть Вебба.

— Позвони ему и скажи, чтобы шёл в конференц-зал!

Джек ввалился в конференц-зал, прижимая к груди драгоценные коробки с распечатками, весь в красных пятнах от волнения.

— Я нашёл *это*, Крис, — завопил он ещё с порога. — Нашёл эту дырку!

— Что вы нашли?

— Дырку в операционной системе!

— Понятия не имею, о чём идёт речь.

Кеннеди взволнованно прохаживался по залу, прикидывая, видимо, с чего начать.

— Для начала успокойтесь, — сказал ему Вебб. — Садитесь тут, передо мной, сделайте глубокий вдох и связно расскажите мне, что вы раскопали.

Подчинившись приказу, Джек оседлал стул и поведал о том, как додумался использовать эпидиаскоп для сопоставления распечаток и как благодаря этому нашёл странные дыры в текущей копии операционной системы «БАНКНЕТа».

— Вот они у меня, — сказал он и открыл распечатки в тех местах, где они были заложены картонными закладками. — Это три разных места, в сумме пятьсот позиций. Не какие-нибудь там четыреста девяносто девять, а ровненько пятьсот! Для программы места вполне достаточно. Беда только в том, что это, увы, не программа...

— Действительно, на программу не похоже, — согласился Вебб.

— Точно, точно, это не программа, чтоб я провалился! Но это и не информация для

решения задач. Могу доказать, хотите?

— Я вам верю.

— Итак, я нашёл три места в операционной системе, заполненные как будто случайно подобранными числами. Это было вчера вечером.

— Судя по всему, этим дело не ограничилось?

— Вот именно.

Кеннеди отложил распечатки в сторону и вытащил из кармана тоненькую книжечку в розовом переплёте. — Это была случайная догадка, но она оправдалась, потому что...

К его удивлению, Вебб вдруг вырвал книжечку у него из рук.

— Где вы, чёрт возьми, её взяли?

Кеннеди растерянно заморгал.

— Здесь, в библиотеке, конечно. А в чём дело, Крис?

Вебб глубоко вдохнул и провёл рукой по лбу.

— Ну конечно же, — сказал он наконец и нервно рассмеялся, а потом бросил книжонку на стол.

— Это ведь обычный справочник случайных чисел, — сказал Кеннеди, оправдываясь непонятно за что. — Он есть в любой технической библиотеке.

— Я знаю.

— Так в чём же дело?

— Ни в чём, Джек. Просто у нашего с вами хитреца есть точно такая же книжечка. Я её как-то заметил у него на столе. Даже обложка того же цвета. Меня совершенно ошеломило, когда я её увидел у вас в руках, — он похлопал Кеннеди по плечу. — Случайная догадка, говорите? Дай вам бог в вашей жизни побольше таких случайных догадок!

— Спасибо, но мне действительно просто повезло. Ведь этот ваш мошенник мог спокойно воспользоваться и каким-нибудь другим справочником — их выпущено несколько. Это действительно три дыры, как я и предполагал. Он оставил место, куда «мышка» могла бы проскользнуть, как только от неё потребуется какая-то работа.

— Минуточку, — сказал Вебб. — Я ещё не вполне сориентировался. В чём хитрость с этими случайными числами? Я что-то не пойму...

— Маскировка! Это ведь очень хитрый способ замаскировать эти дырки. Если бы там стояли нули, это бы сразу бросалось всем в глаза. И если бы там была настоящая мышка, то кто-нибудь из уотермановских программистов мог это заметить и удивиться, а удивившись, начать копать. А случайные числа внешне так похожи на какую-то программу и, значит, в глаза не бросаются, Крис. Отличная мимикрия.

— Но ведь вы же их нашли?!

— Да, но ведь я их специально искал, не забудьте! И кроме того, я подозреваю, что в чём-то я, наверное, схож с этим вашим хитрецом...

— Возможно, — усмехнувшись, согласился Вебб.

— Он чрезвычайно хитёр, вот что я вам скажу! Это трудно объяснить, но среди девяноста тысяч инструкций трудно было найти три лучших места для «мышинных нор». Он должен знать «БАНКНЕТ», как свои пять пальцев!

— Да, в знаниях ему не откажешь, тут вы правы, Джек.

— Вот видите! Что вы теперь об этом думаете?

— Я ещё до конца не могу поверить, что мы действительно нашли эти «норы». И что же должно быть в этих «норах», Джек?

— А вот это должны мне сказать вы!

— Что? — удивился Вебб, и его лицо сразу потемнело.

— Честное слово, Крис, я понятия не имею!

— А, чёрт! — проревел Вебб и грохнул кулаком по столу.

— Это не моя вина, — перешёл к обороне Кеннеди. — Если «мышка» должна забраться в эти «норки», то должна существовать ещё одна какая-то простейшая программа. Для этого нужно не больше пары инструкций.

— Согласен.

— Но я ничего такого не нашёл, хоть перерыл не раз всю груды. Эта ваша «мышка» должна быть где-то в другом месте, причём в том же месте есть и программа. Но где это другое место я понятия не имею и не знаю, как его искать.

— Вы хоть представляете, сколько всего в «БАНКНЕТе» программ? — устало спросил у него Вебб.

— Представить это я могу.

— Это значит, Джек, что мы с вами так и не сдвинулись с места.

— Я думал, вас обрадует хотя бы то, что я нашёл эти дырки в системе, — огорчённо произнёс Кеннеди.

Вебб медленно поднял указательный палец.

— Плевал я в эту вашу дыру! — сказал он со злостью.

27

После несчастья с Алловеем всей работой по «БАНКНЕТу» заправляла Дженнифер Оуэн, которая вела себя как негласная преемница погибшего. Через неделю, видимо, Харрингтон решил, что время траура истекло и официальным распоряжением подтвердил назначение Дженнифер начальником отдела, что не вызвало ни у кого удивления.

На следующий же день после обнародования приказа Дженнифер приступила к переселению. Вебб украдкой наблюдал за суматохой, ожидая, когда начнут вскрывать металлический шкаф, содержимое которого его безмерно интриговало и тревожило.

Вскрывать шкаф пришлось слесарю — почему-то не оказалось ни одного запасного ключа. Едва дверца шкафа распахнулась, как оттуда вывалилась груды каких-то папок и целая кипа журналов, украшенная фотографиями более или менее обнажённых мужчин с непомерно развитой мускулатурой. Вебб бросился помогать Дженнифер. Он поднимал с пола папки, валявшиеся вперемежку с журналами, но глаза его были нацелены только на внутренности шкафа. В глаза ему бросился маленький клочок бумаги, небрежно засунутый между папками на верхней полке. Именно эта небрежность, столь непохожая на педанта Алловеев, и насторожила Вебба.

— Смотри, — сказала Дженнифер, благодарная за помощь, и показала ему какую-то папку, — это моё личное дело. Мне так хотелось прочесть, что обо мне думал Мартин!

— Он что, хранил у себя все ваши личные дела?

— Конечно.

— Послушай, а на Смита здесь тоже есть дело?

— Какого Смита?

— А что, среди сотрудников вычислительного центра нет ни одного Смита?

— Ты знаешь, как ни странно, нет. Есть один Джонс и один Браун, но ни одного Смита.

- А в других отделениях банка?
- Всего банка?
- Да.
- Там, наверное, есть.
- Что, ни один из них никак не связан с «БАНКНЕТОМ»?
- Да, говорю тебе, нет такого!

Она собиралась спросить, чего он вдруг интересуется каким-то Смитом, но в этот момент из шкафа выпала ещё одна папка. Дженнифер вздрогнула и отвлеклась. Впрочем, куда больше, чем Смит, её в данный момент интересовало содержимое собственного личного дела, в чтение которого она и углубилась. Воспользовавшись этим, Вебб молниеносно вытащил бумажку с верхней полки и, повернувшись к Дженнифер спиной, прочёл её. Бумага была белоснежная, явно дорогая. В верхнем углу было отпечатано типографским способом: «Из канцелярии Дэвида Клемента», а ниже от руки было написано:

7 декабря.

Дорогой Марти, чисто случайно я узнал в нашем отделе безопасности, что Алекс приказал прослушивать твой телефон. Что там у вас, чёрт возьми, делается? По понятным причинам я не могу тебе звонить!!! Я сегодня утром уезжаю из Лондона на совещание, буду только в понедельник утром. Прошу тебя, сразу же позвони мне. Только, ради бога, откуда-нибудь из автомата — домашним телефоном не пользуйся.

Искренне твой, ДЭВИД.

У Вебба перехватило дыхание. Седьмое ноября... Значит, когда он звонил Алловею, его телефон прослушивался!

Вебб стал лихорадочно вспоминать, что он сказал Алловею, что тот ответил ему. Внезапно он вспомнил серию щелчков в телефонной трубке, на которые тогда не обратил внимания.

— Дьявол! — забывшись, произнёс он вслух.

— Кристофер! — Дженнифер оторвалась от чтения своего личного дела и с улыбкой взглянула на него. — Следи за собой, не то я могу подумать о твоих манерах бог знает что.

Ему стоило немалых усилий выдавить из себя улыбку и справиться с голосом, прежде чем повернуться к ней.

— Кое-что ты уже о них и так знаешь, — ответил он.

— Что да, то да, — пробормотала она, снова погружаясь в чтение.

Вебб снова отвернулся, напряжённо пытаясь понять, что же известно этой лисе Харрингтону. О чём он проведаль? В чём, собственно, он начал Алловея подозревать, после всех своих уверений, что в лондонском вычислительном центре всё в порядке?

Дженнифер наконец закончила своё увлекательное чтение и с триумфальной улыбкой показала Веббу одну страницу из личного дела.

— Смотри, Мартин написал здесь, что я чрезвычайно хороший специалист, всесторонний профессионал. А это дорого стоит. Что ж, похвала и от мёртвого приятна. Теперь не жалко отдать бумаги Харрингтону.

— А что, он так распорядился? — спросил Вебб.

— Да, сегодня утром он велел мне переправить все бумаги Мартина к нему.

— К нему, значит куда? Я ведь у него ещё ни разу не был.

— Я тоже. По-моему, его кабинет где-то внизу, но я понятия не имею, где. А зачем тебе это?

Но Вебба уже и след простыл.

28

То немного, что Вебб знал о методах взлома, он узнал во время двух кратких лекций, которые ему прочёл Генри Ларкомб. Ларкомб не был ни преступником, ни полицейским, но в воровских методах он разбирался профессионально — это была его работа. Генри Ларкомб служил страховым экспертом. В его обязанности входило наносить визиты пострадавшим, чтобы выяснить, какие вещи были украдены и каким образом. Когда они встретились у Вебба впервые, этот невысокий мужчина был хмур и вёл себя, как директор школы, пришедший домой к неуспевающему ученику.

— Вы полностью заслужили, чтобы вас обокрали, знаете об этом? — начал он, едва осмотрев дом. — Вам ещё крупно повезло, что вас не обчистили догола! Ведь ваше жильё никак не защищено от кражи. Это даже смешно. Для начала поставьте хорошие замки, ладно? Да и охранную сигнализацию было бы неплохо поставить. Более того, я даже настаиваю на этом. Для такой богатой обстановки страховая компания имеет право требовать установки сигнализации!

Они встретились снова через год, почти день в день. Вебб был просто потрясён тем, как его обокрали на этот раз. Ларкомб вёл себя несколько приветливее, пару раз он даже позволил себе холодно улыбнуться.

— На этот раз они забрали ещё больше, — пожаловался ему Вебб горестно.

— Но это же вполне естественно, — ответил Ларкомб спокойно. — Хотя бы из-за этого красного ящика на стене. Это же прямо как тряпка для быка. Поставьте сигнальное устройство на стену и вам гарантирован визит грабителя первого класса. Это старая истина.

Он ходил по комнатам в туфлях на толстой каучуковой подошве, бесшумно, как кошка. Помятый плащ он отказался снять, а в очках у него были такие сильные стёкла, что казалось, будто он вставил себе в оправу две лупы из тех, которыми пользовался Шерлок Холмс. Он осмотрел двери чёрного хода, а потом окно в холле на первом этаже.

— Поразительно, — сказал Ларкомб, — всё это можно было так легко предвидеть. Люди обычно думают, что ключ — это такой металлический предмет, который подходит к замку. Отнюдь. Лучший ключ — это... Попробуйте догадаться! Память! Память о том, где и какие слабые места.

Он перебрался в библиотеку.

— Это у вас было закрыто, не так ли? — он то открывал, то закрывал дверцу секретера.

— Конечно. У меня там хранился фотоаппарат с принадлежностями, кое-какая наличность...

Ларкомб пренебрежительно фыркнул, вытаскивая из кармана потрёпанный бумажник, а из него — пластмассовую кредитную карточку.

— Закройте его, пожалуйста.

Вебб закрыл секретер. Внезапно Ларкомб засунул пластмассовую карточку в щель между дверцей и рамой. Быстрое движение — дверца распахнулась.

— Попробуйте теперь сами, — Ларкомб протянул Веббу свою «отмычку».

Вебб попытался повторить трюк, но обнаружил, что это совсем не так просто.

— Не так, — поправил его Ларкомб и, взяв его руку в свою, показал, как надо вести карточку, чтобы она подцепила ригель замка и отодвинула его. Через пару минут Вебб овладел этим нехитрым искусством.

Они уселись в гостиной, Вебб угостил Ларкомба рюмкой шотландского виски и тот разговорился.

— Знаете, о чём я мечтаю порой, господин Вебб? — сказал вдруг Ларкомб, закончив заполнять протокол осмотра. — Это, конечно, только шутка, но всё же... Мне бы хотелось грабануть какой-нибудь филиал банка «Барклэй»! Мне бы для этого не потребовался даже стандартный набор «медвежатника», я бы обошёлся вот такой кредитной карточкой, какими-нибудь клещами и парой метров кабеля. При этом я бы взял не какую-нибудь кредитную карточку, а именно «Барклэя», чтобы это было уж совсем стильно!

Вспоминая этот разговор, Вебб без труда представил, что Ларкомб бы сказал о той экспертизе, которую Харрингтон поручил провести фирме «ДАСТ».

— Достойное похвалы намерение, — сказал бы Ларкомб. — Найти слабые места, чтобы повысить уровень безопасности. Богатая идея. Вот только отчёт вашего эксперта... Ведь он теперь станет самым слабым звеном в системе безопасности, согласны? В нём же как по заказу будут перечислены все ваши прорехи, которые сразу и не углядишь. Я бы этот доклад охранял очень тщательно, господин Харрингтон, будь я на вашем месте. Он же станет ключом ко всему вычислительному центру!

Вебб вызвал Сьюзен и попросил, чтобы она соединила его с «ДАСТ».

— Соедини меня с ними, как только там снимут трубку. А сама не представляйся и не называй, из какой фирмы ты звонишь. Ясно?

Через минуту телефон на его столе слабо звякнул.

— «Дэйта Стадиз», — услышал он в трубке голос телефонистки.

— С вами говорят из банка «Уотерман», — представился Вебб. — Бухгалтерия. Видите ли, мне надо кое-что уточнить в вашем последнем отчёте, но мне не сказали, к кому у вас я могу обращаться.

— Речь идёт об «Уотермане», да?

— Вот именно, — Вебб говорил тем пренебрежительно-уверенным тоном, который почему-то присущ всем бухгалтерам, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Прошло несколько минут. В трубке раздался щелчок и другой женский голосок сообщил:

— Я секретарша господина Фуше. Это вы звоните мне от «Уотермана»?

— Вот именно, мадам. Как вы сказали, фамилия вашего шефа? Давайте по буквам. Значит так? Ф-У-Х...

— Нет-нет, не так: Ф-У-Ш-Е. Записали?

— Да, спасибо. Именно он... Он руководит работой по нашему заказу?

— Да-да. Сейчас он на совещании, но если у вас что-нибудь срочное, я его вызову!

— Нет, спасибо, не надо, — ответил Вебб приветливо. — Я ему позже позвоню.

И он повесил трубку, не дожидаясь ответа.

«Хорошая вещь эти секретарши», — вдруг подумал он и усмехнулся. — «Что бы мы делали без них?!»

***

Джек Кеннеди в это время сидел двумя этажами выше, забросив ноги на выдвинутый ящик стола и полностью отрешившись от всего вокруг. Он непрерывно

думал о «мышке» и о том, где же она пряталась между разбойными набегами. Вебб, правда, его временно освободил от работы по «Уотерману», но запретить думать он Джеку не мог. А Джек и не мог бы этого сделать, даже если бы и захотел — загадка резервной «норки» не давала ему покоя. Беда была в том, что Джеку не хватало информации. Вебб отказался дать ему распечатки ещё каких-нибудь программ, утверждая, что банк крайне осторожен. Отказался Вебб сообщить и то, что он знает о господине Икс. Это даже несколько обидело Джека.

Джек вдруг вспомнил о своих первых шагах в операции «Уотерман», когда Вебб поручил ему предварительную рекогносцировку. За неимением ничего лучшего, Джек решил просмотреть хоть те материалы, которые ему удалось добыть тогда. После недолгих поисков в его руках оказалась папка с надписью «Уотерман».

Папка была почти пуста, в ней были только выписки из досье, полученного от Пола Изака. Джек бегло проглядел их и вдруг натолкнулся ещё на какую-то бумажку, на которой была только дата и несколько рукописных строчек. Джек вспомнил, что эти строчки он накарябал на колене во время разговора с Веббом.

БЕСЕДА С КРИСОМ — «ДЕЛО „УОТЕРМАН“».

Крис очень хвалит досье, которое я добыл у «Левена». Звонок посреднику. Банк-дублёр. Крис хочет пригласить оттуда, якобы для переговоров о переходе. Фантастическая дерзость!

Воспоминание о лихом трюке Вебба вызвало у него усмешку, которая вдруг застыла у него на лице, сменившись выражением некоего обалдения.

— Вот оно что! — хлопнул он вдруг себя по лбу и пулей вылетел за дверь.

В кабинет Вебба он влетел с воплем?

— Я нашёл её, Крис! Я знаю, где её искать!

— «Мышку»?

— Конечно, кого же ещё!

Кеннеди рухнул в кресло с таким видом, как будто только что пробежал марафон.

— Вы должны были мне напомнить, что их же два, — упрекнул он Вебба. — Я об этом совсем забыл и вспомнил только что. Мы бы сэкономили несколько недель труда.

— Кто два? Что вы плетёте, Джек?

— Два вычислительных центра, конечно, что же ещё! Понимаете? Эта ваша «мышка» живёт во втором вычислительном центре, — Кеннеди гордо ухмыльнулся. — Постоянное её логово находится в Манчестере!

— Но ведь там, в Манчестере, все программы полностью идентичны лондонским...

— Откуда вы это знаете?

— Во всяком случае, так думают все в банке, — ответил Вебб, тоже начиная улыбаться. — В этой идее что-то есть!

— У них в Манчестере свои программисты?

— Ни одного.

— Можно было догадаться! Только операторы, так?

— Вот именно, — ответил Вебб, с уважением глядя на Джека.

— Тогда я позволю себе ещё одну догадку. Программы в Манчестере будут полностью тождественны лондонским, с одним лишь маленьким исключением — вместо случайных чисел в дырках там будет сидеть «мышка»!

— Это выглядит довольно правдоподобно, — признал Вебб и вдруг хлопнул себя по лбу. — Бог ты мой!

— В чём дело?

— Да в том, что у меня как раз есть распечатка системной библиотеки из Манчестера — вся их операционная система как на ладони! В эту минуту она лежит на моём столе в лондонском центре.

— Но если это только описание системной библиотеки, то в нём вы «мышку» не найдёте. Не забывайте, что она была записана позже, в уже готовую операционную систему.

— Всё правильно. Но только по чистой случайности мне из Манчестера в той же посылке прислали и распечатку памяти. Я её не просил, но они её на всякий случай тоже прислали. Я в неё и не заглянул ни разу. — Вебб ожесточённо постучал себя по лбу. — Дьявол, сколько сил мне стоило добыть для вас лондонскую копию, а «мышка» сидела прямо перед моим носом!

— Такова жизнь!

— Она уже несколько недель помахивает мне хвостиком, а я на неё — ноль внимания, кретин!

Кеннеди искренне наслаждался зрелищем — Вебб, поносящий сам себя за тупость, такое нечасто увидишь. Опьянённый собственным успехом, он самоуверенно развивал теорию о том, как «мышка» добывает деньги для своего создателя. Но Вебб стоял к нему спиной, глядел куда-то в окно и даже не прислушивался к словам Джека.

— Какая-то проблема, Крис?

— Помолчите минутку, Джек. Мне надо кое-что обдумать.

Только теперь Вебб начал понимать, что так вспугнуло Алловея. Он вспомнил, как пошёл к Сонди просить копию операционной системы и тот с невинным видом предложил запросить её из Манчестера. Реакция Алловея последовала через два дня после этого. «Похоже, он решил, будто я уже иду по следу», — понял Вебб.

— Вы абсолютно правы, Джек, — сказал Вебб, повернувшись к Кеннеди. — «Мышка» действительно живёт в Манчестере. — Что вы делаете сегодня вечером?

— Я хотел...

— Забудьте об этом! Через час я вернусь и снова вас вызову. Охота на «мышку» продолжается!

— Фантастика, — сказал Кеннеди и возбуждённо потёр руки

***

В вычислительном центре Вебб вырвал из манчестерской копии двенадцать листов, дважды сверив размещение трёх «мышинных норок» с теми цифрами, которые Кеннеди записал ему в блокнот. Распечатки он перегнул пополам и засунул в большой коричневый конверт с адресом какой-то фирмы в Глазго — один из тех, которые ему приготовила в своё время Сьюзен. Конверт он тщательно заклеил.

То, что на нём было напечатано «ЧАСТНОЕ ОТПРАВЛЕНИЕ», опять сыграло свою роль. На охранников эти слова, наверное, действовали как заклинание.

Спустя четверть часа после того, как он передал распечатки Джеку, Вебб подходил к зданию «ДАСТА» на Мортимер-стрит. Здание было совсем новеньким, из красного кирпича, с чёрными металлическими рамками. Три ступеньки, выложенные из того же

красного кирпича, вели к стеклянным дверям, на которых золотыми буквами горело название преуспевающих конкурентов «СисТеха». Глянув сквозь двери, Вебб увидел, что холл абсолютно пуст — ни единого кресла. Не было там и швейцара.

Вебб перешёл на противоположную сторону улицы, чтобы иметь лучший обзор. В окнах «ДАСТа» он увидел пару сотрудников, один из которых стоя разговаривал по телефону. Вебб насчитал пять этажей, хотя ему показалось, что наверху, за террасой, есть ещё и шестой.

Сьюзен, звонившая по его просьбе в «ДАСТ», узнала, что у Фуше внутренний номер телефона — 38. Кроме того, Веббу было известно, что у Фуше есть секретарша. Это значительно облегчало дело: ему надо будет обращать внимание только на кабинеты, у дверей которых есть стол с пишущей машинкой.

***

На Мортимер-стрит Вебб возвратился в 17:15. Холл был по-прежнему пуст. «Давай!» — сам себе скомандовал Вебб и, глубоко вдохнув, вошёл в вестибюль. Быстрым шагом он пересёк его и сбежал по лестнице вниз, в подвал. В комнате отдыха он нашёл мужской туалет и забрался в самую последнюю кабинку. Сегодня была пятница. Если ему хоть немножко повезёт, то большинство персонала смоеся с работы через полчаса.

К 18:20 здание затихло, но Вебб из осторожности подождал до 19:00. Пиджак он снял и повесил на вешалку у двери туалета, рядом с умывальником. Секунду подумав, он достал из пиджака бумажник и переложил его в задний карман брюк. Потом он закатал рукава рубашки, расстегнул верхнюю пуговицу и слегка распустил галстук, после чего взял в руки карандаш и блокнот и вышел из туалетной комнаты.

Пройдя по холлу, он стал неторопливо подниматься по лестнице, прижимаясь к стене, чтобы быть как можно менее видимым с улицы, но стараясь, чтобы его движения были спокойны, как будто он имел полное право так разгуливать по зданию «ДАСТа». Шёл он, однако, совершенно бесшумно — на нём были такие же туфли с толстой каучуковой подошвой, которые так любил Генри Ларкомб.

Осмотр первых двух этажей не дал результата, там не было отдельных кабинетов, а в комнате на втором этаже Вебб нарвался на двух мужчин. К счастью, они были так поглощены разговором, что не заметили, как Вебб приоткрыл дверь.

Третий этаж был явно отдан руководству — коридор был покрыт глушащим шагами паласом, на стенах висели литографии, а главное — комнаты были расположены «ёлочкой», и перед каждой из них была комнатка без дверей для секретарш, чтобы те, не вставая, могли видеть, кто вошёл в коридор. Ни под одной дверью не было заметно света.

Телефонный аппарат на столе первой же из секретарш имел номер 38, и Вебб с облегчением вздохнул. Увы, двери в кабинет Фуше были закрыты, а когда он бросился к столу секретарши, то обнаружил, что и ящики закрыты. Тогда Вебб начал по очереди приподнимать все письменные принадлежности. Он заглянул даже под пишущую машинку, и под войлочной подстилкой наконец увидел ключик, который явно мог подойти к ящикам секретарского стола. А уж обнаружить ключ от кабинета Фуше в верхнем ящике вообще не составило для Вебба никакого труда, и через минуту он уже входил в желанный кабинет. Он глубоко вздохнул и вытер лицо рукой. Ладонь стала совершенно мокрой.

Кабинет был обставлен с показной роскошью. Позади стола стоял застеклённый

шкаф. Вебб начал просматривать содержимое каждой полки, напрягая слух, чтобы не быть застигнутым врасплох. Но он слышал только своё собственное дыхание, такое громкое, что ему даже казалось, что оно может заглушить любой подозрительный звук. Он чувствовал, как кровь пульсирует у него в висках.

И наконец он увидел эту папку. Она была довольно толстой и стояла прямо перед ним, на средней полке, с надписью на корешке: «Уотерман». Вебб инстинктивно нажал на стекло, чтобы отодвинуть его и вытащить папку. Но стекло не поддалось. Вебб глянул, чтобы увидеть, где его заклинило, и только теперь обнаружил замок. Он со злостью выругался и бросился к столу Фуше. Но у стола был только один ящик, а в нём не было ничего кроме ежедневника и коробки для сигар. Вебб распрямился и ошеломлённо покачал головой. Это препятствие было даже смешным — тоненький металлический язычок, сломать который не составило бы ни малейшего труда. Но взломанный замок мог возбудить подозрения, а Вебб не был уверен, стоило ли ему так рисковать.

Его взгляд упал на красную папку, которая стояла полкой ниже. Вебб наклонился и прижал лицо почти к самому стеклу, чтобы прочесть название папки. «Благодарю вас, господин Фуше», — прошептал он и направился к столу секретарши за ножницами, которые он взял через платок. Замок он выломал без труда и оставил его лежать на полу, там, куда он упал. Папку с надписью «Уотерман» он вытащил тоже с помощью платка и положил её на стол Фуше.

Первым делом он проглядел приложения и нашёл там планы всех шести этажей вычислительного центра. Кабинет Харрингтона действительно был на первом, недалеко от лестницы. Быстро перечертив план запретного этажа в свой блокнот, Вебб начал листать доклад. Его поиски были не напрасными — в самом конце доклада указывалось три слабых места в системе обеспечения безопасности вычислительного центра и вывод, что устранение этих слабых мест требует прежде всего укрепления дисциплины сотрудников и строжайшего соблюдения требований внутреннего распорядка. Вебб тщательно протёр папку носовым платком и аккуратно поставил на место.

Теперь он взял в руки, уже не утруждая себя мерами предосторожности, красную папку, которая так заинтересовала его вначале. На её обложке была оттиснута маленькая чёрная корона, а ниже слегка старомодным шрифтом было отпечатано «Министерство обороны — командование тыла», и дальше крупными литерами — «Предварительное исследование возможностей реализации проекта „Мондриан“». В верхнем правом углу было оттиснуто слово, которое и привлекло внимание Вебба: «СЕКРЕТНО».

Он ещё раз протёр стекло и ручку ящика стола. Шкаф он оставил открытым и направился к столу секретарши. Ещё несколько движений носовым платком по тем местам, где он мог оставить отпечатки пальцев... На секунду он задумался, а потом через платок открыл ящики стола секретарши, а один даже вытащил полностью наружу и вывернул его на стол. Погасив свет, Вебб выскользнул к лифту и, никем не замеченный, спустился прямо в подвал, где в туалетной комнате висел его пиджак. Приехав на Фитцрой-сквер, Вебб первым делом пустил в бумагорезательную машину папку Министерства обороны, даже не заглянув в неё. Потом он поднялся наверх, посмотреть, как дела у Кеннеди. Но того и след простыл.

Кеннеди просидел над распечатками почти целую ночь. Сперва, руководствуясь справочником по «ИБМ-370/165», он декодировал числа в распечатках памяти и переписал коды инструкций в свой блокнот. При переписывании выяснилось, что это, собственно говоря, три программы, по одной в каждой «норке». Джек пытался понять, в чём же состоят функции каждой. Отчасти ему это удалось. Но ряд операций касался данных, записанных на дисках. Что содержат эти диски, Джек понятия не имел. Если бы у него был справочник по «БАНКНЕТу»... Некоторые поля программы, и в этом Джек был убеждён, означали конкретные денежные суммы.

Когда он уже выбился из сил, ему удалось наконец расшифровать два таких поля. Джек исходил при этом из предположения, что денежные суммы выражены в фунтах стерлингов. Ход одной из программ проследить было совсем не трудно — она была предназначена для перечисления суммы, составляющей ровно девять тысяч фунтов стерлингов, с одного банковского счёта на другой. Вот она — кража, подумал Джек. Отлично! С другой программой дело обстояло сложнее. Похоже, что её задача заключалась в проверке счёта, содержащего фиксированную сумму 1252 фунта 47 пенсов. «Зачем это?» — удивился Джек. Такая курьёзная сумма... Наверное, это мог бы понять только Крис, будь он рядом.

30

Суббота, 26 февраля. Вебб извёлся в своём кабинете, ожидая Кеннеди. Тот появился с опозданием, потирая красные от бессонницы глаза.

— На это, что, ушла почти вся ночь, Джек?

— Ага, — ответил Кеннеди.

Он не скрыл от Вебба своё разочарование мизерным масштабом «мышкиных» операций.

— И это всё, что вы смогли отсюда вытащить? — спросил Вебб наконец.

— Что касается меня, то это максимум того, что я могу с этими распечатками сделать.

— О'кей, остальное предоставьте мне. Мне потребуется часок-другой, чтобы как следует это обдумать. Я думаю, что вам лучше появиться здесь... Часа в три. Устраивает?

Кеннеди возвратился точно к назначенному времени. Когда он вошёл в комнату, ему на секунду показалось, что сейчас он задохнётся — в комнате было накурено до синевы. Доска на стене была исчерчена цифрами и непонятными диаграммами.

— Фу, — сказал Кеннеди и замахал перед лицом руками.

Вебб поднял глаза.

— Если это вам мешает, можете открыть окно.

— Ну что, Крис? — спросил Кеннеди нетерпеливо. — Вы уже полностью разгадали эту головоломку?

— Ну, ещё не полностью, конечно. Но основные моменты теперь ясны, хотя мне потребуется ваша помощь. Мне нужно будет ещё раз посмотреть кое-какие материалы в банке, хотя я ещё и не знаю, как к ним добраться.

— А скажите...

Но Вебб, не дав Джеку закончить фразу, постучал карандашом по столу.

— Всё по порядку, Джек. Режиссуру оставьте мне. — Вебб посмотрел на лист бумаги, где он набросал перечень неясных вопросов. — Начнём с того, как, собственно говоря, наша «мышка» путешествует, то есть как она вылезает из своего

убежища и добирается до Лондона?

— Мне кажется, что мы это уже обсуждали утром...

— Давайте повторим!

Кеннеди обиделся, но сдержал себя и начал подчёркнуто монотонно:

— Насколько я могу судить, «мышка» из Манчестера доставляется в Лондон в рамках обычной связи. Похоже, что это оформлено, как прямая передача информации от одного компьютера к другому, так что у дежурного оператора нет оснований предполагать нечто особенное. Это происходит каждые двадцать четыре часа, ровно в полночь, секунда в секунду.

— А я знаю, почему это так происходит, — перебил его Вебб. — Основная работа по ежесуточному уточнению сумм на счетах всех клиентов начинается в четверть первого ночи. Понятно?

— Ага. И «мышка» первой прибегает к кормушке с деньгами. — Раздражение Джека внезапно прошло, его снова охватил охотничий азарт.

— Вот именно!

— Наша «мышка», наверное, самая пунктуальная на свете, — усмехнулся Кеннеди. — Как только бьёт полночь, она прибегает в Лондон.

— Этакая деревенская серая мышка-разбойница, прибегающая в столицу погрызть денежки, — подхватил в том же тоне Вебб.

И ей есть ради чего спешить, — разошёлся Кеннеди. — Она проскальзывает в свою «норку» в лондонской программе и приступает к грабежу. Когда дело сделано, она вызывает набор случайных чисел. Б-з-з. «Мышка» стёрта, и лондонский компьютер снова совершенно невинен. Просто гениально придуманный грабёж!

— Не спорю, — согласился Вебб и наклонился к своему молодому собеседнику. — Утром вы мне сказали, что эта процедура уже полностью эксплуатируется, день за днём. Вы в этом полностью убеждены?

— Абсолютно! — засмеялся Кеннеди. — Это чертовски трудолюбивая «мышка». Думаю, что за свою жизнь она не пропустила ни одного рабочего дня.

— Вот это да! — охнул Вебб. Чтобы скрыть свои чувства, он уставился в потолок. Боже ж ты мой, грабёж из гроба! Алловей имеет полное право на целую страницу в „Книге рекордов Гиннеса“. И на всё это наследство некому претендовать, кроме него — Вебба и этого загадочного Смита...

— Сколько же она уже отгрызла? — услышал он откуда-то издалека вопрос Джека.

— Понятия не имею. И даже могу объяснить почему.

— Но вы же догадываетесь, для чего служат все эти программы. Мне, во всяком случае, так показалось...

— Более или менее, — Вебб усмехнулся, вырвал из своего блокнота листок бумаги и двинул его через стол к Кеннеди, перевернув исписанной стороной вниз. Одним пальцем он прижал его за угол, чтобы Джек не мог перевернуть листок.

— Вы были правы, Джек, когда предположили, что речь идёт о трёх самостоятельных программах. Это прямо-таки банда! Один грабит кассу, другой правит машиной, третий — и его роль особенно важна — осуществляет операцию по превращению добычи в годные для траты деньги, то есть осуществляет обмен зарегистрированных банкнот. Наш мистер Икс создал маленькую шайку компьютерных программ, которая проводит за него всю работу.

Палец наконец поднялся, и Кеннеди взял листок со стола.

— Что это такое, чёрт возьми? Это банда?

— Это только имена её членов. Точнее, их прозвища. Теперь мы уже не узнаем, как он действительно называл... Как он их называет.

Кеннеди был слишком ошеломлён прочитанным, чтобы заметить оговорку Вебба.

— Робин? Мастер? Копирка? Вы что, решили подшутить надо мной?

— Вовсе нет! Это очень точные псевдонимы. Я потратил на их изобретение не меньше времени, чем на разгадывание алгоритма грабежа.

— Но что же значат эти клички?

— Всё очень просто, Джек. Робин Гуд грабит банк, Мастер отвечает за транспортировку добычи, её перевод на нужный счёт. А Копирка всё это копирует, хотя в полном объёме его функции ещё остаются для меня загадкой.

— Значит, это «Мышиная банда», — задумчиво произнёс Кеннеди и почесал в затылке. — Звучит не слишком внушительно. Во всяком случае, «Уотерман» вряд ли испугается такого противника... Даже предположить, что он существует на свете, и то им в голову не придёт!

— Именно в этом и заключается секрет успеха. Совершенно неожиданное нападение! — Вебб развлекался от души.

— А не могли бы вы мне объяснить, как, собственно, начинается их налёт?

— Это дело Робин Гуда. Он обирает богатых и передаёт деньги нашему бедному гению. При этом он не трогает самого «Уотермана» и менее состоятельных клиентов. Он просто облагает данью самые крупные счета, выбрав те, по которым сумма платежа за услуги, оказанные клиенту, превышает определённую величину. Потом он слегка завышает этот платёж и разницу забирает себе. Мне кажется, что даже если какой-нибудь дотошный клиент и обнаружит подобное завышение, «Уотерман» всё равно не станет бить тревогу, а просто извинится за ошибку ЭВМ. Во всяком случае — банк свой навар не теряет, Робин Гуд получает добычу, а клиент и не замечает того крохотного кусочка, который от него отщипнули. Повторяйте этот трюк достаточно часто, и из маленьких крошек соберётся большой пирог!

— Проще это, действительно, сделать нельзя, — признал Кеннеди. — Я ожидал даже чего-то более сложного.

— Подождите разочаровываться, Джек! То, что я вам описал — старый-престарый трюк. Главная проблема для нашего гения состояла в том, как эти денежки унести домой и при этом не попасться! У него ведь два важнейших ограничения — учётный баланс должен сойтись с точностью до пени и его не должны задеть никакие операции Робин Гуда, а, во-вторых, для изъятия денег в своё личное владение он должен был воспользоваться стандартными процедурами «БАНКНЕТа»...

— ...иначе бы «мышка» так разрослась, — подхватил Кеннеди, — что её уже невозможно было бы спрятать?

— Вот именно. Поэтому, для того, чтобы удовлетворить оба эти условия, ему нужно было добиться, чтобы счёт, на который перечисляются украденные деньги, был совершенно реальным и внешне ничем не отличался бы от любого счёта клиентов «Уотермана». При этом такой счёт не должен вызвать подозрений ни у одного инспектора в ходе частых тайных ревизий, которые очень любят у «Уотермана».

— А что ищут уотермановские ищейки при таких инспекциях?

— Я уже говорил, это скрывается и вряд ли мне об этом расскажут. Но, думается мне, наш господин Икс об этом прекрасно осведомлён, и потому его счёт наверняка не может вызвать чьего-либо подозрения. Но всё же Робин Гуд вынужден работать вместе со своими подручными, а не в одиночку. Наш гений наверняка и не собирался

никогда брать деньги непосредственно со счёта Робин Гуда. Он использует его лишь как камеру хранения.

— И вы уже знаете на чьё имя он открыт?

— Мне неизвестно ничего, кроме его номера. А из тех распечаток, которые у нас есть, абсолютно невозможно догадаться, сколько уже денег перечислено на этот счёт.

Кеннеди задумчиво помял подбородок.

— К счастью, — продолжал Вебб, — это не особенно нам помешает. Куда больший интерес представляет второй счёт — тот, на который переводит деньги экспедитор банды — наш приятель Мастер.

— Ага, — прошептал Джек, — кажется, я начинаю понимать.

— Обычно каждая операция в «БАНКНЕТЕ» тщательно документируется. Однако, наш Мастер плевать хотел на эти правила. Он забирает часть денег со счёта, который служит камерой хранения, и переводит их на другой счёт. Но при этом не оставляет никаких записей. Что касается счёта-получателя, то там тоже нельзя понять, откуда пришли деньги — во всяком случае, отсутствуют какие-либо следы, ведущие к счёту Робин Гуда!

— Может быть, это вообще перевод из конторы лотереи, да? Какой-то выигрыш?

— Может быть, может быть. Во всяком случае, хозяин «Мышиной банды» может чувствовать себя в полнейшей безопасности.

— Но как Мастер узнает, куда ему надо переправлять добычу Робин Гуда? — спросил Кеннеди, задумчиво разглядывая листок из блокнота Вебба. — Если бы подобные инструкции были включены непосредственно в состав программы, всю шайку можно было бы выследить по этому следу, так ведь?

— Мастер получает свои инструкции с диска. Это всего лишь пара чисел, которые хозяин «Мышиной банды» преспокойно записывает на диск каждый день. Я предполагаю, что это какой-нибудь очень простой и совершенно невинный ход — например, ежедневная проверка правильности занесения информации на диск. Никто в вычислительном центре на это не обратит внимания, ведь такая проверка — вполне будничное дело.

— Иными словами, на глазах у всех закладывает тайник, — возбуждённо сказал Джек. — Так это, по-моему, называется в романах про шпионов?

— Неплохая аналогия, Джек, — согласился Вебб. — Видите ли, человек, который создал «мышку», не может себе позволить, чтобы его кто-нибудь застал «на связи» с ней. Между ними не должно быть никаких прямых контактов. Вот он и придумал этот трюк с диском. Короче говоря, когда указания находятся в нужном месте на диске, то Мастер точно знает, что ему надо сделать — какую сумму перевести, на какой счёт и так далее.

Вебб пододвинул к себе распечатку из Манчестера и карандашом показал Джеку на число в красной рамочке.

— Вот вам одна такая цифра-инструкция — девять тысяч фунтов стерлингов. Это значит, что Мастер перечислил на другой счёт сумму в девять тысяч. Это было, видимо, пару недель назад.

— Я это заметил, — согласился Кеннеди. — Мне было ясно, что это число означает денежную сумму, но я не понял, каким образом «мышка» эту информацию использует.

— А я вам могу рассказать, как. Дело в том, Джек, что Мастер способен орудовать и за пределами империи «Уотермана».

— Вы это серьёзно? — Кеннеди был явно удивлён.

— Вполне. Ему достаточно дать указание о перечислении нужной суммы на реальный счёт в каком-нибудь другом банке, а всё остальное уже сделает компьютер общенационального вычислительного центра клиринговых банков. Неплохо, а? Конечно, риску тут побольше, но я убеждён, что «Мышиная банда» не пренебрегала такими трюками.

— А в этом другом банке такая операция никого не насторожит? — недоверчиво спросил Джек.

— А что, позвольте вас спросить, должно их насторожить? Речь же идёт о реально существующих деньгах, чего же им волноваться?

— Чего я не могу понять, так это несоразмерности такой хитроумной системы грабежа и мизерной суммы добычи. Столько труда и ради чего — каких-то девяти тысяч фунтов!

— Какие-то девять тысяч?! Дьявол побери, да ведь вам надо два года работать, чтобы столько заработать!

— Ну вы же меня прекрасно понимаете, Крис, не прикидывайтесь! Как вы думаете, почему эта сумма так мала, Крис?

Но Вебб уже переключился на другое.

— Давайте-ка теперь, Джек, займёмся нашим загадочным Копиркой, хорошо? Он ужасно таинственный тип — этот Копирка. Копирует счета и чего-то ждёт. Вот только чего?

— Это вообще довольно странно, — согласился Кеннеди.

Вебб открыл страницу распечатки, всю исчерченную красным карандашом.

— Копирка руководствуется в своей деятельности одним-единственным числом, которое для него записано на диске. Это число означает номер филиала банка — и Копирка там немедленно открывает счёт! А потом просто копирует на него сальдо другого счёта — таково содержание его работы. Поглядите, Джек, сальдо он всегда берёт с одного и того же счёта — номер 734282 в филиале номер 10053.

— Но это означает, что он, собственно говоря, делает деньги из ничего, — подхватил Кеннеди.

— Для этого в игре уж слишком мала ставка — неполных девять тысяч фунтов. Копирка проверяет состояние счёта — это стандартная процедура, а на счёте 734282 постоянно находится сумма, равная 1252 фунтам стерлингов.

— И семидесяти четырём пенсам, Крис. Не забывайте об этом.

— Вы тоже на это обратили внимание?

— Конечно, ведь это же довольно странно. Этот ваш гений — случаем, не чокнутый?

— Ну, нормальным его тоже не назовёшь, — Вебб засмеялся.

— Но ведь... Если этот человек хоть немножко хитёр...

— Заканчивайте рассуждать о его интеллекте, — резко прервал его Вебб и постучал пальцем по распечатке. — Я эти коды проверил в вычислительном центре. Номер 10053 соответствует филиалу в Найтсбридж.

— Ага, значит, теперь вы уже сможете раскрутить его дело до конца? — Кеннеди в радостном возбуждении потёр руки.

— Чёрта лысого, ничего я не смогу, — со злостью сказал Вебб. — Хотите — верьте, хотите — нет, но этот идиотский банк и близко не подпускает меня к счетам своих клиентов. Эти тупые бюрократы даже не позволяют мне узнать, на чьё имя открыт тот или иной счёт. Поэтому у меня и нет в распоряжении ничего, кроме этих

выдуманных псевдонимов.

— Ей-богу, это занятная проблема, — сказал Кеннеди и вновь склонился над распечатками, просматривая программы и сравнивая их со своими записями. Вебб следил за ним молча, в нём всё ещё кипел гнев.

— Это довольно странно, — сказал Кеннеди наконец. — Вы заметили, насколько вся программа сосредоточена на переводах денег с одного счёта на другой?

— Я вам говорил об этом, Джек, зачем же повторяться?

— Да, да, но я подумал, что все эти программистские штучки имеют смысл только в том случае, если есть не только тот счёт, о котором вы говорили. Если взглянуть на дело с этой стороны, тогда мы придём к выводу, что Копирка — очень важный член банды...

— Дальше, — подбодрил его Вебб, лицо которого вдруг превратилось в каменную маску.

— Робин Гуд крадёт, и тут всё ясно. Потом приходит Копирка и создаёт новые счета с идентичным вкладом — 1252 фунта и 74 пенса. А уж потом их экспедитор — Мастер — переводит на эти счета деньги, украденные Робин Гудом. И дело сделано!

— Мне нравится эта версия, — сказал Вебб. — Хозяин банды может собирать деньги небольшими суммами с большого числа отдельных счетов, разбросанных по филиалам «Уотермана». Это снижает риск разоблачения.

— Тогда вполне разумна и сумма в 1252 фунта 74 пенса. В качестве первоначального взноса её довольно удобно использовать — она не круглая и в то же время достаточно большая, чтобы следующий перевод на девять тысяч не вызвал удивления у персонала филиалов банка. Что вы об этом скажете?

— Звучит довольно правдоподобно, Джек. Честно говоря, мне самому это в голову не пришло, но думаю, что вы опять попали в яблочко. А вообще говоря, мы с вами выполнили отличную коллективную работу, — сказал Вебб.

Но вдруг лицо его резко изменилось, похоже, что у него просто перехватило дух. «Коллективную работу», — повторил он опять и быстро забарабанил пальцами по столу.

Вебб пододвинул к себе листок, на котором были записаны придуманные им имена членов «Мышиной банды» и что-то начал писать. Кеннеди привстал и, заглянув ему через плечо, увидел, что Вебб приписал крупными буквами ещё одно слово — «СМИТ».

— Что-то у нас эта банда разрастается, — сказал Вебб как будто про себя. — Но кто это? И где он обретается?

— Во всяком случае, дела его идут совсем неплохо, — Кеннеди внезапно стало весело. — Давайте попробуем подсчитать, сколько они уже утащили. Как вы думаете, сколько у них счетов?

— Бог знает, Джек.

— Я думаю, что не меньше десяти. А почему бы и нет? При девяти тысячах на каждом из них это уже составляет совсем не маленькую кучку денег — девяносто тысяч фунтов стерлингов.

— Да, но мы ведь уже пришли к выводу, что девять тысяч для наших друзей сумма слишком мизерная. Это явно не та сумма, с которой они будут играть по-серьёзному, — им овладело то же лихорадочное чувство причастности к крупным деньгам, что и Джека.

— О'кей, тогда давайте угадывать дальше. Предположим, что Мастер каждый раз

перечисляет суммы не меньше... скажем, пятидесяти тысяч фунтов? Это же в сумме полмиллиона фунтов! Полмиллиона, Крис!

— Полмиллиона, — повторил Вебб, как эхо, лаская языком эти звуки. — Попробуйте это себе представить, Джек. Полмиллиона.

— Ей-богу, они заслужили, чтобы им удалась эта операция, а, Крис? Они же её так сказочно ловко придумали. Мне даже не по себе, что я помогаю рушить это чудо программистского мастерства!

— Ладно, ладно, — Вебб по-отечески положил руку на плечо Джека. — Пораскиньте лучше мозгами ещё раз и сообразите, с чего это наш с вами друг меняет даты? Я никак не могу этого понять.

— Даты? — Кеннеди явно удивился. — Вы в этом совершенно уверены?

— Конечно.

У Вебба внезапно пересохло во рту.

— Может быть, вы мне это хоть объясните...

— Что именно? — Веббу казалось, что голос Джека долетает откуда-то издалека.

— Да вот сомнения с этими датами! В чём тут, собственно, дело?

Вебб на секунду заколебался, а потом пожал плечами:

— Почему бы и нет, в конце концов?

Он подробно пересказал Джеку историю с листом распечатки, который он нашёл в мусорном ящике в машинном зале. Джек громко расхохотался.

— Это всё стереотипы, Крис, — хохотал он и хлопал в ладоши.

— Чёрт возьми, что здесь такого уж смешного, Джек?

— Ну что вы, Крис, это же действительно смешно. Разве вы когда-нибудь слышали об уборщицах, которые выполняли бы свою работу идеально, в строгом соответствии с инструкциями?

— И тем не менее, именно этот след привёл меня к «мышке». Именно поэтому я начал прочёсывать операционную систему!

Кеннеди снова захохотал.

— Да, вашему приятелю — шефу «Мышиной банды» просто крупно не повезло!

— Не повезло, это вы точно сказали, — сказал Вебб хмуро.

Он взглянул на часы и встал.

— По-моему, у нас сегодня выходной день. Давайте-ка закончим на сегодня, Джек.

Он сухо пожал Кеннеди руку и ушёл.

31

Понедельник, 28 февраля. Поздно вечером Вебб припарковал свой «Порше» за несколько улиц от вычислительного центра. Из отделения для перчаток он вытащил плоский фонарик и засунул его в нагрудный карман. Потом он прихватил ещё тюбик быстросохнущего эпоксидного клея и, наконец, странный деревянный предмет, похожий на петлю для навески двери. По дороге он остановился у тёмной витрины и оглядел себя. Заметив, что петля оттопыривает карман пальто, он поправил её, но она оставалась в кармане, и чем ближе Вебб подходил к вычислительному центру, тем, казалось, больше она становилась.

Охранник у входа, увидев его, взглянул на часы. Они показывали 22:15.

— Что, в ночную смену потянуло? — поинтересовался он сочувственно.

— И вы ещё спрашиваете, — ответил Вебб кисло. — Там хоть есть кто-нибудь наверху для компании, а?

Охранник взглянул в свой журнал и пожал плечами:

— Увы, обрадовать мне вас нечем — предстоит потеть в одиночку.

— И тут не повезло, — огорчился Вебб.

***

Зал программистов на последнем этаже был погружён во тьму, и Веббу пришлось перебрать несколько выключателей, пока зажётся свет над его столом. Он спустился на третий этаж, где за столом дежурного сидела девушка, уныло читавшая какой-то толстый роман. Она кивком головы поздоровалась с Веббом и охотно показала ему план вечерних работ — ни одна из программ, облаживаемых в этот вечер, не могла вызвать у кого-нибудь из программистов необходимости личного присутствия — одиночество Вебба было гарантировано.

Вернувшись наверх, Вебб первым делом вытащил из кармана пальто деревянную петлю. Он сложил вместе обе половинки, а потом отпустил одну из них, и пружинка немедленно вернула её в исходное положение. Потом он отстегнул свою опознавательную карточку, напомилавшую своим цветом, что он в вычислительном центре только гость, и направился в угол зала. Там были скрыты двери запасного пожарного выхода, ведущие на бетонную лестницу, по которой можно было спуститься прямо на улицу. На первом этаже лестница кончилась такими же дверями — одна из них выходила в коридор, соединявшийся с холлом, где сидели охранники, а вторая открывалась прямо на улицу и находилась под непрерывным телевизионным наблюдением с пульта охраны. Но главное, что интересовало Вебба в данный момент, было содержавшееся в докладе «ДАСТА» указание на то, что ни одну пожарную дверь, ведущую внутрь здания, открыть с лестницы невозможно.

На его часах было уже 22:37. Вебб прошёл через дверь пожарного хода и, чтобы она не закрылась, вставил в щель свой «дипломат».

Было 23:06, когда Вебб услышал снизу лязг открывшейся двери, а потом стук женских каблучков, спешивших к комнате отдыха. Где-то глубоко внизу шаги замерли и послышался слабый стук в дверь. Похоже, что гостью там ждали — сразу же раздался новый лязг и на секунду на пожарной лестнице стало светлее от яркого света, хлынувшего в пожарную дверь комнаты отдыха, когда её распахнули навстречу гостю с «красного» этажа.

Когда эхо затихло и на лестнице снова стало абсолютно тихо, Вебб осторожно начал спускаться вниз. Дойдя до пожарной двери запретного, «красного» этажа, он чуть не заплакал от радости. Его петля сработала! Вебб быстро снял туфлю и вставил её в образовавшуюся щель, а потом, поднатужившись, оторвал петлю. Он снова надел туфлю и вступил в «красную» зону.

***

Устроившись за столом Харрингтона, Вебб приладил карманный фонарик и раскрыл папку наугад. Сегодня ему определённо везло — на первом же листе стояло:

28 января

ВНУТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ: Адресовано исключительно адресату

ОТПРАВИТЕЛЬ: Т. Дж. Батчелор

АДРЕСАТ: А. Харрингтон

ПО ВОПРОСУ: Контроля за содержанием разговоров по внутреннему телефону

Настоящим подтверждаю, что на основании Вашего распоряжения от 26 января, с сегодняшнего числа установлено наблюдение за переговорами по внутреннему телефону № 125. Прослушивание осуществляется непрерывно.

— Похоже, что раньше такие меры безопасности не предпринимались, — пробормотал сам себе Вебб. — Какая муха тебя укусила, Алекс? Что тебя вдруг испугало?

Вебб начал лихорадочно перелистывать страницы дела, спеша найти лист с датой 7 февраля перед текстом. Трясущимися руками он переворачивал листы, пока не открыл нужный.

7 февраля

СТРОГО КОНФИДЕНЦИАЛЬНО

ОТПРАВИТЕЛЬ: Т. Дж. Батчелор

АДРЕСАТ: А. Харрингтон

ПО ВОПРОСУ: Расшифровка записей телефонных разговоров, проведённых по телефону № 125 в понедельник, 7 февраля

Общее число записанных разговоров: 5

Принятый звонок. Начало разговора в 10:47

ВЦЛ: Алловей у телефона.

ЗВОНЯЩИЙ: Это Тед Андерсон, Мартин. Вычислительный центр в Манчестере.

ВЦЛ: Приветствую. Как у вас дела?

ЗВОНЯЩИЙ: Отлично. А у вас?

Это был обычный деловой разговор. Следующие три разговора в тот день тоже не представляли особого интереса. И наконец он нашёл то, что ему было нужно:

Принятый звонок. Начало разговора в 20:16.

ВЦЛ: Алловей.

ЗВОНЯЩИЙ: Как хорошо, что вы ещё не ушли.

ВЦЛ: Подождите у аппарата.

И это было всё! Ни звука о Тилерс-плэйс. Ничего, что позволяло хоть как-то идентифицировать звонившего. Ничего, что дало бы основания связать последний разговор Алловей с его внезапной смертью. Отчёт кончался почти в самом начале страницы. На пустом месте кто-то, скорее всего Харрингтон, нарисовал карандашом большой вопросительный знак.

Снова и снова Вебб перечитывал краткую запись разговора, сравнивая её с тем, что сохранила его память — долгие гудки в трубке, потом Алловей наконец поднял трубку, эти три слова, какие-то щелчки. И вдруг он вспомнил о записке Клементя. Алловей наверняка уже прочёл эту записку, он знал, что его телефон прослушивается.

— Ах ты, хитрец! — прошептал ошеломлённо Вебб. — Ты же просто переключил разговор на другой аппарат! Ты же провёл их!

***

Вернувшись к себе домой, в Челси, Вебб налил большой стакан виски и улёгся в ванну с горячей водой. И так, Харрингтон не прознал об их последнем разговоре с

Алловедем практически ничего, и никто об этом уже никогда не узнает. Он поднял стакан вверх, как бы провозглашая тост в честь Алловея.

— Ты был настоящий дьявол, Мартин, — сказал он вслух с уважением. — Один трюк лучше другого!

И всё же... Он развалился в ванне, так что вода доставала ему почти до подбородка. И всё же... Харрингтон, несомненно, питал какие-то подозрения насчёт Алловея, хоть тот и был невероятно ловок. И эти подозрения были достаточно основательны, раз он приволок в банк спецов по вопросам безопасности. Но в чём же, собственно, Харрингтон подозревал Алловея?

— Какие же ошибки допустил этот парень? Чего я должен остерегаться? — спросил себя Вебб вслух, медленно потягивая и перекатывая во рту виски.

32

Разгадка пришла внезапно в самый неподходящий момент, когда он медленно полз в потоке машин по набережной в Челси.

— Матерь божья! — охнул он вслух, когда внезапно сообразил, что бы это могло значить. Нет! Что это означало наверняка.

— Ну что же, милый Алекс, — пробормотал он, не сдерживая улыбки. — Если я не ошибаюсь, время травли кончается и начинается сезон отстрела харрингтонов.

Приехав в ВЦЛ, он позвонил Харрингтону и попросил о немедленной встрече. Банкир отбивался, отговаривался совещаниями, которые у него назначены на сегодня, но Вебб был неумолим.

— Ну ладно, — недовольным голосом согласился наконец Харрингтон. — Встретимся в конференц-зале на вашем этаже. Скажем, через четверть часа, идёт?

***

— Надеюсь, что у вас есть что-то исключительно важное для меня, раз уж вы так ко мне сегодня пристали, — заявил Харрингтон, едва войдя в конференц-зал.

— Думаю, что вы и сами признаете это исключительно важным!

Харрингтон уселся напротив Вебба, как всегда нервно сплетая и расплетая пальцы.

— Ну, в чём дело? — осведомился он нетерпеливо, заметив, что Вебб не спешит начать разговор.

— Это довольно неприятное дело, — сказал Вебб раздумчиво. — Работу для вас я уже практически заканчиваю и уже начинаю потихоньку готовить заключительный доклад. Доклад, в котором я должен буду выдать вашей системе аттестат на полнейшую стерильность...

— Ближе к делу, господин Вебб, ближе к делу!

— Что ж... Короче говоря, кто-то вам нафаршировал «БАНКНЕТ» своей воровской программой!

— Кто-то?... — Харрингтон разом посерьёзней, скучающая маска исчезла с его лица.

— Я понимаю, что это может прозвучать бессмыслицей, но подозревать приходится в первую очередь Алловея. — Вебб устало пожал плечами. — Всё это как-то странно...

— Кого-кого вы назвали?

Вебб сразу же заметил, как вздрогнул Харрингтон, услышав имя Алловея.

— Алловей, — повторил Вебб спокойно. — Это — единственный человек, который

обладал такой возможностью. Он начал здесь у вас какую-то подозрительную деятельность. Впервые я натолкнулся на её следы в прошлый уикэнд. А вчера вечером, когда я пришёл сюда поработать в тишине и покое, я...

— Позвольте мне напомнить вам, что этот человек уже мёртв! — резко перебил его Харрингтон.

— Но его программа живёт, вот и всё, что я хотел сказать. Она сидит в вашей системе и усердно там трудится. Поэтому, хотя Алловой и мёртв, но он грабит вас и дальше, господин Харрингтон!

— Это же абсолютный абсурд, — сказал он наконец. — В ваших предшествующих отчётах я не нашёл ни слова ни о чём подобном. Там даже тени подобного не было!

— Я же говорю вам, что речь идёт о работе, которую я провёл буквально в самые последние дни...

Банкир снова вернулся к столу и, усевшись в кресло напротив Вебба, наклонился вперёд так, что они чуть было не столкнулись носами.

— Мне это ни капельки не нравится, вот что я вам скажу. Этого я от вас просто не ожидал, — в его глазах плескался гнев.

— Но ведь ради этого вы меня и наняли, — с кротким упрёком парировал Вебб. Он отвернулся, не уверенный, что сумеет полностью справиться с собственными глазами.

Снова наступила тишина, которую прервал голос Харрингтона.

— Итак?

— Что «итак»? Что вы хотите от меня услышать?

Харрингтон страдальчески вздохнул.

— Я хотел бы знать, что собственно происходит в моей системе. И что об этом думаете вы?

Теперь из-за стола встал Вебб. Когда он, опустив глаза, вернулся в своё кресло, на его лице явно читались следы борьбы с собственной совестью.

— Этот человек уже мёртв, как вы справедливо отметили, господин Харрингтон. И мне бы не хотелось обвинять того, кто уже не может...

— Бога ради, оставьте это!

— Лично я думаю, что он вас обкрадывал. Я в этом почти убеждён. Но со стопроцентной гарантией я это ещё сказать не могу! Кто-то деньги берёт, это факт. Я нашёл программу, которая это делает. И по моему мнению, Алловой был именно тем человеком, который мог сделать эту вставку в «БАНКНЕТ».

— Но ведь это же был мой самый способный сотрудник, поймите же наконец!

— Да понимаю я это всё. А вы понимаете, каково мне?

Харрингтон на секунду замолк, о чём-то задумавшись, а потом более кротко спросил:

— И что же нам теперь, по вашему мнению, делать?

— Прежде всего, давайте проясним всё до конца между собой, — ответил Вебб. — В ходе дальнейших поисков я хотел бы иметь полную поддержку с вашей стороны.

— Дальше...

— Совсем недавно я получил от вас однозначное указание заканчивать работу и представить вам соответствующий доклад. Это указание, однако, исходило из предпосылки, что «БАНКНЕТ» полностью...

— Забудьте об этом, — махнул рукой Харрингтон. — С этого момента я аннулирую срок окончания вашей работы, установленный нашим соглашением!

— Далее, я должен получить доступ к счетам ваших клиентов. Иного способа

добраться до корней этой воровской программы нет!

— Моя позиция по этому вопросу вам хорошо известна!

— Что ж, если ваши внутренние правила для вас, господин Харрингтон, важнее, чем разоблачение мошенничества, то давайте считать, что моя работа у вас в данную минуту завершается!

Харрингтон сморщился и начал мять лицо рукой.

— Но мне нужны хоть какие-нибудь дополнительные детали, какие-то конкретные факты, на которые я бы мог опереться... Это же совершенно необычная ситуация.

— Пока у меня нет ничего, кроме собственного носа, — отрезал Вебб. — Вся эта история пахнет Алловеем — вот всё, что я могу вам сказать. Доверьтесь мне, и я постараюсь за пару дней размотать этот клубок до конца, — помолчав, Вебб добавил, — Мне нужен доступ к счетам ваших клиентов, господин Харрингтон! Я жду вашего решения.

— Наверное, это можно будет устроить, — капитулировал Харрингтон почти шёпотом. Он встал, бормоча «Алловей, Алловей...» Потом, явно взяв себя в руки, Харрингтон решительно двинулся к двери и уже на пороге, обернувшись, приказал Веббу:

— Сидите здесь и никуда не ходите!

Прошло минут двадцать, прежде чем Харрингтон вернулся, держа в руке два листа бумаги. Один из них он положил на стол и прихлопнул его ладонью.

— Подпишите мне это!

Перед собой Вебб увидел распоряжение, в котором были его имя, сегодняшняя дата и стандартный текст обязательства. Не раздумывая, Вебб подписал всё это.

— Возможно, что ситуация действительно весьма серьёзна, — сказал Харрингтон, забирая у него листок, — но я всё равно не желаю создавать нежелательных прецедентов. Я договорился, что вы получите доступ в архив на Лиденхолл-стрит. Их материалы полностью идентичны нашим.

— Это уже звучит лучше, — сказал Вебб спокойно.

Теперь Харрингтон подал ему второй лист бумаги, на котором было указано, что помощь ему окажет некий господин Такман, и сообщался его телефон.

— Когда вы снова объявитесь, господин Вебб?

— Скоро. Как только раскопаю что-нибудь новенькое.

«Что же за карта у тебя в рукаве, Алекс?», — размышлял Вебб, направляясь в зал программистов. Что-то сегодняшняя победа была слишком быстрой и слишком лёгкой...

***

Центральный архив находился на третьем подземном этаже. Комната, в которую вошёл Вебб, была до странного мала. Такман сидел за столом, заваленным бумагами. Ему, наверное, было немногим за тридцать, хотя его мертвенно бледное лицо, лицо человека, редко бывающего под лучами солнца, затрудняло точное определение возраста. На нём были помятые брюки и поношенный свитер — одеяние, которое фирма «Уотерман» вряд ли потерпела бы в другой части здания.

Только после того, как Такман тщательно изучил пропуск, который предъявил ему Вебб, на его лице появилась улыбка — столь же бледная, как и он сам.

— Я уж и не помню, когда у меня в последний раз был кто-нибудь из вычислительного центра!

— И Мартин Алловей не заходил?

— Это имя мне ничего не говорит. Откуда он, из отдела безопасности?

— Нет, он тоже из вычислительного центра.

— Алловей, говорите? Нет, он ко мне никогда не заходил.

Такман обошёл свой стол и пригласил Вебба присесть. Вдоль стен комнаты тянулись полки, заставленные папками с тщательно наклеенными ярлыками. И всё же здесь было до странного мало материалов. Даже у Сонди бумаг было раза в три больше.

— Кто же пользуется этими вашими богатствами? — поинтересовался Вебб.

— Главным образом, «пятёрка».

— А что это такое?

— Пятое отделение, безопасность. Сталкивались с ними? Цифрошпионы, охотники за мошенниками. Они у меня тут гостили на прошлой неделе. Чрезвычайно забавное зрелище, смею вам доложить!

— И нашли они, что искали? — спросил Вебб равнодушно.

Такман прищурил выцветшие глаза.

— А вы не из «пятёрки»?

— Нет, конечно, — Вебб даже улыбнулся от такого подозрения. Я работаю над программами «БАНКНЕТа». И в данный момент меня интересует, что у вас тут хранится и как упорядочен архивный материал.

— По сути дела, у меня хранится всё, что выходит из компьютера. Счета филиалов, счета клиентов, реестры всех видов — короче, всё, что только может вам прийти в голову.

Вебб обежал глазами стеллажи и пожал плечами:

— Честно говоря, что-то мне не верится...

— Ведь это же только каталог архива! Сам-то он там, — Такман хрипло рассмеялся и кивнул головой на закрытую дверь за его столом.

Вебб встал.

— Если вы не возражаете, я хотел бы познакомиться с его содержимым.

— Минуточку. В соответствии с инструкциями, вы должны сперва заполнить требование. А материалы я уж принесу сам. Так у нас принято, — Такман показал на стопку формуляров, лежащую на столе. — Фамилию клиента можете, так и быть, не писать. Вполне достаточно, если вы укажете только номер филиала и номер счёта.

Вебб указал пальцем на стеллажи:

— А там нет никакой финансовой информации?

— Конечно нет. Это только каталог архива.

— Значит, я могу затребовать комплект данных обо всех клиентах какого-либо филиала?

— Конечно, — Такман злорадно ухмыльнулся. — Если заполните требование на всех клиентов этого филиала, естественно...

— Дьявол! — прошипел Вебб, изо всех сил сдерживая себя.

— Так требует инструкция, — пожал плечами архивариус.

Вебб с минуту помолчал, проклиная в душе Харрингтона.

— Скажите мне, — сказал он, наконец справившись с гневом, — вам сегодня утром звонил господин Харрингтон?

— Да, незадолго до вашего прихода.

— Так что, он вам объяснил, что я тут делаю, не так ли?

— Вовсе нет. Он говорил только что-то об ошибке в компьютере, больше ничего. Вебб опять задумался.

— Ещё что-то? — спросил Такман.

— Нет, спасибо, пока ничего.

Вебб не торопясь начал разбираться в каталоге. Насколько он мог судить, единственная новая информация, которую он мог получить, пока не доберётся до сокровищ, охраняемых Такманом, были даты открытия счетов, указанные в каталоге.

«Что же», — рассудил он, — «по крайней мере, мне удастся выяснить всё о филиале в Найтсбридж, который в плане Алловея играл столь важную роль». Он взял папку с номером филиала 10053 и быстро пробежал перечень клиентов.

— Ай-яй-яй, Мартин, не ожидал я от тебя такой тривиальности! — с облегчением усмехнулся Вебб, найдя нужную строчку: «734282 М-р Дж. В. Смит».

Счёт существовал уже десять месяцев. Значит, Алловей открыл его задолго до того, как закончил программировать свою «мышку». Это свидетельствовало о полной уверенности покойника в своём успехе.

Может, это имя и тривиально, решил Вебб, но в общем поведение Алловея было правильным. Оно не задержит ничего взгляда при просмотре перечня клиентов филиала банка.

Он попытался поискать дополнительные следы Дж. В. Смита в генеральном каталоге клиентов банка, но нашёл там лишь указание на наличие у мистера Смита счетов в филиале в Найтсбридж. Он посмотрел каталог, в котором счета были классифицированы по номерам и обнаружил то же самое. Скорее всего, прикинул Вебб, сведения о том, что для мистера Смита открывались счета и в других филиалах «Уотермана», подавлялись программой «мышки» и потому в каталог не попадали. Это было нетрудно проверить в вычислительном центре.

Он вернулся к столу и снова стал медленно листать папку найтсбриджского филиала, невидяще скользя глазами по строчкам и размышляя, как добыть дополнительную информацию, не выдав себя Такману и Харрингтону, который, несомненно, затребует у архивариуса подробный отчёт о пребывании Вебба в архиве.

Он просидел довольно долго в прострации, пока вдруг его не осенило. Это было так просто, даже примитивно, что Вебб готов был убить себя, что не догадался сразу. Компьютер был не в состоянии уничтожить всю информацию о мистере Дж. В. Смите! Эта информация должна была присутствовать в папках с перечнями клиентов отдельных филиалов. Значит, ему надо будет просмотреть все папки с перечнями клиентов каждого филиала, всю тысячу двести или сколько их там у «Уотермана», чтобы обнаружить, в скольких филиалах Дж. В. Смит владел «мышинными» счетами. Джек считал, что их может быть примерно десять, но Вебб был склонен оценивать их количество цифрой двадцать.

Количество записей в его блокноте всё возрастало, и Веббу нестерпимо хотелось остановиться, пересчитать обнаруженные счета, разобраться в их значениях, ужаснуться открытиям. Но вместо этого он заставил себя работать чисто механически, чтобы бдительный Такман, поднаторевший на общении со специалистами отдела безопасности, даже не догадался, что Вебб нашёл хоть что-то, представляющее для него существенный интерес.

Когда он закончил прочёсывание архива, то заполнил требования на десяток совершенно случайно выбранных клиентов разных филиалов.

— И это всё? — удивлённо спросил Такман.

Вскоре он вернулся с десятью скоросшивателями, которые должны были замести следы реальных поисков Вебба. Спрятав блокнот в разложенный скоросшиватель, Вебб лихорадочно принялся сводить собранную информацию. Кончив подсчёт, он не поверил собственным глазам, и повторил его опять. Результат был тот же — из 1276 филиалов, которые были у «Уотермана» на территории Великобритании, в 256 мистер Дж. В. Смит владел счетами! Двести пятьдесят шесть счетов — такого Вебб и предположить не мог...

К реальности его вернул голос Такмана.

— Я заканчиваю, — сказал он, покашливая. — Мне жаль, но вам пора сдавать документы. Порядок есть порядок.

Несмотря на все протесты, что он только начал как следует работать, Вебб был вежливо, но решительно выставлен в коридор. В последний момент он вспомнил ещё один оставшийся невыясненным вопрос и придержал дверь рукой.

— Скажите, а выписки из личных счетов сотрудников банка у вас есть?

— Полный комплект, — ответил Такман. — Я же сказал — у меня тут есть всё, что только выходит из компьютера.

— Действительно, вы говорили мне об этом.

— Но по этому вопросу вам придётся прийти уже завтра утром.

— Ничего, — ответил Вебб. — Это не горит.

***

Веббу пришлось идти пешком до собора св. Павла, прежде чем ему удалось поймать такси. Откинувшись на заднем сиденье, он снова и снова повторял ошеломившую его цифру. Да, Алловей был человеком невероятного размаха — ограбить пятую часть филиалов крупнейшего банка Англии, скрыться с добычей без единой царапины и без единого выстрела... Такого грабежа ещё никому не удавалось совершить!

Двести пятьдесят шесть счетов! К деньгам, которые лежат на этих счетах, ему не добраться никогда. Это Вебб понял сразу. Он не мог себе представить, каким образом ему удалось бы добыть копию подписи Дж. В. Смита. Более того, ему нельзя было и предпринимать такой попытки — в каком-нибудь филиале могли запомнить внешность Дж. В. Смита. Это означает, что все эти деньги будут лежать на счетах без малейшей пользы и без всякого движения до тех пор, пока банк «Уотерман» будет существовать на свете. Но вне досягаемости Вебба.

Только усевшись в своём кабинете на Фитцрой-сквер, Вебб успокоился настолько, чтобы суметь спокойно проанализировать записи. Самым «свежим» был счёт в филиале на Финсбьюри-парк в Лондоне. Он был открыт за пару дней до смерти Алловей. Все же остальные счета, за исключением исходного в Найтсбридж, были открыты на протяжении последних пяти месяцев. Только за один июньский день их было открыто в филиалах, разбросанных в окрестностях Манчестера, десять штук. Неделей позже ещё шесть счетов было открыто в Ноттингэме. Мог ли совершить все эти вояжи и визиты в филиалы банка один-единственный человек без посторонней помощи? Вряд ли. Проверить это можно было только в том случае, если персонал банка на Финсбьюри-парк ещё помнил господина Смита. Следовательно, стоило рискнуть и попытаться получить у них такую информацию.

Но с этим надо было подождать до утра. Этот день был более чем успешным — он сделал всё так, как это, наверное, сделал бы и сам Мартин. Мартин... Внезапно Вебб

поймал себя на том, что он почти жалеет о смерти Алловея. Да, они бы вместе составили отличную команду!

33

Филиал банка «Уотерман» на Финсбьюри-парк полностью соответствовал принципу, выдвинутому Мейером Уотерманом: филиалы должны сливаться со своим окружением, чтобы казаться привычными для возможных клиентов. Финсбьюри-парк не относилась к числу роскошных улиц, и потому филиал тоже был подчёркнуто скромным.

Для своего визита Вебб выбрал послеполуденное время, когда в филиале стало многолюдно, и у окошек начали образовываться короткие очереди. Держа в руках свою чековую книжку с прикрытым ладонью названием «Нэшинэл Уэстминстер». Вебб изучал лица сотрудников филиала. За одним из окошек сидела веснушчатая девушка с обручальным кольцом на пальце, за двумя следующими — двое мужчин приблизительно одинакового среднего возраста, а за последним окошком работал парень примерно двадцати пяти лет, длинноволосый, в твидовом пиджаке. Табличка над окошком сообщала, что его зовут Рональд Гэйтс.

В 12:45 Рональд Гэйтс вынырнул из банка и направился куда-то вниз по Финсбьюри-парк. Когда он остановился на перекрёстке, Вебб слегка дотронулся до его плеча.

— Я бы хотел с вами поговорить, господин Гэйтс. Это будет недолгий разговор.

— Что, простите? — удивлённо спросил Гэйтс, повернув голову. С первого же взгляда он понял, что не знаком с человеком, окликнувшим его. Но то, что его назвали по имени, явно беспокоило Гэйтса, и он неуверенно затоптался на месте.

— Этот разговор может быть для вас весьма интересен, — сказал Вебб. — Очень интересен.

— Что же в нём могло бы быть такого уж интересного? — Гэйтс наконец решил перейти улицу.

— Это я вам сейчас объясню, — сказал Вебб и зашагал с ним бок о бок. — Вы идёте обедать?

На противоположном тротуаре банковский клерк остановился и тщательно оглядел Вебба. Его «да» прозвучало скорее как вопрос, чем как ответ.

— А куда? — продолжал допытываться Вебб. — В ресторан или в трактир?

Гэйтс указал на трактир, расположенный на ближайшем углу.

— Что если я сегодня приглашу вас на пиво? Что вы на это скажете? Вы нужны мне, значит, угощение тоже за мной.

В буфете трактира Вебб взял две кружки пива и бутерброды. Гэйтс тем временем занял столик в углу зала, который в этот час ещё был почти пуст.

— Вы, по-моему, работаете в том банке, что выше по улице, так? — поинтересовался Вебб тоном светского завсегдатая, когда они уселись за стол и сделали по глотку пива.

— Да.

— Управляющим?

— До этого мне ещё далеко.

— Думаю, что нам нет смысла ходить вокруг да около, — сказал Вебб и наклонился поближе к Гэйтсу. — Мне нужна от вас кое-какая помощь слегка необычного, скажем так, характера.

— Это как-то связано с банком?

— Совершенно верно.

— А, — кратко прокомментировал это заявление Гэйтс и подозрительно сощурил на Вебба глаза.

— Пару цифр, больше ничего. Ничего противозаконного, если у вас появилось такое подозрение. А заплачу я хорошо.

— Что вы понимаете под «парой цифр»?

— Кое-какие подробности об одном из ваших клиентов. Никто об этом никогда не узнает.

Гэйтс сделал большой глоток пива и задумчиво проговорил:

— Но это противоречит правилам. И не говорите, что вы этого не знаете.

— Но что вы скажете, если я предложу вам за это пятьдесят фунтов?

Гэйтс снова глотнул пива, явно стараясь выиграть время.

— Нас постоянно предостерегают от таких поступков, — сказал он неторопливо. — Банк довольно строго присматривает за этим.

— Одна-единственная цифра, господин Гэйтс, — сказал Вебб увещающе. — Голая информация о состоянии счёта одного из ваших клиентов. А если вы сумеете для меня и ещё кое-что выяснить, то получите ещё пятьдесят фунтов в качестве премии.

Гэйтс отставил кружку и внимательно оглядел соседей по залу, невольно повторив движение Вебба.

— О каком клиенте идёт речь? — спросил он, повернувшись к Веббу. Его спокойный тон не оставлял сомнений в том, что Гэйтс принял решение. — Но только учтите, что вам придётся подождать до конца рабочего дня — бегать туда-сюда во время обеденного перерыва было бы слишком опасным.

— Я подожду. — Вебб передал Гэйтсу листок бумаги. — Мне нужно всё, что вы сумеете разузнать об этом парне. Сколько у него на счету. Был ли он в последнее время в банке. Всё, что о нём записано в документах вашего филиала. За это вы получите пятьдесят фунтов основного гонорара.

— А премию за что?

— Её вы получите, если сможете точно описать мне этого парня.

— Этого слишком мало для того, чтобы я смог вам сказать, знаю ли я этого парня вообще, — пробормотал Гэйтс, разглядывая бумажку с номером счёта.

— Попробуйте разузнать, может быть, его видел кто-нибудь из других сотрудников. Но осторожнее с этим, понимаете? Я не хочу, чтобы вокруг этого дела поднялся шум. Когда вы заканчиваете работу?

Они вышли из трактира и остановились на углу улицы, прежде чем разойтись в разные стороны.

— Вы частный детектив? — спросил Гэйтс.

— Что-то в этом роде, — этого вопроса Вебб ожидал.

— Мне, конечно, всё равно, но я надеюсь, что в этом деле нет ничего такого...

— Да бросьте вы думать об этом, — сказал Вебб сердито. — Просто моим клиентам этот парень задолжал кое-какие деньги. Кругленькую сумму. И им теперь надо решить, стоит ли подавать на него в суд или нет.

— Понял.

Вебб похлопал Гэйтса по плечу.

— Вы помогаете справедливому делу, даю вам слово.

— Тогда всё в порядке, — ответил Гэйтс.

***

Вебб вошёл в «Королевскую голову» ровно в 17:30 и сразу же заметил Гэйтса.

— Вы добыли это?

— Сперва деньги, потом товар, — ухмыльнулся Гэйтс.

— Вы добыли это?

У своего колена Вебб почувствовал ладонь собеседника и вложил в неё свёрнутые валиком банкноты.

— Это некий Смит, верно? — сказал полувопросительно Гэйтс.

— Полное имя?

— Джеймс Виктор Смит.

— Это он.

— Он имеет у нас счёт на 1252 фунта 74 пенса. У нас он был последний раз месяц назад. Насколько мне удалось выяснить, он приходил лишь однажды. Ничего не брал, ничего не клал. Раньше имел счёт в другом филиале... Найтсбридж.

— И это всё?

— А вы ожидали, что там будет существенно больше двенадцати сотен? — Гэйтс таинственно усмехнулся.

— Я ожидал, что у него будет куда более крупная сумма.

— Можете на это рассчитывать. Похоже, он собирается куда-то переехать. Поэтому он продаёт свою квартиру и хочет что-нибудь купить здесь поблизости, причём купить за наличные. Так что, если ваши клиенты сумеют перехватить его до этого...

— А сколько он собирается выручить за свою квартиру, он случайно не говорил?

— Он рассчитывает выручить как минимум девять тысяч.

Вебб наклонился к собеседнику вплотную.

— Ровно девять тысяч?

— По крайней мере, он так говорил. Ту же квартиру, которую он присмотрел здесь у нас, он собирается выторговать тысяч за десять.

— Ах, вот как! — выдохнул облегчённо Вебб. — Опять эти магические девять тысяч.

— Неплохо, да? — обрадовался Гэйтс, увидев, что его информация так взволновала Вебба. — Может, всё-таки пропустите кружечку пивка?

Вебб только отрицательно мотнул головой.

— А как он выглядит, вы узнали?

— Кстати, об этом, — сказал Гэйтс с уклончивой улыбкой. — Если ваши клиенты этого парня, как вы говорили, хорошо знают, то зачем вам...

— Они-то его знают, а я нет, — быстро перебил его Вебб. — Кроме того, он поменял адрес, чтобы замести свои следы. И мне надо точно удостовериться, что я выследил именно его! Понятно? Так как же он выглядит?

— А вам, надо сказать, крупно повезло — оказывается, когда он был у нас в банке, его принимал именно я. Он подошёл к моему окошку и попросил пригласить управляющего.

— Ну да?!

— Честное слово, но, правда, я всё равно не очень-то помню, как он выглядел. Так, худой, примерно ваших лет...

— Напрягитесь, напрягитесь, Рональд, — настаивал Вебб.

— Он говорил довольно красиво... По-моему, с лондонским акцентом. Он точно не с севера, за это я могу поручиться. — Гэйтс жалобно пожал плечами. — А больше я и не могу ничего вспомнить.

— Очки у него были?

— Вроде бы нет...

— Да или нет?

— Не было, точно не было.

— А обувь, одежда? Об этом вы что-нибудь запомнили?

Гэйтс машинально потянул себя за ухо, вспоминая.

По-моему, он был одет в плащ, довольно светлый, если мне память не изменяет. Наверное, «от Барберри»...

Вебб крепко схватил его за кисть.

— Поношенный! И к тому же слегка грязный, так?

На лице Гэйтса появилась усмешка при этих словах Вебба.

— Как ни странно, вы правы. Во время его разговора с управляющим у меня в голове мелькнула мысль, что не мешало бы ему из этих тысяч что-нибудь отложить и на обновление своего гардероба.

Вебб от возбуждения даже закрыл глаза.

— Это невероятно, — думал он вслух, забыв обо всём. — Всё это он ухитрился успеть сделать самостоятельно. Один за всё про всё, сукин он сын!

— Это действительно он?

— Вот именно, — очнулся Вебб и, не скрываясь, передал Гэйтсу очередные пятьдесят фунтов.

— Похоже, что вас здорово волнует это дело, — сказал Гэйтс, пряча деньги в карман. — Вы работаете с процентов?

— Можно и так сказать, — Вебб встал, явно намереваясь удалиться.

***

Вебб складывал в голове последние фрагменты мозаики. Итак, это всегда было ровно девять тысяч! Что в итоге давало 10252 фунта 74 пенса в каждом филиале, где существовал счёт на господина Дж. В. Смита или в сумме около двух миллионов шестисот двадцати пяти тысяч фунтов! Остаток плана был совершенно очевиден. Несомненно, что Алловей собирался снять с каждого счёта ровно по десять тысяч фунтов, о чём он заблаговременно предупреждал управляющих филиалами. Прошли бы месяцы, а то и годы, прежде чем кто-нибудь начал бы интересоваться, а что, собственно, стало с этим Смитом. К этому времени персонал филиала давным-давно забыл бы уже, как он выглядел, этот загадочный мистер Смит.

«И всё это он проделал в одиночку», — подумал Вебб. Virtuозная работа, просто концертный номер!

В восхищении Вебб покачал головой, сознавая, что уже в силу самого масштаба операции он вынужден признать Алловей победителем в их заочном соперничестве. Иными словами, Веббу ни за что не удастся превзойти это число — двести пятьдесят шесть счетов.

«Но на полсотни я бы потянул», — прикинул Вебб. Это уже звучало реалистичнее. При капле счастья, может быть, удастся довести эту цифру до ста. Всё будет зависеть от того, сколь долгую отсрочку он сумеет выбить из Харрингтона. Ещё одного месяца в вычислительном центре вполне хватило бы для реализации такого проекта. Но два

месяца было бы ещё лучше...

Да, сотня счетов. Ему понравился сам звук этого числа. Этаким симпатичненький кругленький миллион фунтов.

— Миллион, — произнёс он вслух, ощупывая это слово языком, как гурман глоток старинного вина. Когда-то они с Джеком предположили, что кража может достичь половины этой суммы. Теперь время догадок кончилось.

Сзади раздался чей-то нетерпеливый гудок. Вебб очнулся и увидел, что на светофоре зажёгся зелёный свет. Он нажал на педаль газа, и машина, зарычав, рванулась вперёд по улице.

— А я, пожалуй, — сказал он сам себе, — стану каким-нибудь «господином Джонсом»...

Часть четвёртая. САЛЬДО

КАССОВЫЙ АВТОМАТ «МАРК IV» ОБЛАДАЕТ НАИЛУЧШИМИ ПАРАМЕТРАМИ ИЗ ВСЕХ ВЫШЕРАССМОТРЕННЫХ МОДЕЛЕЙ. В СОЧЕТАНИИ С СИСТЕМОЙ «БАНКНЕТ» ОН ОБЕСПЕЧИТ В ФИЛИАЛАХ БАНКА КРУГЛОСУТОЧНОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ КЛИЕНТОВ.

Из служебной записки для совета директоров банка «Уотерман»

34

Пятница, 4 марта. Вебб, надвинув капюшон как можно глубже, стоял на краю тротуара на Мэриленбон, чувствуя, как холод постепенно забирается под плащ.

Зелёный «Ягуар» вынырнул с недалёкой стоянки и подкатил прямо к нему. Харрингтон распахнул дверь.

— Поганый вечер, а? — нахмурился он, заметив, как с плаща Вебба стекают капли на ковёр салона. — Прошу прощения за такую организацию нашей встречи, — добавил он. — Но мне необходимо переговорить с вами. А вычислительный центр для таких разговоров не самое подходящее место. Сами знаете...

— Ничего страшного, — ответил Вебб, застёгивая ремень безопасности.

— Я живу в Харпендене, — пояснил Харрингтон. — Но, думаю, наша беседа закончится значительно раньше, чем мы туда доедем. Я могу вас высадить где-нибудь у станции метро, например, в Хендоне. Устраивает?

— Вполне.

В машине было прохладно, и Харрингтон включил отопитель на полную мощность.

— Меня удивляет, что вы у меня до сих пор не появились. Именно это я и хотел вам сказать, прежде всего. Это меня просто поражает. Я ждал от вас отчёта о том, как у вас идут дела.

— Вы имеете в виду архив?

— Вот именно, где же ещё, в архиве!

— Это был холостой выстрел, — сказал Вебб спокойно. — Я там ничего не обнаружил. Абсолютно ничего.

Харрингтон на секунду отвернулся от руля, чтобы встретиться с Веббом глазами.

— Ничего?! Сначала вы прибегаете ко мне, чтобы сообщить, будто мой покойный сотрудник манипулировал с «БАНКНЕТОМ» в свою пользу, а теперь хотите, чтобы я поверил в то, что там ничего не было!

— Я сожалею, но дело обстоит именно так.

— Послушайте, ну а эта программа Алловея, та, о которой вы мне тогда

рассказывали... Вы были так уверены в её существовании?

— Она действительно крутилась одно время в «БАНКНЕТе», а потом исчезла. Без следа, — Вебб постарался придать своему голосу оттенок разочарования.

— Ага, — саркастически прокомментировал Харрингтон. — Значит, кое-что всё же в «БАНКНЕТ» Алловой засунул.

Они остановились на красный свет, и Харрингтон тревожно повернул к Веббу голову.

— А сколько он украл? Это вы выяснили?

— Нисколько. Ни пенни. Это несчастье... — Вебб красноречивым жестом развёл пустые ладони.

— Слава богу, хотя бы за это... — облегчённо выдохнул Харрингтон.

На светофоре зажёгся зелёный свет, и «Ягуар» прыгнул вперёд, почти достав бампер вырвавшегося вперёд «Мерседеса».

— Значит, этой программы уже нет, — повторил Харрингтон, сжимая руки на баранке так, что у него даже побелели костяшки пальцев.

— Что вы хотите, чтобы я указал в отчёте? — равнодушным тоном поинтересовался Вебб. — Надо ли мне описать суть махинаций Алловой или лучше умолчать?

— И то, и другое, — слишком быстро ответил Харрингтон. Было ясно, что это дело он тщательно обдумал заранее. — Отчёт со всеми подробностями сделайте для моего архива, чтобы я был в курсе всех деталей. Но одновременно, прошу вас, подготовьте и краткий официальный доклад, подвергнув его жесточайшей цензуре! Мне бы не хотелось поднимать большого шума, особенно теперь, когда опасность миновала. Сегодня в моде спокойствие, уверенность в себе.

Они выехали на Финчли-роад, всё время двигаясь в тесной колонне автомобилей. Харрингтон пытался проскользнуть в каждую щёлочку, но это мало помогало.

Впереди открылась свободная полоса, зарезервированная для автобусов, и Харрингтон рванул «Ягуар», оставляя позади все остальные машины.

— Почему, собственно говоря, вы не сказали мне, что знаете о попытке Алловой залезть в «БАНКНЕТ»? — внезапно спросил Вебб. — Вы же могли спокойно мне сказать об этом с самого начала!

Харрингтон оглянулся на него, видимо, размышляя, отвергнуть это заявление или нет, и решил, что не стоит.

— Честно говоря, я не придавал этому особого значения. Вас это удивляет? Я знал, что рано или поздно вы сами это обнаружите.

— А если бы я не нашёл?

— Но это же не произошло? А после того, как Алловой погиб, какой был вообще смысл рассказывать вам о моих подозрениях?

— С вашей стороны это был весьма предусмотрительный подход, Алекс!

Банкир сделал вид, что не заметил фамильярного обращения.

— Во всяком случае, — ответил он, — я бы оказался в не слишком завидном положении, если бы эта история выплыла наружу.

— Вот этого я не пойму. Алловой же был лошадкой Клементы, не так ли?

— Но подчинялся он мне. Я и нёс за него ответственность.

Выждав ещё минуту, Вебб тихо сказал:

— Вы ещё не забыли, как распорядились перенести все бумаги Алловой к себе вниз? Тогда я подумал, что вы хотите их тщательно проверить. А вы перенесли их в

«красную» зону только для того, чтобы никто другой не мог на них взглянуть.

— Например, кто?

— Например, я. Или Дженнифер Оуэн. Готов спорить, что вы на эти бумаги и не взглянули.

— Это только куча бумаг, не более того, — сказал Харрингтон. — Макулатура.

— И кроме того, вы всё это время наводили такой туман на реальные данные из «БАНКНЕТа», что я поначалу принял это всерьёз, — холодно продолжал Вебб. — Сегодня днём я опять наведалься в архив. Этаким случайный визит, представьте себе!

— Вы же мне сказали, что ничего там не нашли?!

— Но сегодня я затребовал другой комплект счетов. О подробностях вас Такман ещё проинформирует.

— Ну, ну, — пробормотал Харрингтон.

— На самом деле меня интересовал лишь один-единственный счёт. Остальное — маскировка, — Вебб повернулся, насколько ему позволял ремень, и пристально посмотрел на банкира. — Меня интересовал ваш счёт, Алекс. Я хочу, чтобы вы это знали.

Харрингтон не отрывал взгляда от дороги, стелющейся под колёса «Ягуара».

— Я нашёл весьма любопытную операцию, — не торопясь продолжал Вебб. — От семнадцатого ноября прошлого года. Вам что-нибудь говорит эта дата?

— В этом не было ничего такого, — сказал Харрингтон тихо.

— Это был перевод на ваш счёт суммы, составляющей ровно девять тысяч фунтов, причём нигде не указано, откуда эти деньги пришли. Довольно странная ситуация, не правда ли?

— Я могу вам объяснить...

— Не надо. Я прекрасно знаю, откуда там эти деньги взялись и кто их туда перевёл.

Без малейшего предупреждения Харрингтон внезапно свернул к тротуару и резко затормозил, что вызвало целый хор возмущённых гудков.

— И что вы ещё знаете? — голос у него был тихий, усталый.

— Точно я знаю только часть этого дела, — ответил Вебб. — Об остальном мне пришлось догадываться.

Напряжённое молчание в машине стало уже нестерпимым.

— А что я вам могу сказать? Просто Мартин ездил в Манчестер значительно чаще, чем это было необходимо. Кроме того, существовали элементы системы, к которым не имел доступа никто, кроме него самого. Я понятия не имел, что он там, собственно, вытворяет. Просто у меня появилось такое ощущение, что не всё у нас в порядке. А когда я ему задал вопрос впрямую...

— Б-з-з! — перебил его Вебб. — тогда вдруг на вашем счёте появились девять тысяч фунтов. Гонорар за молчание!

— Да, можно это и так объяснить.

— И вы действительно молчали! Четыре месяца вы просто делали вид, что этих денег нет. Теперь Алловой мёртв, а вы всё ещё ничего не предприняли!

— Так тоже нельзя сказать, — не слишком уверенно отозвался Харрингтон.

— Черт возьми, Алекс, вы же прямо ошалели от страха перед ним! Он что, угрожал вам своим приятелем Клементом?

— Вряд ли вы это поймёте, — пробормотал Харрингтон.

— А вы мне порасскажите об Алловой и Клементе, может, я пойму вас лучше, — предложил ему Вебб.

— Я бы сказал об этом так: очень близкие отношения. Обеды в самых роскошных ресторанах. А когда мы проводили корректировки заработной платы из-за инфляции, у меня всегда как бы случайно появлялся Клемент и интересовался прибавкой Мартина. Клемент следил за карьерой Алловея прямо-таки по-отцовски.

Харрингтон схватил Вебба за рукав, внезапно сбросив скорость.

— Не думайте, что я просто сидел сложа руки. Кое-что я предпринял.

— Да уж конечно! Внезапно приказали начать прослушивание его телефона. И это вы называете ответными действиями, Алекс?

— А вы хорошо информированы, — сказал Харрингтон удивлённо.

— И чего вы этим хотели добиться? Замазать глаза вашему отделу безопасности? Неужели вы всерьёз допускали, что Мартин способен о чём-то проболтаться в телефонном разговоре?

— Достаточно мне было получить хоть пару строчек компрометирующей информации, и я был бы спасён!

— Про меня вы тоже думали, что я вам в зубах притащу вещественные доказательства? — не отставал Вебб.

— А вы сами как думаете? — нетерпеливым миганием фар Харрингтон согнал в сторону не слишком торопящийся «Форд Капри» и прибавил скорость.

— Я думаю, что вы сукин сын. Что вы сукин сын и наложили в штаны от страха. И мне совсем не кажется забавным, что вы выставили меня впереди себя на линию огня!

— Идите к чёрту! Можете думать всё, что вам угодно! — отрезал Харрингтон, тоже вышедший из себя.

— Ситуация у вас сейчас не самая завидная, Алекс, — сказал Вебб, помолчав. — Вам уже поздно идти к Клементу и объяснять ему, почему это вы уже четыре месяца ни словом не обмолвились о результатах ревизии «БАНКНЕТа». Не можете вы признаться и в том, что боялись — не стоит ли за всеми махинациями Мартина сам Клемент.

— Похоже, что вы чрезвычайно точно осознаёте ситуацию, — ответил Харрингтон тихо.

— У меня есть предложение к вам, Алекс, — Вебб произнёс это очень тихо, ещё тише, чем Харрингтон.

— Слушаю вас.

— Программа Алловея вовремя самоуничтожилась. Я всё ещё могу подготовить для вашего совета директоров отчёт в том духе, что «БАНКНЕТ» чист, как стёклышко. Банкир вздрогнул.

— Но зачем это вам? Я не понимаю...

— У меня есть одно условие.

— Этого я ожидал.

— У «СисТех» сейчас дела идут не так, как бы нам хотелось, и я пока останусь без дела. И кроме того, ещё два месяца по сто пятьдесят фунтов в день дали бы мне кругленькую сумму в шесть тысяч.

— Это настоящий шантаж, — пожаловался Харрингтон. — Самый настоящий шантаж.

— Скажем, это — гонорар за оказанные вам услуги. Лично мне эта формулировка кажется более точной.

— Вы — такое же чудовище, каким был Алловей, — Харрингтон выдавил из себя улыбку, давая понять, что он не думает так на самом деле.

— Спасибо за комплимент, — усмехнулся Вебб.

«Ягуар» мчался всё дальше, и в тепле его салона Вебб начал подрёмывать, размышляя о том, что бы сделал Кеннеди, если бы внезапно обнаружил на своём счету девять тысяч фунтов. Промолчал бы он? Или начал бы трепать языком? Нет, решил наконец Вебб, это слишком большой риск. Жаль, очень жаль. Было бы приятно отблагодарить Джека за все его труды. И это было бы по-честному. Но увы...

Машина резко затормозила, и Вебб, очнувшись от забытья, увидел перед собой харпенденский вокзал. Он молча вышел из машины и вдохнул влажный воздух мартовского вечера.

— Я уже давно размышлял тут кое о чём, — чтобы видеть лицо Вебба, Харрингтон наклонился к самому рулю. — У вас нет желания заняться у нас в банке ещё одной ревизией — системы «КЕЙНОТ»? Это — комплекс автоматов для выплаты наличных денег, слышали?

— Можно попробовать, — пожал плечами Вебб, доставая с заднего сиденья плащ.

— Только уж, прошу вас, не слишком там копайте. На этот раз вы действительно ничего не найдёте!

— Вебб засмеялся:

— Я постараюсь шарахаться от всего подозрительного, будьте уверены!

***

«Ягуар» рванул с места, и звук его мотора быстро стих вдали. Вебб автоматически глянул на часы. Было семь часов вечера. Через пять часов «мышка» прибежит из Манчестера в Лондон.

Усмехнувшись, Вебб вдруг осознал, что он думает о «мышке» как о живом создании. «Интересно», — подумал Вебб, — «а каков срок жизни такой „мышки“? Месяцы? Годы?»

Он стоял, опершись на зонтик, и казалось, не замечал, что дождь усиливается.